

Во мраке Готэма

Стефани Пинтофф

Добсон, Нью-Йорк, 1905 год. Детектив Саймон Зиль потерял свою невесту при крушении парохода «Генерал Слокам». Тем летним днём 1904 года на борту судна в Ист-Ривер разгорелся пожар, унёсший жизни тысячи человек. Не смирившись с потерей, Зиль перевёлся в Департамент Полиции к северу от Нью-Йорка, чтобы сбежать из города, навевающего жуткие воспоминания. Но спустя всего пару месяцев новой жизни в тихом маленьком городке, детектив сталкивается с самым ужасающим убийством в своей карьере. В собственной спальне посреди тихого и спокойного зимнего дня была жестоко убита юная Сара Уингейт. В первые же сутки расследования с Саймоном связывается знаменитый криминолог Колумбийского Университета Алистер Синклер. Он выдвигает поразительное предположение относительно одного из своих пациентов — Майкла Фромли: детали убийства необъяснимо схожи с невменяемым бормотанием Фромли. Но что заставило Фромли с его агрессивным поведением и жестокими фантазиями искать Сару — подающую огромные надежды студентку математических наук и примерную молодую леди, которая ничего общего не имеет с его предыдущими целями? Действительно ли Фромли — убийца, или это дело рук подражателя? Именно это предстоит выяснить Саймону Зиллю с помощью блестящего, но эгоистичного Алистера Синклера. Прежде, чем убийца снова нанесёт удар.

Стефани Пинтофф

Во мраке Готэма

«Нет ничего проще, чем осудить злодея. Нет ничего сложнее, чем понять его».

приписывается Фёдору Достоевскому

Добсон, Нью-Йорк. Вторник, 7 ноября 1905 года.

Крик, разорвавший унылый, тусклый ноябрьский день был неестественно высоким. Его звук легко пролетел от домов в викторианском стиле до голых лесов за ними, затихнув лишь долетев до реки Гудзон. Те, кто слышал этот звук, скорее всего приняли его за крик животного, возможно, совы или кулика. Никто не мог поверить, что этот крик может принадлежать человеку.

Сам я его не слышал. Я могу лишь описывать его, как и остальные; так сказать, постфактум.

Но память — странная штука. Отчёт об этом нечеловеческом крике, отдававшемся эхом от домов, укоренился в моём мозге. Воображение сыграло со мной дурную шутку, создавая такое чёткое впечатление, что оно казалось истинным. Я лучше многих знал, что память иногда не даёт умереть тем воспоминаниям, которые больше всего хочешь похоронить. Но теперь знал, что память могла создавать то, чего не существовало на самом деле. Именно поэтому этот крик преследовал меня так неотвратно, словно в тот день и час я был там и собственными ушами слышал его.

И я не мог ошибиться в его происхождении: я знал, что это предсмертный крик Сары Уингейт прямо перед её жестоким убийством.

Новость о её смерти пришла к нам, когда огромные напольные часы в нашем офисе пробили пять вечера. Мой начальник, Джо Хили, который никогда не задерживается на работе ни на минуту дольше, уже надевал пальто, готовый отправиться домой.

— Ты закроешь всё, когда закончишь? — Джо завязывал шарф вокруг шеи.

Я сидел за своим столом, заканчивая бумажную работу по последнему аресту, произведённому сегодня утром. Томас Джонс завалился на работу на завод труб и металлоконструкций взвинченный и залитый спиртным и, в итоге, умудрился дать по морде своему начальнику.

— Конечно, — ответил я, переворачивая последнюю страницу отчёта. — Сегодня только вторник, а у нас уже третье нападение.

Я опустил ручку в чернильницу и поставил на отчёте дату и подпись.

— Если так пойдёт и дальше, к нашим дверям привалит женское общество трезвости. Хотя должен сказать, нам повезло, что все нападавшие были пьяны. Человек, не способный сфокусировать взгляд, и ударить нормально не может.

Наш разговор прервал топот шагов по лестнице, ведущей в офис в доме № 27 по Мейн-стрит. У меня появилось нехорошее предчувствие; никто никогда не направлялся к нашему зданию бегом. Вообще-то, все серьёзные преступления, которые в спешном порядке требуют вмешательства офицера полиции, обходили стороной наш сонный городок Добсон в штате Нью-Йорк на рубеже веков.

Чарли Манчи, молодой человек, работающий городским секретарём и ответственный за единственный во всём здании телефонный аппарат на первом этаже, передал нам краткое сообщение от доктора Сайруса Филдса. Ему было необходимо наше немедленное присутствие в доме Уингейтов.

— В доме миссис Уингейт на Саммит-Лейн? — уточнил Джо, недоуменно хмуря брови.

В нашем городке была лишь одна семья с фамилией «Уингейт», но я мог понять замешательство Джо. Их дом был в богатом квартале города, а доктор Филдс не был самым предпочтительным доктором у состоятельных горожан.

Он являлся одним из нескольких местных врачей, работающих посменно в городском морге, а в остальное время занимался лечением «синих воротничков»^[1] — работников фабрик, стоящих вдоль берега реки. Он тесно сотрудничал с нами в отношении вызовов на домашние ссоры и пьяные драки, потому что если препирательства продолжались, то мы могли пресечь их более действенно, чем крепкий, но низенький доктор.

Состоятельное общество Добсона предпочитало доктора Адама Уиттиера, который выполнял все прихоти своих зажиточных нанимателей. Ходили слухи, что и в состоятельных семьях не обходится жизнь без скандалов и драк, но если подобное и случалось, то с этим разбирались за завесой тайны. И уж точно не вмешивали в это полицию.

— Сайрус сказал, что произошло? — спросил Джо. Этому мужчине было слегка за пятьдесят, у него были густые седые волосы и обычно приятное, румяное лицо. Но сегодня он смотрел на молодого человека, словно это была его вина, что ужин Джо успеет остыть к его приходу.

— Он сказал, что там убийство, — Чарли прошептал эти слова, словно боясь их произносить вслух.

Я моментально понял причину. Его мать работала горничной у миссис Уингейт долгие годы. Чарли практически вырос в доме Уингейтов. Я даже лично встречался один раз с почтенной миссис Уингейт, когда она пришла в нашу городскую контору порекомендовать Чарли для работы секретаря, которую он сейчас и занимает.

— Кто убит? — голос Джо прогремел чуть громче, чем должен был.

— Доктор сказал, что это юная леди. Навещавшая их родственница. Но в детали он не вдавался, — лицо Чарли бледнело с каждой секундой. Я на секунду забеспокоился, что он упадёт в обморок.

— Доктор больше ничего не сказал, потому что твоя мать в порядке. Не переживай. — Я похлопал парня по плечу и ободряюще улыбнулся. Я знал, что Чарли уже восемнадцать лет, но в данный момент он выглядел маленьким перепуганным мальчиком. — И больше никому об этом ни слова, договорились? Ещё не время.

Он согласно кивнул. Я схватил своё пальто и потрёпанный кожаный саквояж, и мы с Джо поспешили на угол Мэйн и Бродвея, где наняли одну из ожидавших у трамвайной остановки повозок. До дома Уингейтов было недалеко, но здание было на вершине крутого холма, и мы торопились.

Когда мы разместились внутри экипажа, я глянул на Джо, главу отделения полиции, отделения, состоявшего из двух человек. Мужчина поджал губы, кутаясь плотнее в чёрное шерстяное пальто, пытаясь укрыться от ледяных порывов ветра с Гудзона, пронизывающих насквозь повозку.

— Когда ты в последний раз встречался в Добсоне с убийством? — спросил я тихо, чтобы возница нас не услышал.

— А что? Переживаешь, что я не справлюсь? — ошетинился Джо и бросил на меня уничижительный взгляд, который я не стал принимать на свой счёт. Наём меня на работу пять месяцев назад был решением мэра города и частью его плана по модернизации полиции Добсона. Глава города решил добавить в отдел молодого специалиста, знающего

новые методы работы.

Мне было тридцать лет. Я работал в Бюро детективов Департамента Полиции Нью-Йорка, а именно в седьмом отделе. А вот Джо был единственным офицером полиции Добсона с самого основания департамента.

Проработав в одиночку двадцать семь лет, он не очень-то обрадовался новому напарнику, считая, что меня сюда назначили, чтобы вынудить его уйти в отставку. И его мрачные подозрения иногда портили наши отношения.

Он заговорил через несколько минут и отвечал мне очень неохотно и сдержанно.

— Это было весной 1893. Фермера застрелили, — сказал Джо и пожал плечами. — Мы так и не раскрыли дело. Но больше у нас подобных происшествий не случилось. Я всегда считал, что виновным был кто-то из прошлого, точивший на этого фермера зуб.

Затем Джо пристально на меня взглянул.

— Думаю, что ты в городе порядком насмотрелся на убийства. Но всё же спрошу: ты уверен, что справишься? А то выглядишь, словно не в своей тарелке.

Я внимательно посмотрел на лицо Джо, пытаюсь найти там признаки того, что он знал о моём прошлом больше, чем я думал. Но их там не было. Вопрос отражал его собственные переживания, и мой напарник даже не ожидал, что попадёт прямо в цель.

Я тяжело сглотнул и ответил с куда большей уверенностью, чем на самом деле чувствовал:

— Я в порядке.

У меня был слабый желудок, особенно при определённых случаях, и я боялся, что этот случай как раз один из них.

А вот чего Джо не знал: я переехал сюда в мае этого года в поисках тихой жизни, где практически ничего не станет напоминать мне о Ханне — жертве прошлогоднего крушения парохода «Генерал Слокам». Я не был одинок в своём горе; почти каждая семья в Нижнем Ист-Сайде, где я тогда жил, потеряла кого-то из близких в тот жуткий день — 15 июня 1904 года.

Почти целый год после её смерти, образ Ханны преследовал меня, особенно, когда на работе попадались случаи трагической и страшной смерти молодых женщин. Я собирался жениться на Ханне и создать с ней семью... Но жить с призраком я больше не хотел.

Поэтому эта работа в Добсоне — маленьком городке в двадцати семи километрах от Нью-Йорка — показалась мне отличным вариантом: я мог тихо скорбеть и потихоньку избавляться от преследующих меня ночных кошмаров в месте, где жестокие убийства не происходят.

Но они всё же произошли... И этот случай станет проверкой моим заржавевшим навыкам. И слабому желудку.

Мы проезжали мимо скалистых утёсов, возвышавшихся над Гудзоном и раскрашенных в жёлто-оранжевые цвета осенней листвой. Окрестности менялись с каждым проносящимся мимо нас кварталом; местные жители называли их «от деревенщины до миллиардера», описывая тем самым разницу между однокомнатными квартирками на берегу реки и шикарными поместьями в противоположной части города на возвышенности.

Разделительной линией служила Церковная площадь. Здесь на перекрёстке стояли три церкви — все три католические, но отличавшиеся по этнической принадлежности прихожан: одна — для итальянцев, вторая — для ирландцев и третья — для поляков.

Когда подъём стал ещё круче, дома вдоль дороги стали более громадными и сложнее

украшенными: некоторые элегантно́й каменной кладкой, некоторые — изящным деревянным плетением, а некоторые — лепниной. Дом Уингейтов был одним из самых шикарных домов в этой округе, расположенный на самом большом земельном участке.

Это был великолепный дом в викторианском стиле с серо-розовой крышей над мансардой и широкой верандой, окружавшей дом с двух сторон. Когда я раньше проезжал по этим местам, я всегда любовался их королевскими лужайками и садами. Но сегодня это абсолютно не напоминало место, которое я видел: на лужайке перед домом кипел хаос.

Доктор Филдс определённо был внутри, потому что его сын Генри, которого доктор учил, чтобы передать в наследство докторскую практику, сдерживал на крыльце нескольких взволнованных соседей. К столбу посреди лужайки были привязаны два белых терьера, которым не нравилось такое отношение, и они оглашали окрестности пронзительным тьяканьем.

А в центре этой неразберихи на деревянном стуле с высокой спинкой сидела сама миссис Уингейт. Ей недавно исполнилось восемьдесят. Похоже, женщины было холодно, хотя кто-то и принёс тёплую шаль, чтобы завернуться и уберечься от промозглого вечернего ветра. Она раздражённым и обеспокоенным голосом повторяла вопросы, в сущности, не обращая ни к кому конкретному:

— Почему я не могу вернуться в свой дом? Скажет мне кто-нибудь, что случилось?

И самый частый:

— Где Эбби?

Мы с Джо протиснулись через волнующуюся толпу, спеша к главному крыльцу и парадной двери. Генри поприветствовал нас коротким, хмурым кивком. Мы вошли и в холле увидели доктора Филдса с его инструментарием.

Сайрус Филдс был низеньким мужчиной средних лет с неуёмной энергией и выдающимся энтузиазмом, когда дело касалось любого из его случаев. Его широкое лицо обычно было жизнерадостным, даже когда он сталкивался с умирающими или мёртвыми. Но сегодня он выглядел обеспокоенным. Лоб пересекали морщины, а густые волосы цвета соли с перцем были растрёпаны.

Доктор поднял голову, и, когда узнал нас, его облегчение было практически осязаемым.

— Слава богу, вы здесь, — прошептал он. — За все годы своей работы я никогда не видел ничего подобного... Просто не могу представить, почему... Каким же монстром должен быть человек...

И обычно словоохотливый доктор замолчал, не сумев выразить словами свои чувства.

— Мы понимаем, — тихо произнёс я. — Может, отведёте нас к ней?

— Конечно. Где мои перчатки?

Филдс говорил не об обычных зимних перчатках, а о специальных тряпичных перчатках, которые он надевал перед каждым осмотром места происшествия. Они лежали сзади на чёрной сумке, которую мужчина поставил на пол.

— А, вот они. Теперь идём. Нам наверх.

Мы пошли за ним, поднимаясь по широкой лестнице, полукругом ведущую наверх из холла.

— В доме ещё кто-нибудь есть? — спросил я и добавил. — Мы видели снаружи миссис Уингейт.

— Да, с ней должна быть её служанка, — ответил доктор. — Её племянница, мисс Эбигейл, отдыхает в библиотеке. Я не хотел, чтобы они нас подслушали или, не дай бог, что-

нибудь нарушили. Никто ни до чего не дотрагивался. Я знаю, что вы всегда предпочитаете так поступать, даже в менее, хм, серьёзных случаях, — доктор немного запнулся, прежде чем нашёл подходящие слова.

Мы поднимались дальше. Лестница скрипела под нашим весом, хотя богатая ковровая дорожка на ступенях должна была смягчить шаги. Дойдя до первой площадки между двумя лестничными пролётами, я почувствовал запах, который ни с чем не спутаешь — тошнотворно-сладкий запах крови. Я откашлялся, прежде чем подниматься дальше.

Но запах смерти таков, что единожды услышанный, он старается заполнить собой все органы чувств. С каждой ступенькой моё осознание его — и моё отвращение к нему — становились всё сильнее. Я чувствовал её вкус на языке, слышал запах, почти видел её, когда мы, наконец, поднялись по лестнице наверх.

Мне пришлось на секунду остановиться. Я схватился за перила, стараясь перебороть волну тошноты, нахлынувшей на меня и грозившей одержать верх.

Доктор Филдс указал пальцем на первую спальню справа от лестницы. Окна комнаты выходили на южную сторону и были прямо над улицей.

Мы медленно, нерешительно пошли за доктором.

Когда оказались у дверей, доктор Филдс отошёл в сторону, позволяя мне войти первому.

Я сделал два шага внутрь и запнулся. Она была там.

Я безжизненно смотрел перед собой, не желая признавать увиденное, прикованный к месту сценой жуткой резни. Жертва была аккуратно усажена на кровати, полусидя, прислонённая спиной к стене, со скромно сложенными руками. Голова девушки была настолько разбита, что я не мог различить черты её лица.

Голубые тканые обои над спинкой кровати были забрызганы кровью и каким-то серым веществом, в котором угадывались частички мозга. Я сглотнул, пытаясь перебороть ощущение тошноты, готовое вот-вот вывернуть меня наизнанку.

— Как её звали? — спросил я.

— Сара Уингейт. Она приехала сюда в прошлую пятницу, — ответил доктор. Его голос был спокойным, но бисеринки пота на лбу, и то, как мужчина отвёл глаза от тела, противоречило его кажущемуся хладнокровию.

— Значит, она родственница миссис Уингейт?

— Да. Племянница.

Чтобы собраться с мыслями, я начал осматривать остальную часть комнаты. Она явно была обустроена человеком, обладающим вкусом и чувством стиля — роскошный темно-синий ковёр с красным восточным орнаментом прекрасно подходил к голубому покрывалу на кровати и занавескам, две изящные китайские вазы украшали столики из красного дерева по обе стороны кровати.

Такая комната навевала мысли о богатстве и привилегированном положении. Но сегодня сложно было разглядеть их за этим бессмысленным проявлением жестокости. Я приблизился к пятну крови на обоях. Подойдя на расстояние вытянутой руки, заметил, что кровь ещё не высохла. А значит, девушку убили в течение последних нескольких часов.

Я сделал глубокий вдох, стараясь дышать ртом, молясь, чтобы меня не вырвало. Подобная ответная реакция на вид и запах крови была существенной помехой в моей работе, и моё тело всегда разочаровывало меня подобным ответом. Я почувствовал знакомую пустоту в животе, хотя с последний раз меня вызывали на место убийства около шести месяцев назад.

Это случилось в мае, как раз перед моим отъездом из города. Там я был сыт по горло как нищетой и разгулом преступности в моём родном Нижнем Ист-Сайде, так и полным безразличием к этому властей. И мой желудок так и не смог к этому привыкнуть.

Я снова усилием воли заставил тошноту отступить.

Джо уже разговаривал с доктором об обстоятельствах дела.

— Когда я приехал, её лицо было прикрыто голубой тканью, — доктор Филдс указал на смятый, испачканный кровью материал, лежавший на кровати. — Я снял её, чтобы установить личность убитой.

— Это ткань от её платья? — поинтересовался Джо, обходя тело по дуге, чтобы лучше рассмотреть.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать его вопрос, но затем я понял, о чём он спрашивает. Убийца располосовал неровными лентами всё платье жертвы от самого лифа, а пропитанная кровью ткань была такого же цвета.

— Сколько ей было лет? — спросил я.

Доктор Филдс задумался и высказал предположение:

— Я бы сказал, что ей чуть больше двадцати. И судя по брызгам крови, по температуре тела и отсутствию трупного окоченения, полагаю, она мертва не так давно — часа два, от силы — три. — Мужчина вздохнул и вытер лоб сложенным носовым платком. — Я живу в этом городе уже тридцать лет. И зачем? Чтобы видеть вот такое?..

Доктор покачал головой.

— Кто-нибудь ещё был в доме в это время? Слышал что-нибудь? — спросил я, возвращая его внимание к деталям и описанию места происшествия. Сейчас жертве больше необходимы аналитические способности доктора, а не его сочувствие.

— Вы захотите поговорить с мисс Эбигейл — второй племянницей миссис Уингейт. Это она нашла тело двоюродной сестры, — доктор Филдс снова промокнул лоб. — Она сказала тёте позвать меня и упала в обморок. Никто пока больше не знает об убийстве. Мы никому не говорили. И думаю, пока так будет лучше.

И доктор добавил тихим голосом:

— Это было суровое испытание для мисс Эбигейл. Лично я могу представить, как сложно было войти в эту комнату, не предполагая, что там увидишь.

А разве кто-то вообще может быть готов к подобной жестокости?

Я попытался сконцентрироваться на важных деталях убийства, и кое-что бросилось мне в глаза.

У жертвы был длинный разрез на горле, множественные порезы на плечах и практически размозжённая голова. Но на кистях и предплечьях не было ни одной царапины. Я опустился рядом с жертвой на колени и осмотрел её повнимательнее. Но ничего нового не нашёл. Неужели она не пыталась сопротивляться? Это ведь природный инстинкт — вскинуть руки, защищая лицо от наносимых ударов. И не похоже, чтобы она была связана, потому что в этом случае на запястьях остались бы синяки и следы от передавившей ткани верёвки.

Единственное рациональное объяснение, которое может подтвердить вскрытие, это то, что сначала жертву оглушили, возможно, именно этим ударом по голове. И в таком случае портрет преступника полностью меняется. Какой человек будет наносить удары ножом девушке, находящейся без сознания и возможно уже убитой?!

Тут не было драки; это была звериная жестокость. Может, её убийца был настолько зол,

что потерял контроль над собой? Или он был одержим жаждой крови? Я знал, что точно так же, как мне отвратителен вид крови, так других он необъяснимо привлекал. Им нравился её запах, вид. Возможно, так было и в данном случае: нанесённых Саре ударов было больше, чем необходимо, чтобы просто убить.

Я поднялся и обошёл кровать слева, где заметил ещё кое-что странное. Поверить не могу, что я сразу не обратил на это внимания! Часть волос Сары была срезана и... Куда она делась?

Я быстро окинул взглядом комнату, чтобы удостовериться, что прядь не лежит где-нибудь ещё, но её нигде не было видно. Я достал записную книжку и начал скрупулёзно записывать всё, что обнаружил: длинные светлые волосы Сары изначально были заплетены в две аккуратные косички; но теперь коса над правым ухом была срезана на уровне мочки.

Я исследовал пучок волос на месте среза и заметил, что внешняя часть оставшегося хвостика была измазана кровью, а внутренняя — чистая. Значит, волосы срезали уже после смерти. Я и раньше видел несколько дел, когда с трупами проводились странные действия, будто оставленные знаки или сообщения, но срезанные волосы... Такого ещё не было.

К счастью, когда мы с Джо выбегали из участка, я не забыл схватить фотоаппарат. Я сделал глубокий вдох и начал медленно и вдумчиво делать снимки места происшествия. То, что не сможет сейчас запечатлеть мой разум, я замечу позже, на чёрно-белых фотографиях, которые не покажут ярко-красную кровь, покрывавшую комнату и переполнявшую мои чувства. Оставалось надеяться, что качество снимков не пострадает из-за моих чуть трясущихся рук.

Как всегда, дрожание рук увеличилось от появившейся в правой руке боли, которая всегда усиливалась с первыми холодами осени. Последние восемнадцать месяцев это болезненное подёргивание было постоянным напоминанием о смерти Ханны. Или точнее, оно служило напоминанием о некомпетентном докторе, не залечившем толком мою рану после того, как в меня угодила доска от разваливающейся на глазах палубы «Слокама». Будто мне было мало воспоминаний о том чудовищном дне.

Я фотографировал жертву и место преступления под разными углами и с различных расстояний. По моему настоянию наш отдел приобрёл великолепный фотоаппарат «Кодак». Несмотря на то, что Джо почти не видел смысла в этих тратах, он, сжав зубы, позволил мне укомплектовать наш департамент тем, что я считал первостепенным для сохранения доказательств в суде.

Когда я работал в детективном бюро в городе, меня восхитило последнее слово техники, особенно фотоаппараты и базовое дактилоскопическое оборудование. Хотя надо признать, что последнее изобретение тогда ещё оставалось спорным, и его результаты не принимались в суде. Но в начале этого года Лондон отправил на виселицу двоих убийц благодаря лишь найденным отпечаткам пальцев. А наша тюремная система в Нью-Йорке уже использовала дактилоскопию для установления личности преступника. Так что надеюсь, это только вопрос времени, когда доказательства, основанные на дактилоскопической экспертизе, будут играть роль в судах Нью-Йорка. Возможно, такими станут даже собранные мной улики.

Джо сомневался, что в Добсоне возможно практическое применения всего этого оборудования, но после того, как мэр поддержал мой запрос, Джо пришлось молча согласиться. Он несомненно боялся, что его отказ даст мэру дополнительный повод отправить его в отставку, которой он так страшился. Джо молча ждал, пока я не закончу

фотографировать место происшествия; затем они с доктором Филдсом начали исследовать тело, а я принялся снимать скрытые ото всех отпечатки.

Я достал свой набор, содержащий два типа порошка, позволяющего разглядеть ранее невидимые отпечатки: серый и чёрный. Серый порошок предназначался для тёмных поверхностей, а чёрный — для светлых. Один за другим начали выявляться отпечатки: большинство частичных и смазанных, но несколько было полных с чётко очерченными бороздами рисунка. Я сфотографировал их настолько близко, насколько позволял объектив. Я старался держаться подальше от доктора Филдса и не мешать, хотя и знал, что его предварительный осмотр не займёт много времени. Основная часть его работы происходит в морге.

— Проводить вскрытие будете вы? — спросил я.

— Надеюсь. Хотя по расписанию и не моя очередь, думаю, они удовлетворят мою просьбу с учётом сложившихся обстоятельств.

К моему огромному облегчению Джо сказал, что пойдёт вниз и сообщит новости миссис Уингейт, которая всё ещё не знала о смерти Сары.

— И лучше нам позвать для этого дела подмогу, — сказал мой напарник, добавив, что собирается позвонить в соседний полицейский участок в Йонкерсе и попросить выделить дополнительные силы.

— Будешь звонить мэру Фуллеру? Он захочет об этом услышать, — произнёс я.

Джо нахмурился:

— Нет. Он станет доставать нас бесполезными вопросами, на которые у нас пока нет ответов.

Я пожал плечами.

— Тебе решать.

Но я знал, что последствия зацепят нас обоих. Джо и мэр очень сильно друг друга недолюбливали, и я начинал понимать почему. Когда появлялась проблема, Джо пытался практически её решить и не желал терпеть обеспокоенность мэра по поводу складывающейся политической ситуации. А мэр, в свою очередь, уже давно не мог терпеть постоянное неподчинение Джо.

Мы обсудили, как семейство Уингейтов могло забрать необходимые для сегодняшнего вечера личные вещи. Я не хотел, чтобы они ходили мимо этой спальни и затоптали улики по убийству, по крайней мере, пока мы не завершим осмотр.

Джо ткнул пальцем в противоположный конец коридора, где была гостевая ванная.

— Сюда как раз выходит задняя лестница из кухни, — произнёс он. — Думаю, семья часто ею пользовалась, поскольку она напрямую связывает спальни и кухню.

— Отлично. Тогда поставим охрану возле этой спальни и парадной лестницы, а завтра сможем обследовать её с первыми же лучами солнца.

Нам повезло, что этим вечером мы вообще смогли что-то рассмотреть. Уингейты были одними из первых жителей, установивших искусственное освещение в доме, но все лампы были настолько далеки друг от друга, что почти не справлялись с наступающей темнотой. И всё же я смог продолжать свою работу почти до семи вечера.

После того, как приехала карета городского коронера, и доктор Филдс перенёс туда тело, я в спешке закончил осмотр комнаты, так как брызги крови на стенах и кровати были такими же неприятными, как и вид самого тела.

Вещи девушки были простыми и немногочисленными, что типично для приезжавших в

гости родственников.

Я открыл маленький шкаф и нашёл там три блузки простого покроя с широкими манжетами. Рядом висели две тёмные юбки, и стояла пара туфель с замочком на боку. На столе находилась современная печатная машинка Хаммонд, рядом с ней лежала записная книжка. На обложке книжки Сара Уингейт записала своё имя и название — «ГИПОТЕЗА/РИМАНА». Внутри, строка за строкой, шли математические символы и уравнения выглядевшие полной тарабарщиной.

На прикроватной тумбочке лежали две книги: «Послы» и «Дракула». Внизу стопки я заметил изданную в предыдущем месяце книгу Эдит Уортон «Обитель радости» и сентябрьское издание журнала «Харперс». Похоже, Сара разделяла популярные среди большинства современные литературные вкусы. В дальнем ящике стола была засунута купюра в десять долларов и брошюра под названием «Общее понимание женского избирательного права».

Я проверил между страниц в каждой книге, каждом ежедневнике Сары, даже в карманах висевшей в шкафу одежды. Но не нашёл ни письма, ни дневника, ни каких-либо заметок — вообще никакой личной информации, связывающей Сару с посторонним человеком, и уж тем более, с жаждавшим её убить человеком.

Затем спустился, чтобы обследовать первый этаж дома — может, где-то ещё был беспорядок. На кухне я на пару мгновений задержался; среди аромата печёных яблок и глинтвейна с пряностями я почти не ощущал запах смерти, который, казалось, упорно ко мне цеплялся. Я настолько погрузился в свои мысли, что вздрогнул, когда услышал зовущий меня настойчивый и громкий голос Джо.

— Зиль! — его голос эхом отдавался от стен коридора. — Ты нужен здесь. Тебе надо на это взглянуть.

Я пошёл на звук его голоса к заднему крыльцу с чёрной лестницей, где как раз заметил отъезжавшую по гравийной дороге от дома Уингейтов карету коронера. Тело отвозили в городской морг.

Сквозь открытую дверь я увидел полную луну на мрачном ноябрьском небе. По двору перемещались многочисленные огоньки — недавно приехавшее подкрепление из соседнего полицейского подразделения обыскивало двор перед домом с фонарями.

Я встретился взглядом с Джо и заметил, как на его угрюмом лице с морщинами отразилось сегодняшнее происшествие. Меня накрыло неуловимое ощущение беспокойства, что мы втянуты в ещё более сложное дело, чем я думал в самом начале. Дело, которое потребует для раскрытия все наши силы и дедуктивные способности.

— Мы нашли кое-что снаружи, — направился ко мне Джо, указывая в сторону заднего крыльца и кивком головы приглашая следовать за ним.

Он открыл дверь и показал на множество грязных отпечатков ботинок, и, судя по длине шага, ботинки были мужскими. Следы были довольно отчётливыми: хорошо прорисованный носок обуви, но немного нечёткая пятка. Одна цепочка следов вела в дом, а вторая обратно во двор.

— Довольно большие, так что, скорее всего, принадлежат мужчине, — пояснил Джо. — И земля на отпечатке ещё не высохла, значит, они здесь не так давно.

Он отступил назад, чтобы я смог лучше рассмотреть.

— Возможно, их оставил убийца, — продолжил Джо, заявляя и так очевидный факт, — но как этих отпечатков может не быть внутри дома?

— Я бы предположил, что он снял обувь, — сухо прокомментировал я.

Самому мне была гораздо более интересна эта нечёткость у каблука; возможно, человек страдает хромотой или другим нарушением походки. А может быть, вокруг каблука ботинок налипла и засохла грязь, и теперь этот ободок грязи оставлял нечёткую размытость.

Я посмотрел в сторону густого леса за домом; дорога к нему была такой же грязной, как и тропинка, по которой я шёл утром на работу. Сегодня не было дождя, но вот последние несколько дней шёл сильный ливень, и земля до сих пор была мокрой.

Решив вернуться к этому чуть позже, я сконцентрировался на отпечатках ботинок: они были необыкновенно широкими и длинными.

— Стоит как можно точнее их измерить. Конечно, это не так-то просто будет сделать в темноте, — заметил я, поглядывая на темнеющее небо, — но важно поспешить. Вдруг кто-нибудь затопчет за ночь место происшествия.

Джо согласно кивнул, и мы вошли обратно в дом.

— И ещё хочу показать тебе вот это, — тихо сказал начальник. — Его мы тоже нашли снаружи.

Он вытащил из нагрудного кармана какой-то небольшой предмет, аккуратно держа его за край через носовой платок, и я понял, что, несмотря на его скепсис по поводу отпечатков пальцев, он старается не подвергать риску быть уничтоженными любые улики, которые мы можем извлечь из этого предмета.

На ткани платка лежал серебряный медальон, в который вдега голубая лента. Лента была в пятнах, и я предположил, что это кровь вперемешку с грязью. Когда я осторожно приподнял его, тоже воспользовавшись платком, то заметил, что медальон превосходной работы с искусной, тонкой росписью на гладком металле.

На обратной стороне я с трудом мог различить мелко выгравированные буквы, которые, скорее всего, отображали имя мастера. А над этой неразборчивой надписью была другая: «Для С.У.».

— Что внутри? — спросил я.

— Сам посмотри, — ответил Джо.

Неуклюжими и непослушными пальцами я попытался открыть медальон, всё ещё пользуясь носовым платком, чтобы не оставить на металле собственные отпечатки. Внутри были два маленьких портрета: мужчины и женщины. Я решил, что юная женщина на снимке

слева и есть Сара.

Хоть я и видел девушку только после жестокого убийства, черты её лица показались мне знакомы. Даже на чёрно-белом снимке было видно, что она была очень красива. Прямые волосы (фотография не показывала, но я знал, что они почти белые) были собраны назад, открывая идеальный овал лица с высокими, острыми скулами.

Я видел широко посаженные глаза, уверенно смотревшие вперёд, а её улыбка была хоть и приятной, но почти незаметной. Я словно ощутил её сдержанность по отношению к фотографу.

Рядом с фотографией Сары была вторая. На ней был изображён мужчина, смотрящий прямо в камеру; его широкое лицо наполовину скрывали длинные усы, закрученные на концах — такие были в моде последние пару лет.

Мягкие тона маленькой чёрно-белой фотографии позволяли предположить, что волосы у мужчины светлые, возможно, пепельные или даже седые, учитывая его возраст. Он выглядел гораздо старше Сары, лет на пятьдесят по моим подсчётам, по крайней мере, на время создания фотографии.

— Думаю, это её отец, — произнёс Джо.

— Похоже на то. Мы попросим Уингейтов подтвердить это, — я снова посмотрел на медальон. — Повтори ещё раз, где ты это нашёл?

Если Джо и упоминал это, то я не обратил внимание.

— На лужайке в трёх метрах от заднего крыльца в направлении леса. Думаешь, его уронил убийца?

— Возможно, — протянул я. Конечно, это было самым вероятным объяснением. Я положил медальон в карман вместе с носовым платком. Позже проверю его на отпечатки пальцев, но учитывая маленькие размеры и толстый слой грязи, не было надежды, что смогу что-то найти.

И всё же, я никак не мог побороть беспокоящее меня чувство, что что-то не так. Если мужчина на фотографии был её отцом, то где её мать? Странно носить с собой фотографию отца, и не носить фотографию матери. И ещё страннее носить там свою фотографию.

Когда я шёл по коридору обратно, чтобы забрать из дома своё оборудование, то услышал со стороны библиотеки деликатное покашливание.

Я чуть не забыл об Эбигейл Уингейт, второй племяннице миссис Уингейт. Она сидела на неудобном на вид мягком золотистом диване среди тёмных шкафов из орехового дерева, плотных бархатных алых штор и пушистых ковров с восточными орнаментами. С ней находились два терьера, которых я видел ранее на лужайке. Они были полностью измученными, лежали рядом с хозяйкой и почти не обратили на меня внимание.

Эбигейл была низенькой хрупкой женщиной с каштановыми волосами и голубыми глазами, оттенёнными тёмно-синим платьем. Она выглядела гораздо моложе, чем я ожидал. Не думаю, что ей было больше двадцати пяти, двадцати шести лет.

— Саймон Зиль? Точнее, детектив Зиль, не так ли? — произнесла она хорошо поставленным мягким голосом, и я сразу опознал в нём произношение людей, принадлежащих к высшему обществу Нью-Йорка.

— Да, — ответил я и заметил на её щеках высохшие дорожки слёз. Хоть это и было частью моей работы, я остро ощущал, входя в комнату, что вторгаюсь в чьё-то личное горе. Обычно я успевал заранее настроиться, но сегодня Эбигейл застала меня врасплох.

— Меня зовут Эбигейл Уингейт. Доктор Филдс сказал, что у вас будут ко мне вопросы.

А у меня есть пара вопросов к вам...

Она запнулась на полуслове и указала на небольшое кресло напротив неё.

— Мне жаль, что мы встретились при подобных печальных обстоятельствах, — сидя в кресле, сам поразился, насколько формально звучит мой голос. — На сегодня мы наверху закончили работу, — добавил я, чтобы дать себе время собраться с мыслями.

Она была первым человеком, нашедшим тело двоюродной сестры, а значит, она очень важный свидетель. И если девушка выглядит способной последовательно мыслить и разговаривать, то лучше опросить её сразу, пока память не затуманена временем. Или одним из успокаивающих препаратов доктора Филдса — в дальнем конце стола в коробочке стоял бромид калия.

— Вы нашли Стеллу? — её голос был тихим, но настойчивым.

— Стеллу? — вопрос застал меня врасплох.

— Стеллу, нашу служанку. Шеф Хили не сказал вам, что она пропала? Никто не видел её с тех пор, как приехал доктор Филдс. Но её чемодан и все вещи до сих пор на месте.

— Ей говорили об убийстве вашей двоюродной сестры?

— Не думаю, — ответила Эбигейл. — Но, возможно, она что-то подслушала.

«Или что-то увидела, пробравшись наверх во время всеобщего переполоха».

— Может, у неё поблизости есть друзья, к которым она могла отправиться на ночь? — предположил я. — Это было бы объяснимо, если предположить, что она знает о произошедшем.

— Нет, она приехала сюда всего пару месяцев назад и ещё не завела друзей, — в голосе девушки явственно нарастала паника. — Если её здесь нет, значит что-то не так.

— Но она была здесь какое-то время с тех пор, как вы нашли Сару? — спросил я.

— Думаю, да, — неуверенно протянула она.

«Может, девушка просто настолько расстроилась, что решила убежать?»

— Не стоит пока беспокоиться, но завтра первым делом мы всё проверим, — постарался я успокоить Эбигейл. — Стелла была этим вечером с вашей тётёй?

Она согласно кивнула, пояснив, что Стелла помогала тётёе в саду: надо было приготовить его к зиме, выкопать луковицы цветов и спустить их на время холодов в подвал.

— У тётушки Вирджинии каждое лето расцветает прекрасный сад. Она одержимо ухаживает за каждым растением.

— И в каком приблизительно часу это было?

— В три, — уверенно ответила девушка.

— И никто, кроме вашей двоюродной сестры, не был в это время в доме?

Эбигейл утвердительно кивнула, пояснив, что Мод Манси — их повариха и главная горничная — уехала в город за покупками, а сама девушка как раз вышла с собаками на прогулку.

— Как вы думаете: ваша тётя или Стелла могли бы услышать какой-нибудь шум в доме с того места, где они работали?

— Тётушка точно нет — она почти глухая. Стелла могла что-то услышать, но лично я, находясь снаружи, никогда не слышала доносящихся изнутри дома звуков. Особенно, когда на улице холодно, и все окна закрыты, как сейчас.

Один из терьеров подобрался ближе к хозяйке, и меня осенило.

— Мисс Уингейт, вы выгуливаете собак постоянно в одно и то же время?

— Стараюсь, — ответила Эбигейл. — Если только погода не совсем отвратительная.

— А как ваша тётя обычно проводит свои дни и вечера?

Я говорил расслабленно, пытаюсь, чтобы мой вопрос не выглядел намеренным. Если убийца Сары наблюдал за домом Уингейтов, за их передвижениями, то лучше бы мисс Уингейт об этом не догадываться.

Если она и поняла, к чему я клоню, то не высказала никакого беспокойства.

— Чаще всего около трёх часов тётюшка Вирджиния пьет чай с миссис Стреттон, нашей соседкой из жёлтого дома в колониальном стиле. Но сегодня они не встречались, потому что миссис Стреттон собиралась прийти к нам на ужин.

— Ясно, — я записал имя женщины в свою маленькую записную книжку. Этим вечером офицеры из Йонкерса должны будут опрашивать миссис Стреттон и других соседей.

— Вы заметили во время прогулки что-нибудь необычное? Незнакомый вам звук или человек?

— Да, заметила одного мужчину, — сказала Эбигейл. — Он был мне не знаком, и довольно странно одет, так что теперь я начинаю задаваться вопросом: а может, я видела...

Она запнулась на пару секунд, чтобы взять себя в руки.

— Но он не вёл себя подозрительно.

— Расскажите поподробней, — попросил я. — Где он находился? Во что был одет?

Я полностью сконцентрировался на рассказе.

— В конце прогулки на обратном пути к дому одна из собак погналась за белкой. Она рванула к деревьям у оврага, проходящего у южного края нашего поместья. Собака продолжала лаять и не собиралась оттуда возвращаться, поэтому мне пришлось спуститься и посадить её на поводок. И тогда я и увидела этого мужчину, направлявшегося в сторону леса.

Эбигейл перевела дыхание и продолжила:

— Если честно, я мельком на него посмотрела и мало что заметила. У меня не было на то причин. Всё, что я помню, это его шапка: она совсем не подходила для сегодняшней погоды. Огромная, меховая и пушистая.

Я видел такие: высокие, из коричневого или чёрного меха, продолговатые и круглые, чтобы закрывать уши. Такие шапки часто носили в Нью-Йорке в морозном январе, но сейчас, в ноябре, когда лишь слегка прохладно и не подмораживает, такая шапка казалась не к месту.

Кроме этой примечательной шапки Эбигейл не смогла ничего вспомнить: мужчина шёл быстро, но никуда не торопился, словно просто знал, куда именно идёт.

— И вы не слышали ничего необычного, пока гуляли с собаками?

Девушка на мгновение задумалась.

— Теперь, когда вы спросили... Спустя какое-то время после того, как я вышла на прогулку, послышался громкий крик. Но это было какое-то животное в лесу. Вообще-то, этот звук напугал собак. Он был похож на крик гагары, хотя такого, конечно, не могло быть. Здесь не водятся гагары.

— А звук точно шёл со стороны леса? — осторожно уточнил я.

Я хотел быть уверенным, потому что время этого крика было очень подозрительным.

— Точно. Человек не может издавать такие звуки.

Я начал расспрашивать дальше и довольно легко разузнал подробности жизни двадцатипятилетней Сары Уингейт. Её воспитание было соответствующим и типичным для нью-йоркской семьи с уровнем достатка выше среднего.

Её семья переехала в Бостон, когда Саре было тринадцать — у отца-банкира появилась

возможность открыть филиал в новом городе. Но девушка вернулась в Нью-Йорк, чтобы продолжить учёбу. Одарённая студентка как раз перешла на четвёртый курс Колумбийского университета по специальности математика, а до этого закончила среднеобразовательный колледж Барнард. И очевидно, она отлично справлялась, потому что даже опубликовала две статьи — главный критерий успешности в научных кругах.

Судя по словам Эбигейл, Сара была довольна и счастлива. Хотя, очевидно, она сталкивалась с привычными для такого занятия проблемами — женщина, получающая высшее образование, да ещё и по такой мужской специальности, как математические науки. Но Сара никогда не жаловалась.

— Конечно, я думаю, она служила объектом для насмешек или грубых высказываний, — сказала мисс Уингейт, — но она была очень уверена в своих возможностях. Полагаю, она просто игнорировала всех, кто пытался приуменьшить её намерения и достижения. Такие люди просто-напросто не стоили её времени.

— Ваша сестра упоминала кого-нибудь, кого ненавидела? Или кто её необъяснимо ненавидел настолько, чтобы...

— Чтобы сотворить подобное? — с ужасом перебила его мисс Уингейт. — О нет... Сложно такое представить. Конечно, люди к ней придирались. Некоторые считали, что она занимает в университете место, принадлежавшее по праву мужчине. Некоторые думали, что благовоспитанной леди самое место дома. Но из того, что мне рассказывала Сара... Она не встречалась ни с чем, кроме обычной зависти и недовольства.

Я с ноткой сомнения отнёсся к высказываниям Эбигейл: в конце концов, возможно, Саре просто неудобно было обсуждать подобное со своей семьёй. И однокурсники Сары, и её преподаватели могли поведать совсем иную историю.

— А был какой-нибудь молодой человек? — поинтересовался я, пытаюсь напрямую спросить о любых романтических отношениях девушки.

Но мисс Уингейт без колебаний ответила:

— Я абсолютно уверена, что у Сары не было кавалера. Её родители часто знакомили её с достойными молодыми людьми, надеясь, что они найдут ей подходящую партию. Но Сара ими не интересовалась.

По дальнейшему разговору о семье Сары стало ясно, что девушка была очень близка с семейством Уингейтов. Эбигейл и её тётя представляли собой единственных родственников Сары в этих местах, потому что родители Сары находились в постоянных разъездах между Бостоном и Европой, где в данный момент и находились.

Миссис Уингейт в подробностях рассказала о том, как вела себя Сара в последние несколько дней. Она приехала в Добсон в пятницу поздно вечером, никого не предупредив, и очень удивила этим Эбигейл и тётю. Сара извинилась за неожиданный приезд и объяснила, что ей просто надо тихое место для учёбы. С тех пор она постоянно работала, и присоединялась к тётушке с сестрой только во время еды и на редких коротких прогулках.

Я глянул на часы и осознал, что если мы хотим отвезти сегодня на ночь Уингейтов к друзьям, то стоит поторопиться. Я уже узнал о привычках Сары столько, сколько мог; теперь осталось подойти к самой неприятной теме: попросить девушку описать, что она увидела, вернувшись домой с прогулки.

Было больно слушать, как мисс Уингейт описывает свой жуткий приход. Она вошла в кухню, отпустила собак с поводка и повесила пальто в шкаф в прихожей. Когда она включила на кухне пару ламп, то услышала, как наверху скулит маленький терьер.

Озадаченная и удивлённая, Эбигейл поднялась по лестнице, чтобы выяснить причину беспокойства пса, и нашла свою двоюродную сестру зверски убитой. Остальное я уже знал и сам.

— Один последний вопрос, — произнёс я, поднимаясь с кресла. — Не взгляните на эту подвеску?

Я аккуратно открыл медальон с помощью носового платка и поднёс его ближе к мисс Уингейт, чтобы она могла лучше рассмотреть.

— Мы считаем, что это медальон Сары, — произнёс я, тем самым прося её подтвердить это.

Девушка оцепенело кивнула. Я решил, что это из-за горя.

— Мужчина на второй фотографии — её отец?

Мисс Уингейт ответила не сразу. И когда подняла на меня глаза, они были полны слёз и смущения.

— Он слишком стар, чтобы быть её отцом. К тому же, я никогда не видела этого человека.

Её брови взлетели вверх, и лоб прорезали морщины.

— Зачем её в медальоне фотография этого мужчины?

Это был риторический вопрос. Откуда я мог знать ответ? Но я ответил так, чтобы она перестала зря переживать:

— Возможно, это кто-то, о ком она вам рассказывала, и кого вы знаете только по имени.

— Возможно, — неуверенно протянула девушка.

— Когда вы сегодня утром виделись с Сарой, на ней был этот медальон?

— Не думаю. Она вообще редко носила украшения, только по особым случаям. По крайней мере, я так считала.

Мисс Уингейт окинула меня тяжёлым, мрачным взглядом.

— Глядя на эту фотографию, я задаюсь вопросом, а знала ли я вообще что-нибудь о настоящей жизни Сары.

Я ничего не ответил. Да и что я мог сказать? Под пристальным вниманием расследования все личные детали жизни становятся достоянием общественности. А практически у всех есть скелеты в шкафу. Какой бы тихой не казалась жизнь человека, всегда найдутся маленькие или большие секреты.

Судя по звукам с другой стороны дома, Джо завёл внутрь остальных. Среди общего шума и гама мы услышали взволнованный и сварливый голос:

— Конечно, я буду спать сегодня здесь! Здесь мой дом и все мои вещи!

Миссис Уингейт, казалось, была категорически против предложения провести вместе с племянницей ночь в другом месте. Большинство людей, в чьих домах было совершено преступление — даже не такое серьёзное — предпочитали проводить в доме как можно меньше времени. После убийства многие вообще не возвращались в прежний дом. Но, похоже, подобные эмоции были абсолютно чужды миссис Уингейт.

Джо осторожно попытался убедить её, что «это только на одну ночь» и «разве вам не будет удобнее у соседей после такого ужасного вечера?». Ответом было яростное «Нет!» вкупе с настойчивым утверждением, что она собирается этой ночью спать в собственной кровати и не собирается слушать ничего иного.

Эбигейл Уингейт отправилась урезонивать тётушку, и я пожелал Джо спокойной ночи.

У меня ещё оставалось неоконченным одно дело в городе, а короткая прогулка прохладной ночью как раз поможет привести меня в чувство.

Пока я шёл по бульжной дороге с холма в сторону города, меня не покидало нарастающее беспокойство. Несмотря на сказанное мисс Уингейт, исчезновение Стеллы меня очень тревожило. Это было ещё одной частью головоломки, и чем больше мы раскрывали деталей, тем запутаннее она становилась. Возможно, Стелла действительно услышала или увидела что-то важное, и я начинал убеждаться в этом ещё больше с тех пор, как стало ясно, что, скорей всего, она сбежала.

И столько деталей в этом деле меня смущало! Что мне делать с отрезанной по непонятным причинам косой Сары? И что насчёт медальона с фотографией неизвестного мужчины внутри? Но больше всего меня беспокоила сама Сара. Она была неподходящей жертвой, а дом её тётки был неподходящим местом преступления. Зачем кому-то убивать её с такой жестокостью?

Все эти вопросы без ответов так меня тревожили, что даже вид мерцающего в лунном свете Гудзона, протекающего в стороне от холма, не успокоил бурлящий в голове беспорядок.

Где-то около одиннадцати вечера я сидел у «О’Мэлли» и ужинал с Питером Войтом, местным фотографом. Я попросил его проявить снимки с места преступления, и он моментально согласился, когда я пообещал заплатить за его ужин.

— Приходи, поужинаем вместе, — добавил Войт. — Смею предположить, что на ужин ты сегодня ещё ничего не ел.

Это точно. Хоть уже и наступило время ужина, но увиденное мной сегодня полностью отбило у меня аппетит.

Голова безжалостно раскалывалась, и я знал, что боль не пройдёт, пока не поем. Так что я согласился. Но поскольку было некрасиво не пригласить на ужин моего шефа, я приехал за ним к его дому в колониальном стиле, где Джо жил вместе с женой. Мой начальник уже ждал на крыльце и был не прочь присоединиться к нам.

Джо недавно съел успевший остыть ужин, но он никогда не отказывал себе в пинте ^[2] другой эля.

В этот поздний час у «О’Мэлли» было не многолюдно, лишь несколько мужчин сидели у стойки бара. Время подачи ужина в этом заведении уже прошло, но они всегда были рады приготовить на кухне что-нибудь для такого постоянного клиента, как я, ужинающего здесь почти каждый вечер.

Когда я только приехал в Добсон, мне сказали, что на ужин все ходят к «О’Мэлли». Под «всеми» люди, конечно, понимали неженатых, как я, мужчин, у которых совсем нет времени и желания готовить самому себе еду.

Еда у «О’Мэлли» была вкусной, а, благодаря удобным столам, тут можно было засидеться и поговорить на любые темы — даже настолько неприятные как наша, об этой жуткой ночи.

Мы с Питером и Джо сидели за столом у камина, чьё уютное тепло напоминало, что мы ещё живы и в безопасности.

Когда мы начали рассматривать фотографии, Джо заверил меня, что даже в это время, пока мы разговариваем, начинающий детектив из департамента полиции Йонкерса, назначенный в помощь по этому делу, опрашивает свидетелей и будет заниматься этим до глубокой ночи.

И всё же мы были разочарованы недостатком начальных улик и свидетелей, а лежавшие перед нами фотографии мало помогали развеять наши опасения, пока мы обговаривали возможные сценарии совершения убийства.

— Это просто бойня, — с отвращением выплюнул я, засовывая фотографии обратно в белый конверт. — Кто бы это не совершил, он настоящий монстр.

— Ты весь вечер называешь убийцу мужским местоимением. Ты настолько уверен, что это мужчина? — обратился ко мне Питер.

Он откинулся на стуле и посмотрел на меня через маленькие очки в металлической оправе. Этот худощавый человек примечал каждую мелочь в людях, которых фотографировал. И необычное задание, данное ему, только разожгло его интерес к этому делу.

— Вы нашли несколько отпечатков ботинок, которые, скорей всего, являются мужскими, но мы не можем быть уверены, что они принадлежат убийце. К тому же, как бы

это ни было абсурдно, вы не можете исключить возможность того, что женщина надела мужскую обувь на толстые носки.

Передо мной как раз поставили тарелку чечевичной похлёбки, и я зачерпнул полную ложку. Конечно, она была не такой вкусной, как у МакСорли в Нью-Йорке, но была очень горячей, а в данный момент это было то, что мне нужно.

— Я называл убийцу мужским местоимением, потому что большинство убийц — мужчины, — произнёс я, — но в данном случае я уверен, что это мужчина из-за жестокости совершённого убийства.

Питер внимательно слушал, отставив в сторону пустой стакан из-под эля.

Я продолжил:

— Когда убивают женщины, они обычно выбирают метод, требующий небольшой физической силы или не такой кровавый. Например, отравление.

Я отклонился на спинку стула и начал смотреть на огонь; в пламени камина мне виделись обезображенные, безжизненные черты лица Сары Уингейт.

— Если взглянуть на это убийство с практической точки зрения, то не думаю, что даже сильная, мускулистая женщина смогла бы совершить то, что сделали с Сарой Уингейт.

Джо согласно кивнул.

— Ты не видел жертву своими глазами, Питер, но если судить по тому, как она была избита... — Джо передёрнулся при воспоминании об этом. — Я согласен с Зилем: это сделал мужчина, причём очень большой и грузный.

— Вы нашли орудие убийства? — спросил Питер.

— Нет, — ответил я. — Завтра стоит ещё раз тщательнее прочесать двор у дома и прилегающий лес.

— А вы представляете, что ищите?

— Что-то с широким и тупым концом, — произнёс я.

Я начал узнавать в вопросах Питера собственную манеру мышления. Он, так же как и я, пытался отвлечься от ужаса преступления, глядя на него через призму аналитического разбора.

Сегодня, посреди этой кровавой бойни, у меня были проблемы с восприятием места убийства Уингейт. Но завтра я не столкнусь ни с малейшей сложностью, читая и анализируя отчёт о вскрытии. Гораздо легче разбираться с насильственной смертью, облечённой с лова и цифры на бумаге.

Мы ели и пили в тишине, и каждый был погружён в свои мысли, пока Питер не прервал наше молчание:

— Осторожней, парни. У нас гости.

Я повернулся и увидел целенаправленно шагающую к нам высокую, долговязую фигуру.

Джон Фуллер, наш мэр, готов был взорваться от ярости, и нам повезло, что он уважительно отнёсся к другим посетителям (да и сам не хотел выглядеть дурно в глазах других), поэтому заговорил он с нами спокойно и сдержанно.

— Добрый вечер, шеф, — его ледяной взгляд остановился на Джо. — У вас есть время поболтать с друзьями, но нет времени сообщить своему мэру о первом за последние двенадцать лет убийстве?

Джо ответил спокойно и серьёзно:

— Если вы уже слышали об убийстве, значит, вы слышали и той ужасной сцене, что перед нами открылась. Не думал, что вы станете попрекать ужином людей, работающих над

таким сложным делом.

— Ужином? — многозначительно посмотрел мэр на пустой стакан Джо и продолжил выражать недовольство. — Я услышал новости от миссис Кин.

Я застонал про себя: вмешательство главной сплетницы городка, всюду сующей свой нос, вряд ли сможет помочь делу. Я видел её среди небольшой группки людей у поместья Уингейтов. Пусть она и обладала крохами истинной информации, её буйное воображение уже явно присовокупило к ним всевозможные подробности.

— Она много чего мне рассказала, — заявил мэр, продолжая распекать нас за то, что мы не поставили его в известность.

Он был знаком с семейством Уингейтов, поэтому это убийство затрагивало его лично. Хотя всё, что на самом деле заботило мэра, это реакция населения Добсона.

— Подобные новости могут вызвать всё дальше расползающуюся панику, если мы не справимся с этим делом прямо сейчас, — сказал Фуллер.

Он продолжал бормотать, полностью не принимая во внимание потерянную сегодня человеческую жизнь. Его больше беспокоила реакция делового сообщества Добсона. Если это происшествие спугнёт деловых людей, то город потеряет на доходах от налогов.

Тем временем мэр закончил свою речь и пожелал нам спокойной ночи.

— Я буду пристально следить за этим делом, господа. И ожидаю постоянных отчётов и прогресса, помните об этом. Мы должны расследовать это дело в кратчайшие сроки.

И пошёл к дверям уверенной походкой, словно одного его приказа было достаточно, чтобы сразу же раскрыть дело.

Мы все знали, что это не так. На каждый раскрытый случай убийства в Нью-Йорке у меня приходился десяток нераскрытых. Чтобы распутать дело, одного желания было мало. Как и давления со стороны политиков. Для раскрытия необходимы должны навыки, ум и невероятное везение.

Но человек, подобный Фуллеру, которого в первую очередь заботит не само убийство, а его негативные политические последствия, никогда не поймёт этого.

— Есть какие-нибудь мысли на счет медальона? — когда мэр ушёл, я тихо поинтересовался у Питера его мнением по поводу двух маленьких фотографий.

— Я могу сделать кое-какие выводы по этим фотографиям, — ответил Питер. — Только вот помогут ли они вам — это другой вопрос.

— Продолжай, — настоял я.

Я очень надеялся, что что-нибудь из его измышлений сможет помочь, потому что иначе медальон был тупиком. Пока Питер проявлял в лаборатории эти фотографии, я покрыл небольшой медальон порошком, чтобы найти отпечатки. Но не нашёл ни одного подходящего, что было неудивительно, если учесть, в какой грязи он отыскался.

Питер аккуратно достал из медальона фотографии и повернул их к нам.

— Хоть снимки и небольшого размера, я смог определить, что сделаны они по так называемой нами, фотографами, методике вудберитипии^[3].

Мы с Джо не перебивали, зная, что Питер сам объяснит, что это значит.

— Вудберитипия — это процесс проявки фотография высокого качества, и для неспециалиста он вполне похож на обычный желатиносеребряный^[4] фотопроект. У обоих методов есть много общего. Но данный процесс используется, когда фотограф хочет получить снимки, которые смогут просуществовать многие годы и не потеряют своего качества. К тому же, вудберитипия позволяет увеличивать фотографии без потери

детализации и чёткости.

Питер вздохнул, закрыл медальон и вернул его мне.

— Но факт остаётся фактом: это вудберитипия. А для вас это важно по двум причинам. Во-первых, я полагаю, что существует другое, значительно большее по размеру изображение данных фотографий. Большинство фотографий, созданных путём данного процесса, это огромные снимки, которые клеят в роскошные альбомы. Никто не станет в трезвом уме выбирать такой редкий и затратный способ, если целью является создание крошечных фотографий.

Он на мгновение замолчал.

— И во-вторых, раз на этих снимках использовался процесс вудберитипии, можно сказать, что сделаны они, по меньшей мере, пять лет назад. Эту методику прекратили использовать в 1900 году из-за чрезмерно высокой стоимости. А сам я закончил ею заниматься ещё раньше.

Джо тихонько присвистнул и откинулся на спинку стула.

— Значит, она была знакома с мужчиной на фотографии, по меньшей мере, пять лет, но даже самая близкая двоюродная сестра его не узнала!

— Похоже на то, — произнёс Питер.

Я догадывался, какой будет ответ на мой вопрос, но всё же решил его озвучить:

— Обе фотографии были сделаны в одно и то же время и одним и тем же фотографом?

— Полагаю, да, — не колеблясь, ответил Питер. — Вы могли заметить, что и фон, и освещение, и даже то, что я называю «тоном» очень похожи. Если они были сделаны в Нью-Йорке и его окрестностях, будет возможным определить фотографа, поскольку подобный дорогостоящий процесс проводит ограниченное число специалистов.

Наш разговор продолжал крутиться вокруг одной и той же темы. Мы рассматривали различные варианты, пока нас не прервал шум и суматоха со стороны бара.

А через пару секунд я услышал, как произнесли моё имя. Я поспешил присоединиться к стоящей у двери миссис О'Мэлли, возле которой стоял мальчишка-посыльный с телеграммой для меня. Он пытался войти внутрь, но миссис О'Мэлли в одном была непреклонна: мальчикам младше шестнадцати не было позволено входить в бар.

Я протянул мальчишке монету — а он её заслужил, умудрившись найти меня в такое время ночи — и вернулся к столу, где мы втроём склонились над телеграммой.

«Узнал об убийстве в Добсоне. Надо немедленно встретиться.

Знаю подозреваемого.

Ваш офис, 7:30 утра.

Алистер Синклер, Эсквайр».

— Алистер Синклер, — произнёс вслух имя Джо, фыркнув. — А этот человек заплатил неплохие деньги, чтобы называться «Эсквайр»! Либо он настолько богат, что его не волнуют расходы, либо он очень самоуверен. Откуда ты его знаешь?

Джо взглянул на меня, приподняв одну бровь и явно подозревая, что я связался за его спиной с неким Алистером Синклером по поводу этого дела.

— А я его не знаю, — ответил я. — Никогда не слышал об этом человеке и понятия не имею, откуда он слышал обо мне. Даже не понимаю, как новости об убийстве добрались до него так скоро.

Это была чистая правда, хотя Джо мог подозревать, что ему вздумается. Остальные постоянно мне говорили, что он широкой души человек и скоро перестанет вести себя так.

Но пока Джо считал меня более молодым и более умным человеком, вознамерившимся занять его место. Не могу сказать, что мне не нравился Джо, но меня раздражал его постоянный интерес к моим мотивам и привычкам.

Я бросил взгляд на часы; была уже почти половина первого ночи. Я извинился перед Питером и Джо и оставил их тихо разговаривать. А у меня осталось кое-какое дельце, которое я хотел завершить до наступления утра.

Я сложил телеграмму, засунул её в карман, забежал в офис, чтобы сделать короткий телефонный звонок, затем поймал экипаж и поехал прямо домой.

Но я не мог не думать о странном сообщении от Алистера Синклера. А боль в руке продолжала пульсировать, так и не дав заснуть, пока лучи восходящего солнца не осветили комнату.

Среда, 8 ноября 1905 года.

После бессонной ночи я рано встал и направился в офис, по пути купив кофе и утренний «Таймс». И прежде, чем приступить к собственной работе, быстро просмотрел газету.

«МАККЛЕЛЛАН^[5] ВЫБРАН МЭРОМ. ХЕРСТ^[6] НАМЕРЕН ОСПАРИВАТЬ РЕШЕНИЕ».

Под таким заголовком шло несколько историй о мошенничестве во вчерашних выборах. Люди общества Таммани^[7] жестоко запугивали потенциальных избирателей Херста и избивали их, чтобы те не голосовали за своего кандидата.

Он первым начал давать журналистам карт-бланш в выборе тем и ввёл тематические рубрики. С именем Уильяма Херста связано появление в обиходе таких понятий, как «жёлтая пресса», «связи с общественностью» (PR) и «медиамагнат».

Как сообщал корреспондент «Таймс», один из сторонников Херста лишился в подобной стычке пальца. Несколько урн для голосования очутились не в предвыборном штабе, а в Ист-Ривер. Всё это было отвратительно, но абсолютно ожидаемо. Все, кто знал главу Таммани — Молчуна Чарли Мерфи^[8] — понимали, что он сделает, что угодно, чтобы его кандидат одержал победу.

Но этим утром всё моё внимание следовало уделить другому занятию. Я изучил содержание отчёта Джимми Мида — детектива из Йонкерса, ответственного за поиски улики возле поместья и проведение опросов свидетелей прошлым вечером.

Но как я ни старался сконцентрироваться на содержании бесед с соседями Уингейтов, мои мысли всё равно возвращались к странной условленной встрече с Алистером Синклером.

«Почему он со мной связался? По всем правилам он сначала должен был обратиться к Джо, моему начальнику. И почему он считает, что знает что-то о том, кто убил Сару Уингейт? За последние несколько месяцев в городе не было похожих убийств.»

Прошлой ночью я специально позвонил Деклану Малвани, моему бывшему напарнику в Нью-Йорке. Он работал допоздна в офисе из-за неутихающих в городе беспорядков после вчерашних выборов, но, тем не менее, он выкроил несколько минут, чтобы проверить для меня записи дел.

Я снова сконцентрировался на опросах свидетелей, но выяснил, что они не несут абсолютно никакой важной информации. Семья Брейтуэйт по соседству весь день провела дома, но не слышала и не видела ничего необычного.

Престарелый мистер Дрейер, живущий на другой стороне улицы, всё время провёл на веранде в кресле-качалке. Он недавно видел рядом с домом Уингейтов странного мужчину, но это случилось более трёх месяцев назад. Я решил всё же разобраться со свидетельствами мистера Дрейера и Уингейтов, но учитывая, сколько времени прошло с того момента, не похоже, что эта деталь хоть как-то скажется на расследовании убийства.

Красной нитью во всех опросах шёл рассказ о том, что около половины четвёртого почти каждый слышал странный вопль, описанный мисс Уингейт. Это было интересным совпадением, но на улику не тянуло.

В целом, никто из соседей не смог сообщить ни одной существенной детали. Благодаря их свидетельствам мы смогли лишь составить общее представление о том, кто где находился, включая прислугу Уингейтов. У нас на руках были доказательства того, что никто нам не соврал. Но больше ничего.

Я надеялся, что Джо повезёт больше, и он найдёт полезную для нас информацию. Он поехал к доктору Филдсу на вскрытие Сары Уингейт, которое было назначено ранним утром, в пять часов.

Со вздохом разочарования я повернулся, чтобы положить папку с опросами в картотеку, когда услышал на лестничной клетке уверенные шаги. Похоже, приехал мой посетитель.

В комнату вошёл мужчина средних лет с аккуратно подстриженными усами и чёрными волосами, лишь начинающими седеть на висках. Одет он был по последней моде, дорогие кожаные туфли начищены до блеска, а пальто сделано из лучшей мягкой чёрной шерсти.

Он с порога окинул меня пронзительным взглядом синих глаз и приятно улыбнулся, приоткрыв идеально ровные белые зубы. Когда мужчина заговорил, его речь была спокойной и воспитанной со слегка пробивающимся европейским акцентом.

— Детектив Зиль, полагаю? — он протянул руку и сильно сжал мою. Слишком сильно. Огромным усилием воли я постарался не скривиться. — Я Алистер Синклер. Можете называть меня Алистер.

По манере речи и поведению он казался менее чопорным, чем я представлял, прочитав его английское имя. Чуть позже я узнаю, что он много путешествовал по миру, а детство вообще провёл в Риме.

Мужчина снял шляпу и пальто.

— Позвольте? — кивнул он на деревянную вешалку у двери.

— Прошу вас, — ответил я.

— Рад, что вы встретились со мной после столь краткого сообщения. Могу представить, как вы заняты в свете вчерашних событий. Обещаю, что не займу у вас времени больше, чем требуется.

Я вежливо кивнул, но про себя подумал, что у меня не было особого выбора после его телеграммы.

— Присядем? — хоть Алистер Синклер и показывал на стул для посетителей напротив моего стола, он вёл себя, словно это был его кабинет, а не мой. Когда мы расселись друг напротив друга, он начал молча на меня смотреть, не зная, с чего начать.

— Должен признать, я был удивлён, получив вчера ночью от вас телеграмму, — начал я. — Не представляю, как вы узнали об убийстве так скоро, не говоря уже о том, чтобы обладать какой-либо информацией о подозреваемом.

— Ах, да, — мужчина откинулся назад, предвидя мой вопрос. — За многие годы я создал очень полезную сеть информаторов — среди работников полиции, журналистов, пожарных. Информацию по данному делу об убийстве прошлым вечером я получил от одного из моих контактов в газете. Поразительно, если учитывать, как они были заняты вчерашними выборами.

Мой собеседник кивнул на статью в «Таймс», лежащую на столе.

— Этих ребят не остановить, когда дело касается сбора информации, — он усмехнулся

мне, полагая, что мы поняли друг друга.

— Это точно, — согласился я.

Репортёры новостей были похожи на хищников. Я знал, что не все из них одержимы мыслью, заполучить хорошую историю любой ценой, но всё равно относился к ним без уважения.

— Как много вы знаете о вчерашнем убийстве? — поинтересовался я. Я хотел быть уверен, что он знает, о чём говорит и не станет тратить моё время впустую.

Алистер Синклер сложил руки перед собой и начал перечислять факты:

— Молодая женщина двадцати с небольшим убита вечером в поместье в этом городке. На теле были многочисленные рваные раны и ушибы.

И он продолжил говорить и о других фактах, так что мои сомнения о том, что он плохо информирован, развеялись.

— И почему же подобное местное убийство заинтересовало профессора факультета права Колумбийского университета?

Он взглянул на меня с удивлением и уважением, поскольку сам он не рассказывал, чем занимается и кем работает.

— Похоже, у вас есть своя сеть информаторов. Те, кто описывал вас чрезвычайно умным и находчивым, были правы.

Ну, если можно так выразиться... И мне очень хотелось знать, с кем же он обо мне говорил. Но я не стану радовать Алистера и спрашивать об этом.

Моё собственное расследование его положения было довольно простым: короткий звонок в седьмой отдел Департамента — и я уже знаю основные моменты жизни Алистера Синклера.

Из личного: он недавно отметил пятидесятидвулетие.

Из общественного: он был из богатой семьи, входящей в четыре сотни самых влиятельных семей, приглашаемых на ужины к миссис Астор^[9].

Из профессионального: у него есть научные степени в Гарвардском и Колумбийском университетах, где он преподавал последние десять лет на факультете права по специальности криминального права.

Малвани раскопал для меня эти факты и даже вспомнил кое-что ещё, поскольку этот суровый ирландский коп любил просматривать статьи о высшем обществе в журналах. Он рассказал мне, что Алистер живёт с женой отдельно, потому что женщина переехала за границу после трагической гибели их сына около двух лет назад.

— Только вот не могу вспомнить, как их сын умер, — поведал мне Малвани. — Крутится только в голове запись в некрологе, что он погиб во время археологической экспедиции в Грецию.

Эти детали вполне удовлетворили моё любопытство о том, кем является этот мужчина, но они не могли объяснить его интерес к местному убийству. Пришлось снова его об этом спросить.

— Как вы уже знаете, я преподаю криминальное право, — произнёс он, вытягивая ноги и устраиваясь поудобней. — Но сам я считаю себя криминологом. Вы знаете, кто это такой?

— Вы изучаете преступления? — рискнул я предположить.

— В общем, да. Но с особым акцентом на преступниках и их поведении, — он придвинулся ко мне ближе, и я неуютно поёжился под его пристальным взглядом. — Когда вы арестовываете человека за особо тяжкое преступление, вы ведь нечасто задаётесь

вопросом, почему он это сделал?

Пришлось признать, что нечасто.

— Чаще всего мотивы самые примитивные, — заметил я. — Месть, ревность, жадность. Именно поэтому большинство преступников крадут и убивают.

— Да, в общих чертах вы абсолютно правы. Но вы никогда не спрашивали себя: почему именно он? Иначе говоря, у нас есть пятьдесят человек не в лучшей экономической ситуации, и все пятьдесят остро нуждаются в деньгах. Но только один из них пойдёт на убийство ради прибыли. Или пятьдесят женщин, одинаково несчастливых в браке. Но лишь одна решит отравить мужа. Почему? Что заставляет его — или её — отличаться от оставшихся сорока девяти, не пошедших на убийство?

Он продолжал:

— Я участвую в крупномасштабном научном исследовании, основанном учёными в области криминологии из Германии, Франции и Италии. Его цель — понимание поведения преступников путём коллективного мышления в различных областях науки: социологии, психологии, анатомии и, конечно же, права. Вместе с коллегами-единомышленниками я организовал в Колумбийском университете исследовательский центр, чтобы найти ответы на несколько важных вопросов. Почему преступники ведут себя именно так? Что ими движет? Что их удерживает? Какие действия можно предпринять, чтобы направить их побуждения в другую сторону и реабилитировать их?

Говоря это, он бурно жестикулировал, подчёркивая эмоциональность речи:

— Представьте, сколько полезного можно совершить, если мы найдём ответы на эти вопросы. Если мы только сможем определять предрасположенных людей — или просто тех, кто более склонен к насилию — тогда, возможно, мы сможем вмешаться ещё до того, как они пойдут на первое преступление. Или если взять рецидивиста — человека, неоднократно совершавшего преступления — и выяснить, как его можно реабилитировать... Только представьте, насколько более эффективными стали бы наши суды и уголовно-исполнительная система!

Я не стал говорить ему, что не согласен с некоторыми из его положений, особенно с теми, что основаны на человеческой природе. Я их не разделяю. И считаю, что просто некоторые люди способны совершить дурные поступки.

Иногда даже самые приличные могут вести себя преступно, если их загнать в угол. Мои мысли против моей воли наполнились воспоминаниями о катастрофе «Слокама». Когда проводились спасательные работы, я стал свидетелем того, как обычно законопослушные граждане бессовестно затапывали женщин и детей, пытаясь спасти свою жизнь.

Если это — свидетельство человеческой природы среди самых цивилизованных из нас, то чего можно ждать от жестоких преступников?

Но сейчас не время для подобного спора. Мертва юная девушка, а её убийца пока не то, что не пойман — мы даже не знаем, кто он.

Алистер завёл наш разговор в более теоретическом направлении, а это не очень полезно для моего расследования. Мне хотелось услышать лишь практическое применение того, что может помочь раскрыть мне дело.

— Всё это хорошо и замечательно, но сегодня я расследую реальное преступление с неизвестным преступником. Я должен знать, как именно вы можете мне помочь, — произнёс я.

Алистер качнулся вперёд на стуле.

— Похоже, в моих руках — ключ к разгадке вашего убийства. Я знаю ответственного за это происшествие человека. Это человек, которого я опрашивал во время своих исследований, — он положил на стол маленькую чёрно-белую фотографию. — Вот он. Майкл Фромли.

Я уставился на него на пару секунд, осмысливая то, что он только что сказал. Я краем глаза взглянул на фотографию и отодвинул её обратно к Алистеру.

— Прошу прощения, — начал я и качнул головой, — мне кажется, мы друг друга не поняли. Расследуемое мной убийство произошло только вчера. Поздним вечером. Поэтому любая уличающая информация из какого-либо из ваших исследований не может относиться к текущему делу.

— Вы действительно меня неправильно поняли, — ответил Алистер, — поэтому дайте мне пару минут, и я всё объясню.

Он сложил руки вместе и поинтересовался:

— Слышали ли вы имя Эжен Видок^[10] и знакомы ли вы с его размышлениями о преступлениях?

И прежде чем я успел подумать, а уж тем более ответить, он продолжил. Почти лекторским тоном:

— Видок был известным французским вором. После его последнего ареста полиция сделала ему уникальное предложение: если он хотел избежать тюрьмы, то должен был использовать свои навыки, присоединившись к полиции. Вскоре он стал руководителем Главного Управления Национальной Безопасности^[11]. Возможно, вы слышали о нём во время своей работы, потому что, именно благодаря ему, появилось множество нововведений, например, работа полицейских с маскировкой. Или, как вы это называете, «работа под прикрытием».

Алистер поднялся и начал расхаживать по комнате, бурно жестикулируя:

— Также он создал систему хранения данных, отличающуюся от привычных. В деле каждого преступника, арестованного департаментом, он записывал информацию о его возрасте, внешности, происхождении и детали совершённого преступления. Видок показал нам, что у каждого преступника есть определённая модель поведения, — стиль поведения — которая остаётся неизменной в каждом его преступлении. Это может быть определённый вид оружия или специфический выбор жертвы. Возможно, это даже привычка выбирать конкретное место или время суток.

Алистер снова сел. Я начал подозревать, что его постоянный переход от ходьбы к сидячему положению свидетельствует о его неуёмной энергии, которую ему сложно сдерживать.

— Значит, вы хотите сказать, — протянул я, пытаюсь разобраться, — что детали преступления здесь, в Добсоне, похожи по стилю преступника на то, с чем вы сталкивались прежде?

— Вот именно! — широко улыбнулся мне Алистер, довольный, что я понял его точку зрения.

Должен признать: в приведённых Алистером аргументах был смысл. Я не слышал раньше о Видоке, но по опыту знал, что все преступления банд, расследуемые мной, происходили по одному сценарию. И работа каждой банды была непохожа на другую.

Я потянулся к маленькой фотографии, до сих пор лежавшей на столе. На ней был изображён молодой человек лет двадцати. Он нагло смотрел прямо в камеру из-под копы

светлых волос. У парня были высокие скулы, большие глаза, а губы скривились в ухмылке.

Я рассматривал фотографии, пытаюсь найти ту крупницу зла, которая превращает обычного человека в убийцу. Естественно, я её не увидел. И никогда не видел. Некоторые говорили мне, что она видна по выражению лица. Но я знал точно — что бы ни вело человека к убийству, оно скрывалось глубоко в человеческой душе.

И всё же заключение Алистера выглядело слишком простым.

— Если ваш подозреваемый совершал подобное и раньше, как ему удалось избежать электрического стула или, по крайней мере, тюрьмы? — мне была отвратительна мысль о том, что человеку дали шанс повторить своё преступление.

Но, прежде чем он ответил, я перебил самого себя, хоть во мне и росло разочарование. Надо было вернуться к теме разговора.

— Нет, не важно «как». Вы знаете, где мне найти этого человека?

Алистер расстроено ответил:

— Мы и сами пытались найти его последние две недели. Но у нас ничего не получилось.

— Вы имеете в виду, что он был в тюрьме, но сбежал?

Алистер покачал головой.

— Даже если так, на него всё равно осталось заведено дело, — начал я обдумывать альтернативные варианты. — Мне нужны сведения о его прошлых арестах.

Алистер странно на меня посмотрел.

— Боюсь, всё не так просто. Вы не найдёте никакой полезной информации в делах о его прошлых арестах — по крайней мере, той, что ищете, — он почесал подбородок и пояснил, — на нашего подозреваемого заведены полицейские отчёты: нападения, драки, даже, если не ошибаюсь, мелкие кражи. Но там нет — пока нет — убийства.

— Тогда как вы можете быть уверены, что это он замешан в убийстве? — фыркнул я. Мне сложно было сдержать вспышку ярости, когда я подумал о потраченном впустую времени. Я бы высказал и остальное, но Алистер мгновенно прервал мой взрыв неудовольствия.

— Прошу вас, ещё минутку терпения. Позвольте мне вернуться к предыстории. И вы поймёте, почему я считаю его замешанным в этом убийстве, и всё, что я вам рассказал, обретёт смысл.

Я посмотрел на часы: почти полдевятого. Я обещал Джо, что вернусь этим утром в дом Уингейтов.

— Я должен вернуться на место преступления. Можете отправиться со мной. Поговорим по дороге.

Я подождал Алистера у дверей, и, когда мы уселись в ожидавшую нас повозку, я откинулся на сидении и постарался без предубеждения выслушать историю, которая с каждой деталью становилась всё более странной и тревожной.

Наш возница громко насвистывал, не обращая внимания на разговор. Но, тем не менее, Алистер придвинулся ближе ко мне, чтобы быть уверенным, что мужчина не подслушает.

— Вы можете реабилитировать монстра? — спросил Алистер. Его глаза смотрели прямо на меня, пылая силой. — Такой услуги потребовал от меня старший брат Майкла Фромли Клайд Уоллингфорд — сводный брат, если быть точным — после того, как Майкла арестовали за первое серьёзное нарушение. Это было три года назад.

Он трагически замолчал на пару секунд:

— Конечно, парень и до этого попадал в неприятности, но не в такие серьёзные, как в тот раз. Раньше это были драки в барах, мелкие кражи, за которые можно возместить материальный ущерб. Никакого вреда, который нельзя бы решить деньгами. И никакого чрезмерно агрессивного поведения, которое нельзя было бы описать в близких к семье Уоллингфорд кругах фразой «совершил по глупости в молодости». — Тон Алистера стал серьёзней. — Но происшествие трёхлетней давности отличалось от предыдущих, и Уоллингфорд был вне себя от беспокойства.

Я внимательно слушал, помимо воли начиная увлекаться рассказом.

Алистер схватился за сидение, чтобы его не так трясло. Наша повозка тяжело подпрыгивала на булыжной мостовой. Поднимающиеся круто вверх дороги Добсона были уложены брусчаткой, чтобы лошади было легче идти. Но вот поездка могла выбить душу.

— Майкл — младший сын Луизы Уоллингфорд Фромли от её второго мужа. — Алистер качнул головой и скривился. — Ужасная женщина: настолько деспотичная и властная, что оба мужа поспешили отправиться в могилы, чтобы только убраться от неё подальше. Без сомнения, она прекрасно воспитала четверых старших детей, чьим отцом был Эрл Уоллингфорд. Но по какой-то причине с Майклом было в разы сложнее, причём с самого начала. «Ещё когда он был в утробе», — говорила мне его мать, но это было обычное для неё мелодраматическое поведение. И, тем не менее, даже будучи ребёнком, он так терроризировал няnek, заботящихся о нём, что ни одна не задерживалась дольше, чем на месяц-другой.

— А как он вёл себя с отцом и старшими братьями? — спросил я.

— Его отец умер спустя несколько месяцев после его рождения, а когда Фромли был ещё очень мал, все его братья покинули дом. Определённые проблемы возникли, когда его сводный брат решил вернуться домой и переехал туда с женой и двумя дочерьми. Естественно, Луиза жила там до самой смерти, и вначале Уоллингфорд был очень рад, что Майкл живёт с ними. Но Майкл начал демонстрировать беспокоящее брата поведение. Например, у него случались странные приступы, в течение которых он забирался в шкаф и сидел там, словно в трансе. Однажды он поджёг занавески в гостиной. Лишь по счастливому стечению обстоятельств дом не сгорел дотла. Уоллингфорд испугался и категорически потребовал, чтобы его брат не жил вместе с его дочерьми.

Алистер вздохнул и продолжил:

— Юного Фромли отослали жить к сестре Луизы — старой деве мисс Лиззи Данн, пока не нашли для него подходящей школы-интерната. А когда нашли, он возвращался к тётке только на школьные каникулы. Лиззи была робкой и тихой женщиной, не способной жёстко требовать от парня дисциплины, которой ему не хватало. Хотя надо признать, её вины тут не было. С этим не справились ни его деспотичная мать, ни череда строгих школ-интернатов. За недолгое время он насобирав кучу дисциплинарных взысканий за поджоги и нападения на других. А после того, как он угрожал ножом одному из учащихся, его исключили. Это была ужасно неприятная для Уоллингфордов история, но они надеялись, что он вскоре это перерастёт. Они цеплялись за эту надежду до октября 1902 года, когда Майкла арестовали за покушение на убийство. Он угрожал ножом проститутке по имени Кэтрин Смедли и поджёг её комнату.

— Ясно. Тогда он совершил серьёзное преступление и столкнулся с грозящим ему тюремным заключением.

— Именно. Когда Майклу предъявляли обвинение, возникли обоснованные сомнения в

его вине. Хоть он и был последним человеком, с которым жертву видели перед нападением, никто не мог заявить под присягой, что человек, ушедший с ней в комнату, это именно Майкл Фромли. А жертва хоть и поправилась, но этот печальный опыт негативно сказался на её памяти, и она не могла вспомнить нападавшего.

Алистер посмотрел на меня с искренним сожалением.

— Откровенно говоря, даже если бы свидетели и смогли бы опознать в Майкле нападавшего, мало бы что изменилось. Следствию нужны были более заслуживающие доверия свидетели, чем можно отыскать в борделе.

Мы продолжали разговор, пока не подъехали к поместью Уингейтов. Я с радостью заметил, что дом и двор перед ним пусты. Хоть Уингейты и провели эту ночь в доме из-за настойчивых требований миссис Уингейт, этим утром они уехали. И благодаря их отсутствию, мы сможем как следует осмотреться.

Сначала я провёл Алистера по периметру поместья, выискивая что-нибудь необычное. Уже рассвело, видно было хорошо, и я надеялся, что мы найдём что-нибудь, чего не заметили во вчерашних тусклых сумерках.

Снаружи мы ничего особенного не нашли. Вернулись в дом и начали обыскивать комнату Стеллы на третьем этаже. Она до сих пор не вернулась. Со слов мисс Уингейт, вся одежда Стеллы была на месте, кроме её кошелька. А это значило, что она забрала деньги, скорей всего для поездки, что отвечало моей теории: после вчерашней трагедии она кинулась к друзьям.

— По поводу той женщины, Смедли... Я вижу, вы уверены, что Майкл Фромли виновен? — спросил я.

— В нападении — безусловно, — уверенно ответил Алистер. — Он позже признался мне, а потом и своему брату. Учитывая слабую доказательную базу, прокурор и судья хотели снять обвинения в покушении на убийство. Фромли получил меньшее наказание, чем должен был, благодаря мне: я убедил прокурора согласиться на сделку с испытательным сроком под наблюдением. Уоллингфорд безумно хотел, чтобы Майкл принял это предложение и спас семью от позора из-за суда, но лишь при одном условии — если можно что-то сделать, чтобы реабилитировать Майкла. Но на этот раз я окажу его семье медвежьё услугу, если попытаюсь уберечь Фромли от тюрьмы, потому что следующий раз он может решиться на что-то похуже. Вот поэтому я здесь.

Мы вернулись на второй этаж в комнату, где была убита Сара. Там я сделал дополнительные заметки, измеряя каждое отдельное пятно крови, особое внимание уделяя их расположению по отношению к находившемуся здесь трупю девушки.

Алистер несколько секунд молча смотрел на меня, а потом продолжил рассказ:

— Для меня открылась возможность, которой больше не предвиделось, — лицо мужчины покраснело и оживилось, а голос был пылким от энтузиазма. — Я уже давно завидовал Лакассаню^[12], французскому криминологу, которому удалось уговорить оказавшихся за решёткой преступников делиться с ним их самыми сокровенными мыслями. Он интересовался всеми преступниками, но я хотел сконцентрироваться на насильственных преступлениях. Следуя его примеру, я посещал Синг-Синг^[13] и Райкерс^[14] и разговаривал там с заключёнными. Я даже общался с ожидавшими смертной казнь людьми за несколько часов до исполнения приговора. Вы же знаете, как быстро в Нью-Йорке исполняют приговоры, когда они уже вынесены, а все апелляции отклонены. Помните Леона Чолгоша^[15], убившего президента МакКинли? Он предстал перед судом в конце сентября, а

чуть больше месяца спустя уже умер на электрическом стуле.

Конечно, я помнил. Именно смерть президента МакКинли помогла Тэдди Рузвельту стать первым человеком в стране^[16].

— Но вы же понимаете, что это был необычный случай, учитывая обстоятельства?

Алистер согласно кивнул:

— Согласен. Всё произошло чрезвычайно быстро. Но даже обычные случаи заканчиваются быстро. Если не подана апелляция, большинство приговорённых прощаются с жизнью в течение ближайшего месяца. И если они проигрывают апелляцию, то их оставшаяся жизнь измеряется в неделях и днях. Едва ли этого времени хватит, чтобы собрать нужную мне информацию, а уж тем более, чтобы покопаться в их мыслях. Это если забыть о том, что многие смертники предпочитают в последние часы заниматься более приятным делом, чем разговоры со мной.

Он саркастически улыбнулся и продолжил:

— Но с появлением Майкла у меня появился живой, дышащий объект для исследований. В моём полном распоряжении. И мне не надо было отдавать его палачу через несколько месяцев. Это был шанс — один на миллион — заглянуть внутрь ещё формирующегося преступного мышления. Как работал разум Майкла? Что им двигало? Почему он вырос настолько отличающимся от своих братьев? И существует ли способ вмешаться и реабилитировать его, пока он действительно не пересёк черту?

Я поднял глаза от семисантиметрового пятна крови.

— Минутку, — я был уверен, что что-то неправильно расслышал, — вы сказали, что его преступные намерения ещё только формировались? Если он пытался убить женщину, если напал на неё с ножом и поджёг её комнату — в том, что она выжила, нет его заслуги. Похоже, он делал всё, чтобы убить её, и лишь благодаря божественному провидению она осталась жива!

Я поднялся на ноги и посмотрел на Алистера:

— Мне кажется, в голове этого человека не существовало различий.

Но Алистер остался равнодушен к моей вспышке:

— Да, я тоже раньше так думал. Но мы с коллегами выяснили, что в мышлении преступника существует прогрессирование, которое приводит к эскалации насильственной активности. Конечно, вы же понимаете, что я сейчас говорю о предумышленном убийстве незнакомого человека, а не о типе убийства, которое вы называете «убийство на почве страсти».

Он очень тщательно разграничил юридические и правовые термины, словно предугадав моё следующее возражение ещё до того, как я его высказал.

— Ни один убийца, даже самый жестокий, даже печально известный Лев Бёрдик, чьей поимкой в начале этого года так гордится ваша полиция, не просыпается просто однажды утром с желанием убить. Напротив, его желание растёт в течение долгого промежутка времени, благодаря невероятным усилиям воображения.

Это звучало совсем по-идиотски, и я ему это так и сказал:

— Мне не кажется, что Лев Бёрдик проявил особые «усилия воображения».

Этот человек потрошил своих жертв в их кроватях, пока остальные члены семьи жертвы с ужасом слушали это, сидя в соседней комнате.

— Никакого воображения нет только в самом конце, — поправил меня Алистер. — Вы правы, к тому моменту уже слишком поздно. Но, как мы узнали из наших исследований, в

самом начале даже такой человек, как Бёрдик, сперва начнёт с простой картинке в голове.

Алистер прошёлся по комнате, жестами помогая мне понять, о чём он говорит.

— Ему должна понравиться картинка в его воображении. Возможно, он начинает испытывать неизведанное доселе ощущение силы, власти, и эти ощущения опьянят его. Но эта воображаемая стадия — ни больше, ни меньше плод его воображения — и в данном случае у него пока не появляется серьёзных мыслей о чьём-либо убийстве.

Внезапно его тон стал мрачнее:

— Но, как показали наши опросы, чем больше он размышляет о воображаемом убийстве, тем больше он создаёт необходимость в его совершении — и тогда он вызывает в памяти картинку убийства всё чаще и чаще. И однажды воображаемая жертва уже перестанет его удовлетворять, и в роли жертвы он станет представлять настоящих людей, даже своих знакомых. И в этот момент он задумывается о настоящем убийстве реальных людей. И с этой самой секунды лишь вопрос времени, когда...

Он мог и не договаривать. Нам стоило просто осмотреться по сторонам. По сути, Алистер, похоже, впервые с момента нашего появления заметил последствия вчерашнего происшествия.

Его теория была интересной, но мне до сих пор было сложно понять, как это касается Майкла Фромли.

— Даже если вы и правы, — произнёс я, бросая ему вызов, — то, что вы рассказали о Кэтрин Смедли, не было просто фантазией. Это реальность с ужасными последствиями, — покачал я головой. — Если отталкиваться от вашей собственной теории, его преступное мышление больше не находилось в стадии формирования. Он совершил полноценное преступление.

— Что ж, вы правы, Фромли начал переходить от царства грёз к реальности, и теперь нашёл настоящую жертву, — сказал Алистер. — Но он не собирался убивать ту девушку, по крайней мере, не сейчас. Он всё ещё экспериментировал со своими ощущениями.

— Откуда вы это знаете? — потребовал я ответа.

— Несмотря на многочисленные проблемы, Майкл всегда был очень искренен со мной. Он сказал мне так, и я верю ему, — он замолчал на мгновение. — Он был и остаётся опасным человеком. И я знал его потребности, — голос Алистера гудел от эмоций.

— Я знал, что если мы не добьёмся с ним успеха, он попробует снова — и в следующий раз он убьёт. Поэтому мы поставили рядом с ним охранников. Все деньги шли от Уоллингфорда. Мы наняли охрану, чтобы защитить и окружающих, и себя. Вдобавок, мы регулярно проводили с ним беседы, чтобы понять Майкла и суметь его реабилитировать. Мы очень напряжённо работали, и мне казалось, что у нас получилось. Он сам сказал, что его мечты в течение дня стали более редкими и менее жестокими. Он даже прошёл собеседование на работу в доках на Фултон-стрит и выглядел куда более счастливым, чем раньше. Всё шло довольно гладко до того дня, когда он исчез. И за последние две недели мы не наши ни одной зацепки, где его искать, пока прошлой ночью я не получил известия об убийстве, произошедшем в этой самой комнате.

— Но вы пока так и не объяснили, почему — почему именно — вы считаете Фромли убийцей Сары? — возразил я. — Я понимаю, что он опасен и в прошлом зверски избил молодую женщину. И то, что он исчез, не может не внушать тревоги. Но я не вижу ни одной конкретной причины подозревать его в моём деле.

Алистер тяжело сглотнул:

— Вы правы. В точку. Но есть кое-что ещё, и только вы можете это подтвердить. Потому что то, что я слышал о месте преступления, полностью отражает фантазии, вынашиваемые Майклом на протяжении последних нескольких лет. Прочтите это — протянул он мне листок бумаги — и скажите, что не разделяете моего беспокойства. Это лишь одна из многих моих заметок по делу. В остальных говорится о том же.

Порывистый ноябрьский ветер пронёсся мимо дома, и стёкла в окнах задребезжали. Я взял у Алистера лист бумаги и быстро просмотрел его.

«Четверг. 18 марта.

Сегодня он рассказал о ещё одном дневном видении. Уже в пятый раз за этот месяц. Объектом была молодая девушка около двадцати лет, которая села в его машину в центре города. Это была блондинка в синем платье. Очень красивая. Он вообразил, что она швея, и добавил к этому множество грязных подробностей из её жизни. Затем он начал развивать идею по сценарию, который я уже давно заметил:

1. Овеществление: он мысленно унижает её, пока в его мечтах она не становится человеком, не заслуживающим уважительного отношения.

2. Воображение: он представляет, как общается с ней, добиваясь определённого результата. Он ощущает прилив возбуждения, когда она подчиняется ему при виде ножа; восхитительное чувство контроля, когда он сам решает, где и как она умрёт.

3. Метод: он разрезает на ней платье длинными полосами. Наконец, он погружает клинок в её сердце и наносит ей много беспорядочных ударов. Когда она уже мертва, он описывает побуждение взять с собой какое-то напоминание. Дальше «напоминания» разнятся: в сегодняшней версии рассказа это тонкое кольцо, которое носила девушка.

4. Результат: впечатления настолько сильны, что он теряет ощущение пространства и времени. Вот и сегодня он проехал на две остановки дальше, чем ему было нужно».

Мне стало плохо. Желудок скрутило в тугой узел при воспоминании об изуродованном теле Сары Уингейт. Я вполне мог разделить эти случаи и сосредоточиться на их различиях. Но сходство было поразительным: Сара Уингейт — блондинка; её ударили ножом много раз; на ней было синее платье, разрезанное на полосы. И даже если я смогу игнорировать эти детали и списать всё на совпадения, то от взятого с собой убийцей «напоминания» было никуда не деться.

Убийца забрал с собой прядь волос Сары и, вероятно, попытался забрать медальон, но уронил его, покидая поместье. Сходства были слишком очевидны, чтобы не обращать на них внимание. Я вздрогнул, вспомнив место преступления. Человек, совершивший такое — кто бы он ни был — не заслуживает ничего: ни помощи Алистера, и уж точно не ограничения свободы, которой он станет наслаждаться.

Я обвиняющее обратился к Алистеру:

— Как вы со спокойной совестью могли помогать кому-то с подобными мыслями? Разве в тот момент, когда он начал рассказывать вам эти ужасающие идеи, вы не осознали, что совершили ошибку, и его надо запереть?

— Я рассудил, что нет никакой опасности, потому что, даже судя по его мечтам в

течение дня, было видно, что он работал над собой. И я надеялся, что усилием воли он начнёт менять направление своих мыслей и фантазий. К тому же, определённую безопасность нам обеспечивал охранник.

— И почему же этот охранник не предотвратил его исчезновения?

Алистеру было явно неудобно:

— Мы видели, что Майкл добился значительного прогресса, и решили, что охранник больше не нужен. Прошлым летом мы его уволили.

Полетевшее к чертям гражданское правосудие — вот что это было. Ни больше, ни меньше. Пытаться понять, почему человек склоняется к преступной жизни, было хорошо и здорово, но только когда ставки в этой игре гипотетические, и вы не рискуете человеческими жизнями. А теперь, похоже, невинная девушка умерла в результате проваленного эксперимента, и ничего из того, что мог узнать Алистер Синклер, не стоило её жизни.

— Расскажите поподробней, что произошло две недели назад, когда он исчез, — тихо попросил я.

— А нечего больше рассказывать. Он просто исчез. Последний раз мы видели его 22 октября, — ответил Алистер.

— У него есть друзья или другая семья, к которой он мог отправиться?

— Если и есть, мы о ней не знаем, — Алистер опёрся подбородком на руки. — Его тётя была единственным человеком, с которым он постоянно общался, но она давно не получала от него вестей.

Алистер подошёл к кровати и посмотрел на огромное пятно крови на полу. Он склонился, рассмотрел этот участок пола внимательнее, и указал пальцем на матрас:

— Позвольте?

Я согласно кивнул, и, не веря своим глазам, наблюдал, как он вытаскивает из-под матраса что-то похожее на кусок ткани. Нет, это был пропитанный кровью конверт. Спрятанный под матрасом, он казался частью скомканного постельного белья и ускользнул от нашего внимания. Алистер открыл конверт, чтобы рассмотреть его содержимое, и тихо присвистнул.

— Двадцать, сорок, шестьдесят, восемьдесят... — он продолжал считать вытасченную из конверта пачку денег. — Да здесь хватит на то, чтобы купить одну из новомодных машин, которые недавно поступили в продажу.

«Или чтобы оплатить несколько раз мою годовую ренту за квартиру», — подумал я про себя. А вслух сказал:

— Если предположить, что эти деньги принадлежат Саре, откуда у неё может быть подобная сумма?

Алистер пожал плечами, засунул купюры обратно в конверт и молча протянул его мне. Я какое-то время помолчал.

— Думаю, мне стоит взглянуть и на другие ваши записи, касающиеся Фромли. Вы можете отвезти меня сейчас в ваш офис?

Хоть я и произнёс это, как вежливую просьбу, но по моему тону было понятно, что это не подлежит обсуждению.

— Естественно, — охотно откликнулся Алистер.

Я остановился у дома № 27 по Мейн-стрит, чтобы положить деньги в городской сейф и сделать несколько необходимых звонков, чтобы расчистить остаток дня. Вернувшийся со

вскрытия Джо был несказанно рад, что сможет вести расследование в Добсоне без меня. Я взял с собой в дорогу его наброски о найденных при аутопсии деталях. Пока буду ехать в Нью-Йорк, почитаю, что они с доктором Филдсом узнали.

Паром, следующий до Манхеттена, уже почти отправлялся, когда мы с Алистером пришли на посадку.

Когда мы заняли места на верхней палубе парома, я задал Алистеру ещё один интересующий меня вопрос:

— Вы упоминали ранее, как мозг убийцы развивается от первого воображения преступления до непосредственно его совершения. Если вы правы, и Майкл Фромли только что убил свою первую жертву, ему еще сильнее захочется убить снова?

Алистер сжал губы с тонкую линию:

— С большой вероятностью.

— Тогда лучше бы нам найти его поскорей, — произнёс я.

Я смотрел на скалистые берега Гудзона и не мог не думать о том, что выводы Алистера были слишком просты, какими бы они не были логичными.

А не глядел ли я не в ту сторону, пока настоящий убийца лишь отдаляется от меня?

Нет. Приведённые Алистером свидетельства очень убедительны. Это именно те улики, от которых я не мог отмахнуться с чистой совестью. Не в том случае, когда на карту поставлены человеческие жизни.

Серые тучи, затянувшие небо, грозили пролиться на землю дождём, но пока этого не случилось. Туман окутывал Гудзон плотным саваном, скрывая очертания не только самого Манхэттена, но и барж, паромов и лодок, беспрестанно курсировавших между городом и островами, севернее от него.

Я еле-еле мог различать контуры проплывавших мимо судов, хоть и слышал их приглушённые сирены. Поэтому с тревожным выражением лица повернулся спиной к перилами. Оставалось надеяться только на капитана парома. Мне всегда было неприятно путешествовать любым водным транспортом. Хоть и не боялся ни воды, ни самого корабля, я испытывал глубокое недоверие к тем, кто управляет подобными судами.

Я с полным правом мог заявить: несчастные случаи случались довольно часто, поскольку жадные владельцы судов и капитаны в первую очередь заботились о прибыли, а не о безопасности пассажиров. Алистер тоже выглядел беспокойным и напряжённым, и мы едва ли сказали друг другу десяток фраз за наше короткое получасовое путешествие.

Центр Исследований в области криминологии, о котором говорил мне Алистер, находился в новом корпусе Колумбийского университета на Морнингсайд-Хайтс ^[17] на 116 улице. В этом кампусе я ни разу не был. Когда-то я провёл недолгие четыре года в Колумбийском университете, но вынужден был уехать по семейным обстоятельствам, и тогда университет занимал небольшое здание в центре города.

Научно-исследовательский центр Алистера находился в маленьком здании из красного кирпича начала 1800-х годов. Его не затронули даже разрастающиеся вокруг мраморные колонны и здания «Макким, Мид энд Уайт» ^[18]. Мы шли по кирпичной дорожке, покрытой мокрыми и скользкими листьями.

Я двинулся за Алистером, толкнувшим покрашенную в чёрный цвет дверь, и мы начали подниматься на второй этаж по узкой винтовой лестнице, застеленной потёртой синей ковровой дорожкой. Именно там и находился офис Алистера. В комнате уже находилось несколько мужчин и женщина и тихо разговаривали, ожидая, когда приедет назначивший им встречу Алистер. Они сидели в центре комнаты вокруг огромного дубового стола, заваленного кипами бумаг, папками и книгами.

— Зиль, — произнёс Алистер, — входите и присаживайтесь.

Он жестом показал, где могу повесить пальто. Я поставил на пол рядом с вешалкой свой саквояж, и из-под стола моментально выскочила крупная собака с золотистой шерстью и начала обнюхивать мои руки.

— Обан, место! — приказала женщина собаке, указывая обратно на её место под столом.

— Я бы хотел представить вам моего коллегу в области социологии Тома Бакстера, — привлёк Алистер моё внимание к непримечательному человеку лет тридцати пяти, высокому и тощему, но с крепким рукопожатием.

— Том приехал к нам лишь год назад из Гарварда, — пояснил Алистер. — Нам повезло, что он решил присоединиться к нам.

Алистер продолжил официальное представление.

— Фред Эббингс, профессор психологии, — я развернулся, чтобы поприветствовать худого, как рельса, мужчину со сгорбленными плечами. Этот человек был значительно

старше — на шестом десятке.

— И мой ассистент — а также моя невестка — Изабелла Синклер, — добавил Алистер с тёплой улыбкой.

Я повернулся к стройной девушке лет двадцати пяти с гладкими тёмными волосами. Она была очень красива. На ней была белая блузка и строгая юбка из зелёного сукна.

— Приятно познакомиться, миссис Синклер, — произнёс я.

— Взаимно, — она мило улыбнулась. Девушка была удивительно простой и располагающей к себе. — Профессор Синклер уже рассказал нам о вас. Будем рады работать с вами.

В следующие несколько дней я узнаю, что Изабелла стала вдовой два года назад. Как и рассказывал мне Малвани, её муж, единственный сын Алистера Тедди, трагически погиб во время одной из своих частых поездок в Грецию.

Смерть Тедди странным образом связала Изабеллу и Алистера, поскольку скорбь от утраты заставила девушку изменить свои интересы с общественной деятельности, приемлемой для молодой леди её круга, на криминологические исследования Алистера.

И вдобавок, к недовольству всей огромной семьи Алистера, Изабелла продолжала жить одна — если не считать горничную и собаку — в смежных с квартирой Алистера апартаментах. Это место Алистер присмотрел уже давно для молодой, тогда ещё только поженившейся пары. В общем, жизнь Изабеллы крутилась только вокруг домашних и профессиональных забот Алистера, а такое поведение люди считали нездоровым, а то и совсем неподобающим.

— Начнём? — Изабелла сразу взяла разговор в свои руки. — Вижу, мы все, наконец, собрались.

Девушка глянула мне за спину и продолжила знакомить меня с ещё одним посетителем.

— Детектив Зиль, сегодня утром к нам также присоединился Гораций Вуд, ассистент профессора Синклера.

Я резко обернулся. За мной стоял слегка лысеющий, полный человек лет тридцати в толстых очках в коричневой оправе. На нём были потёртые брюки и мятая, не полностью заправленная рубашка. Я почти не заметил его липкого от пота рукопожатия и неловкого приветствия, потому что всё моё внимание было приковано к лиловой шишке у него на лбу с левой стороны. Неприятная травма.

— Что случилось, Гораций? — поинтересовалась Изабелла.

— Бандиты из Таммани попытались вчера отговорить меня голосовать, — он проскользнул в комнату и уселся на стул рядом с Изабеллой. Может, моё воображение и разыгралось, но я почти уверен, что Изабелла слегка вздрогнула и отстранилась, когда он зацепил её, пробираясь к своему месту.

— Они знали, что я поддерживаю Херста, — пробормотал он себе под нос.

— Жаль это слышать, Гораций, — произнёс Алистер и пояснил для меня: — Конечно, как правило, мы не обсуждаем тут политику.

— Мы собрались здесь, чтобы серьёзно поработать, — подхватила Изабелла мысль Алистера. Его одобрителный кивок был почти незаметен.

— Нам надо удвоить усилия. Во-первых, мы хотим найти и опросить Майкла Фромли. Как вы знаете, он пропал две недели назад, и мы столкнулись с новой срочной причиной его экстренного поиска. Детектив Зиль, — она кивнула на меня, — расследует дело об убийстве молодой девушки по имени Сара Уингейт — между прочим, студентки Колумбийского

университета. У профессора Синклера есть причины подозревать в этом убийстве Майкла. Если это так, то мы должны помочь его найти и установить его вину.

Тут в разговор вмешался Гораций Вуд. Говорил он в нос, а речь была быстрой и отрывистой.

— Но мы не детективы. Разве то, что ты описала, не работа полиции? А именно нашего детектива мистера Зилья? Не понимаю, как мы можем помочь.

— Конечно, ты прав, — мягко перебил его Алистер, — основное расследование по части убийства будет проводить детектив Зиль. Но он уже привёл мне довольно много фактов, удостоверяющих огромную вероятность причастности к убийству Майкла Фромли. Достаточно сказать, что сцена убийства в Добсоне практически полностью воспроизводит одну из частых фантазий Майкла. Это делает Фромли наиболее вероятным подозреваемым в деле, расследуемом детективом.

Гораций вскинул бровь:

— Значит, профессор, вы отказались от идеи его реабилитации?

— Я никогда не отказываюсь от серьёзных вещей, — твёрдо ответил Алистер с предостережением в голосе, — но сейчас появилась более серьёзная ответственность, и для нас она должна стать на первое место. Наш долг — найти и поймать Фромли. И благодаря нашей работе в последние три года, никто не знает о его привычках и поведении больше, чем мы.

— Профессор Синклер считает, что мы должны начать поиски связи между Майклом Фромли и Сарой Уингейт именно здесь, в Колумбийском университете, — продолжила Изабелла. — Вы согласны с этим, детектив Зиль?

— В этом может быть смысл, — уклончиво ответил я. Прежде чем прийти к какому-то заключению, я хотел бы сам узнать больше о Фромли здесь, в научно-исследовательском центре.

Изабелла продолжала:

— На данный момент мы смогли выявить только одно связующее их звено: Сара была студенткой в этом университете, а Фромли, естественно, приходил каждый день в исследовательский центр. По крайней мере, до недавних пор.

Алистер добавил:

— Конечно, мы не знаем, существенна ли та связь между ними, которую мы ищем. Возможно, они просто ходили по соседним улицам или ездили в одном вагоне метро.

Я непроизвольно содрогнулся, вспомнив записки о фантазиях Фромли, которыми поделился со мной Алистер.

— Я так понимаю, Сара Уингейт была блондинкой? — устало произнёс Фред Эббингс.

Алистер кивнул и вкратце рассказал им ту же информацию, которой поделился со мной этим утром, чтобы освежить память присутствующих. Я слушал его, одновременно присматриваясь к личностям, собравшимся в комнате.

Алистер собрал для этого проекта довольно разношёрстную группу людей — фактически, настолько разношёрстную, что я удивлялся, как они могут продуктивно работать вместе каждый день. Алистер с его неиссякаемым энтузиазмом и необходимостью быть в центре внимания был странным партнёром для трезво рассуждающего Фреда Эббингса или здравомыслящего Тома Бакстера.

Что касается Горация, то он выглядел типичным чрезмерно обеспокоенным выпускником.

А про Изабеллу я мог пока сказать только то, что её быстрая смекалка, возможно, помогала Алистеру больше, чем тот сам осознавал.

Я прислушивался к разговору и почувствовал укол совести: расследование убийства подобным окольным способом противоречило всему, что я учил о подобной процедуре. В расследовании по учебнику мне стоило работать над установлением подробностей жизни самой жертвы.

В конце концов, какие-то аспекты её жизни — некие обстоятельства или ещё неизвестные нам связи — неизбежно присели к смерти. Но Алистер вполне убедительно показал мне, что Майкл Фромли и есть та связь, которую я ищу.

— Я верю, что если мы сейчас проанализируем поведение преступника на месте убийства Сары Уингейт, — Алистер указал на огромную доску для письма в левой части комнаты, — то я смогу развеять любые оставшиеся у вас сомнения по поводу его вины.

— Большинство из нас знают историю Фромли, и я полагаю, вы рассказали детективу Зилю основополагающие детали, — сказал Том Бакстер. — Но полностью ли вы объяснили ему вашу теорию о поведении преступника на месте преступления? Если нет, то дальнейший разговор не имеет смысла.

— Отличная идея, — вклинился Гораций Вуд, без всякой явной причины желая вступить в дискуссию.

— Том, признателен вам за напоминание. Думаю, именно с этого и стоит начать, — похоже, Алистер целиком наслаждался тем, что остальные ему помогают. — Можете подытожить наши умозаключения?

— Конечно, — ответил Том. — А потом мне бы хотелось услышать больше доказательств, убедивших вас в том, что Фромли — человек, которого разыскивает детектив Зиль.

Том вышел в центр комнаты.

— Ещё до того, как теоретики-криминологи (такие как наставник Алистера доктор Ганс Гросс^[19]) начали писать об этом в своих журналах, подобных «Криминологии», — мужчина постучал по корешкам стоящих в ряд журналов на полке за его плечом, — обычные сотрудники полиции, как детектив Зиль, подмечали, что различные преступники совершают преступления различными способами, отражающими их уникальный стиль. Можете меня поправить, детектив, если я не прав, но представьте такое: мы находим в складах у Ист-Ривер труп с путей в затылке. Уверен, что вы немедленно начнёте подозревать Пола Келли или Монка Истмена.

Это были главари двух уличных банд, имеющих дерную славу — банды «Файв Поинтс» и банды Истмена^[20]. Хотя сейчас Монк Истмен отбывает срок в Синг-Синг, и банду Истмена возглавляет «мальш Твист» Цвербах. Убийство, которое только что описал Том, было заказным убийством-казнью, и он был прав: полиция сразу начнёт подозревать организованную преступную группировку, а не одинокого исполнителя.

Банда Истмена под предводительством Эдварда «Монка» Истмена вместе с «Файв Поинтс» держали под контролем весь Нью-Йорк в начале 1900-х годов.

Том продолжал:

— С другой стороны, если мы найдём застреленного или зарезанного мужчину в подворотне, то решим, что это результат вышедшей из-под контроля ссоры. В данном случае детектив станет искать тех, кто мог ссориться или копить обиду на жертву.

Том глубоко вдохнул и предложил ещё один пример.

— А если мы найдём отравленного мышьяком мужчину, то стоит разыскивать жену убитого или другую женщину в его жизни, — Том посмотрел на меня, ожидая подтверждения.

— Всё верно, — ответил я, — поскольку сам метод предоставляет важные сведения о преступнике. Определённые личности предпочитают определённые методы, как вы и описали в последнем примере.

— Преступников легче понять по месту их преступления, — подвёл итог Алистер с лёгкой улыбкой. — Но верно и обратное: преступления легче понять по поведению преступника на месте происшествия. Идея не нова — если хотите узнать об этом побольше, вам стоит прочитать вот этот весомый труд моего бывшего наставника.

Он хлопнул ладонь по книге доктора Ханса Гросса «Расследование Преступлений: практическое пособие для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции», лежащей в самом центре стола.

Начиная опасаться, что Алистер сейчас углубится в дебри теоретической криминологии, Том пояснил, что офицеры полиции делали подобные заключения уже многие годы, но задача Алистера и его коллег — улучшить и развить данный метод анализа.

Мы продолжили обсуждать, как поведение Фромли, демонстрируемое им в последних нападениях, может рассказать нам что-то важное о его личности и мотивах. Например, когда Фромли нанёс множественные удары по лицу жертвы, это предполагало его сильную злость по отношению к ней по какой-то причине, мнимой или реальной.

— Давайте поразмыслим над этим в применении к картине преступления в Добсоне, — произнесла Изабелла, направляя нас в правильное русло, — если детектив Зиль любезно опишет нам место убийства.

— Конечно, — я откашлялся и подошёл к огромной чёрной доске. — Вскрытие Сары Уингейт этим утром показало, что девушка умерла в гостевой спальне в доме её тёти. Причина смерти — двадцатисантиметровый разрез на шее. Посмертно ей были нанесены множественные ранения по голове и верхней части туловища. А затем она была аккуратно усажена в кровати так, как вы видите на фотографиях, — я медленно развесил на доске снимки места преступления, на каждом из которых были отчётливо различимы ужасные детали убийства.

Я осторожно отошёл левее, чтобы остальные могли рассмотреть картинки, и вытащил из папки заметки по вскрытию. Пока мы ехали сюда с Алистером, я бегло просмотрел отчёт. Джо, записывая за доктором Филдсом, облакал жестокие ранения Сары в медицинскую терминологию.

Официальной причиной смерти была рана на горле, начинающаяся от мочки левого уха и не доходящая пяти сантиметров до правого. Разрез затронул трахею, или дыхательное горло. Но я пояснил остальным, что вторичные ранения также могли служить причиной летального исхода.

Череп жертвы был расколот; или, как описывала это аутопсия, «затылочная кость (которая находится в задней части головы) была раздроблена, носовая кость сломана, а в тканях передней части головы присутствовали многочисленные ушибы».

Пока я говорил, Изабелла подошла к доске и начала записывать аккуратным почерком основные пункты над фотографиями, прикреплёнными к планке доски. Я ожидал, что нам будет не комфортно обсуждать подобные детали в присутствии Изабеллы, но она абсолютно не выглядела ошеломлённой.

— Доктор, проводивший вскрытие, определил вид оружия, которым были нанесены раны на горле и голове? — уточнил Алистер.

— Да, — ответил я. — Поскольку разрез на горле был очень ровным и не имел боковых разрывов, доктор Филдс считает, что использовалось чрезвычайно острое лезвие, например, бритва. А что касается большего предмета, которым нанесли раны головы, доктор Филдс рискнул предположить, что это какой-то металлический объект, вроде монтировки или трубы.

Я быстро просмотрел отчёт и нашёл сделанную для меня приписку на полях. Постукивая по бумаге ручкой, я пояснил:

— По мнению доктора, любой другой материал, например, дерево, не сможет так чисто разорвать кожу, как было сделано в данном случае.

— Ясно, — произнёс Алистер. Он, не отрываясь, смотрел на список повреждений на доске, полностью погружившись в свои мысли; он даже не заметил, когда Гораций извинился и вышел из комнаты.

— Продолжайте, — призвал меня Фред Эббингс, и я заметил, что все присутствующие меня внимательно слушают.

— В крови были обнаружены следы хлороформа. Учитывая это, а также характерные синяки на пятках Сары и тот факт, что на её кистях и предплечьях нет ран от самозащиты, доктор заключил, что её сначала усыпили где-то в доме, а потом уже перетащили в гостевую спальню. И там уже убийца обустроил комнату так, как мы это застали.

Я рассказал и других деталях, отражённых на фотографии: как часть волос Сары была срезана, как её синее платье было разрезано на полосы, а одним из кусков ткани убийца накрыл ей лицо.

— Часть его плана убийства вращается вокруг крови. Как пояснил это доктор Филдс, первым делом убийца вскрыл ей горло, и пока она умирала, из раны обильно вытекала кровь. Но спустя пару минут, после смерти, кровотечение прекратилось, поэтому посмертные раны кровоточили значительно меньше, чем убийца того, вероятно, ожидал. И чтобы это компенсировать, он должен был снова и снова наносить удары по голове жертвы металлическим предметом, чтобы получить картину брызг таковой, как мы её увидели в комнате.

Том Бакстер наклонился вперёд, опёрся руками о стол и нахмурился, пытаясь осмыслить сказанное. И когда он обратился непосредственно к Алистеру, то очень осторожно подбирал слова:

— Знаете, я признаю, что многие из этих деталей совпадают с тем, что мы узнали о фантазиях Фромли об убийстве. Но хлороформ — нет. И посмертные травмы головы — нет. Как вы объясните эти не стыковки?

— Эти расхождения сначала тоже меня беспокоили, — признал Алистер. — Но я пришёл к выводу, что, учитывая обстановку, в которой Майкл столкнулся со своей жертвой — работающие за окном тётя Сары и служанка Стелла — он усыпил её хлороформом в качестве метода контроля. Иначе она бы наделала много шума и суматохи. Но чтобы переживание убийства смогло его эмоционально удовлетворить, Фромли должен был отразить в действительности все воображаемые им травмы. И именно поэтому он нанёс те раны, которые детектив Зиль назвал «чрезмерными».

— Хорошо, — не отступал Фред Эббингс. — Забудем на время о возможной причастности Фромли. Глядя на место происшествия, нам стоит помнить, что его вид

полностью отражает мышление убийцы. В первую очередь он убил, потому что его искажённое мышление сказало ему, что он в этом нуждается. А когда он убивал, то совершал это именно тем способом, который сможет его удовлетворить, как никакой другой.

— Вы имеете в виду брызги крови? — уточнил я, вспоминая, что прошлой ночью меня посетили такие же мысли.

— Именно, эта деталь — определённо часть огромной картины, — подтвердил Эббингс. — И эти брызги полностью отвечают его фантазиям. Фантазии — это то, что он проигрывал в своей голове сотни и тысячи раз, и вот, наконец, он подошёл к тому, чтобы воплотить их в жизнь. И если бы он нарушил какую-нибудь деталь столь долго и идеально продуманного сценария, это было бы колоссальным разочарованием.

Я не стал рассказывать группе учёных о недавнем визите в департамент старшего инспектора-детектива Эбберлайна из Скотланд-Ярда. Это он расследовал до сих пор не раскрытое дело Джека Потрошителя в Лондоне лет пятнадцать назад.

В ходе обсуждения ряда новых процедур и методик расследования, как, например, снятие отпечатков пальцев, он вспомнил о Джордже Чепмене^[21], основном подозреваемом в деле Джека Потрошителя. Во время совершения тех убийств Чепмен как раз находился в Лондоне, но потом вернулся в Нью-Йорк и, как оказалось, отравил там троих женщин.

Эбберлайн задавался вопросом, почему убийца Потрошитель, чьим методом было расчленение, вдруг стал отравлять своих жертв. Он сомневался, что такое вообще возможно. И из-за этого у него появились серьёзные сомнения в отношении Чепмена. А сейчас я начинал волноваться, а не должны ли и нас одолевать подобные сомнения в отношении Фромли?

— А что по поводу ран на лице? — спросил я. — Вы говорили ранее, что эти сильные удары по голове могли выдавать сильную злость убийцы на свою жертву. Но ведь это предполагает личные отношения, а мы не видим подобных отношений между Сарой Уингейт и Майклом Фромли, так?

— Строго говоря, вы правы, — признал Алистер. — Но нам следует помнить, что он видит окружающий мир в извращённом виде, и в рамках его мышления «личные отношения» могут означать совсем не то, что они значат для вас или меня. Он мог полностью выстроить такие отношения в своей голове, без реального участия в них самой жертвы. А возможно, он заменяет Сарой кого-то третьего, поскольку мисс Уингейт внешне полностью подходит под описание девушки из фантазий Майкла.

Эббингс подхватил нить рассуждений Алистера:

— Из того, что мы узнали, разговаривая с Фромли, очень важно помнить, что прежде, чем убить своих жертв в собственном воображении, Майкл их сначала обезчеловечивает, чтобы ему самому было легче действовать. И нанесение жестоких травм — один из методов обезчеловечивания: с каждым ударом жертва всё меньше напоминает реального человека.

— Согласен, — кивнул Алистер. — Убийца в своём сценарии преследует две цели. Первое — я уверен, что он хочет всё контролировать. И путём убийства он обретает полный и абсолютный контроль. Сначала он сам решает, жить ей или умереть. А потом устанавливает, как именно она умрёт.

— А медальон? — влез Гораций. — Зачем забирать её украшение?

Гораций снова присоединился к нашей группе, но не могу сказать, когда именно он вернулся в комнату.

— Медальон даёт ему реальный шанс сохранения воспоминаний, — произнёс

Эббингс. — Он служит напоминанием, сувениром, другими словами. В нашем конкретном случае, поскольку медальон хранит фотографию Сары, мне абсолютно ясно, чем украшение привлекло нашего убийцу. Он захотел его забрать, а позже, глядя на фото, снова и снова фантазировать и переживать её убийство.

— Получается, мы вполне можем предположить, что Фромли и есть парень, совершивший убийство? — Гораций озвучил мой собственный вопрос. — Сложно представить ещё одного человека с подобными мыслями и поведением.

— Что ж, — ответил Том, — хоть у меня и остаются некоторые сомнения... Но тот факт, что место преступления настолько полно отображает фантазии, описываемые Фромли, кажется мне слишком подозрительным совпадением, чтобы мы могли его игнорировать.

— У меня последний вопрос, — вставил я. — Как вы считаете, почему убийца накрыл лицо Сары куском её платья?

У Алистера загорелись глаза, словно он только и ждал, когда кто-нибудь задаст этот вопрос.

— Если в двух словах, то ваш вопрос как раз затрагивает тему, почему я так надеялся на реабилитационный потенциал Майкла Фромли. Во всех своих фантазиях он всегда поступал подобным образом, и я видел в этом акт раскаяния о содеянном. В самом конце он чувствовал вспышку стыда, поэтому накрывал жертву и оставлял ей хоть какое-то подобие чувства достоинства. Другими словами, в конце долгого процесса обезчеловечивания жертвы он снова очеловечивал её.

— А нам известно что-либо о том, почему он выбрал именно эту девушку? — уточнил Том. — Если Фромли действительно убийца, что же заставило его выбрать в качестве цели непосредственно мисс Уингейт?

— Не могу сказать точно, — начал Фред Эббингс, — но её физический профиль схож внешне с женщиной из постоянных фантазий Фромли. Я пересмотрю свои записи.

Мои мысли завертелись, пытаюсь сразу осмыслить столько идей. Я не мог понять, как Алистер и его коллеги могли с уверенностью утверждать всё, что сейчас мы обсуждали. Но каждый из них имел авторитет в своей области, и сейчас они предложили очень связное и логическое объяснение.

— Из всего сказанного я могу заключить, что Майкл Фромли определённо является подозреваемым в этом деле, и должно быть проведено тщательное расследование. Я ценю ту помощь, что вы мне оказываете, — произнёс я. — Алистер, можете ли вы договориться о встрече с кем-либо из семьи или друзей Фромли, кто мог бы нам помочь определить его местонахождение? А я тем временем поговорю со знакомыми Сары Уингейт и постараюсь узнать как можно больше о ней самой. Будем вести расследование как традиционными, так и не традиционными методами.

— Я просил Горация сегодня утром поговорить с Ричардом Бонэмом — профессором математики в этом университете — и получить от него основную информацию о Саре. Он знал её не только в качестве студентки его предмета, но и как самую близкую подругу его дочери, — заметил Алистер. — И ещё мы установили, что Сара фактически жила вместе с семьёй Бонэм в их доме на пересечении 113-ой и Риверсайд-драйв.

— Ага, да, — сказал Гораций. — Я первым делом сегодня утром разговаривал с Ричардом Бонэмом. Вообще-то, я встретился с ним всего через полчаса после того, как к нему пришёл полицейский с новостями об убийстве, — Гораций сиял от удовольствия и явно был очень доволен собой.

— Профессор Бонэм кое-что рассказал. Он видел в девушке огромный научный потенциал. Но в общественной жизни она была скорее бунтаркой, одной из тех зачинщиц-феминисток, что отчаянно сражаются за право голоса и постоянно участвуют то в одной демонстрации, то в другой, — продолжил Гораций. — А в прошлом месяце она с группой единомышленников устроила на крыльце президентского дома пикет, требуя для женщин программ обучения в магистратуре.

Мой взгляд упал на Изабеллу. Когда она посмотрела на Горация, снова сидевшего справа от неё, в её глазах читалось неодобрение. Но это случилось так быстро, что я даже решил, что мне привиделось. И я снова не заметил, как Гораций пересел.

— Гораций, а разве ваша невеста не является членом одной из подобных феминистских групп? — спросила Изабелла. — Вам придётся изменить своё мнение после того, как вы женитесь следующим летом!

— Она не входит в такие феминистские группы, — огрызнулся Гораций, вспыхнув от смущения.

— Хватит об этом, — перебил его Том. — В конце концов, Сару Уингейт убили не из-за этого.

— Вообще-то, мы не можем этого утверждать наверняка, — возразил я. — Мы не знаем, каковой была её связь с Майклом Фромли, и она ли привела к убийству Сары. И пока мы не раскроем это дело, ничего из жизни мисс Уингейт не может быть несущественным.

— Зиль прав, — с непроницаемым выражением лица произнёс Алистер. — Гораций, прошу тебя, продолжай.

— Ага, да, — замялся Гораций. — Сара собиралась получить докторскую степень по математике и как раз этой осенью перешла на четвёртый курс. По словам профессора Бонэма, у неё были превосходная успеваемость, и девушка подавала большие надежды. И ещё он упомянул, что она на полставки работала в деканате. Обычная бумажная работа.

— Спасибо, Гораций, — сказал Алистер. — Возможно, кто-то из друзей Сары сможет рассказать об этом побольше.

— У меня есть список её друзей, — произнёс Гораций, вытаскивая из кармана мятую, заляпанную бумажку. — Хотите, чтобы я с ними поговорил?

— Этим займусь я, — вставил я, и Гораций без возражений отдал мне бумажку. Хотя я и принимал дополнительную помощь от этих людей, но успех или провал всего дела лежал полностью на мне. А я не любил полагаться на субъективное мнение других. Особенно это касалось опросов свидетелей, где я всегда оценивал полученную информацию и её возможную достоверность по манере разговора человека.

Скорей всего, Алистер это понял, потому что сразу же начал давать указания остальным — но только с второстепенными для расследования задачами. Том и Фред, как старшие преподаватели, отправятся в приёмную, возьмут там список посещаемых Сарой предметов и поговорят со студентами о её работе.

Также они посетят деканат и узнают, как долго мисс Уингейт там работала, и каковы были её обязанности. Гораций сходит в отдел студенческой газеты «Обозреватель» и просмотрит там содержание статей, в которых упоминается Сара Уингейт. А Алистер тем временем постарается дозвониться до семьи Фромли — Уоллингфордов и договориться о немедленной встрече.

А я же за это время опрошу семейство Бонэм и Калеба Мюллера — научного руководителя девушки. Алистер обещал встретиться со мной на пересечении 113-ой и

Бродвея в час дня, уверенный, что к тому моменту уже сможет договориться с Уоллингфордами о встрече.

После дачи указаний коллегам Алистер отвёл меня в сторону.

— Вы, вероятно, захотите взять с собой к Бонэмам Изабеллу. В её присутствии мисс Бонэм будет чувствовать себя комфортнее, и тогда ваш опрос пройдёт более гладко.

— Понял. Но сперва я бы хотел связаться со своим офисом. Можно воспользоваться вашим телефоном? — попросил я.

Алистер отвёл меня в свой личный кабинет за соседней дверью, где я закрыл дверь и набрал Джо. Пришлось немного подождать, прежде чем Чарли, наш секретарь, позвёт к того телефону. Я поведал напарнику о нашем разговоре, не упуская ни одной детали.

— Ты веришь всему, что говорит профессор? — спросил Джо. После моего рассказа я слышал скептицизм в его голосе.

— Ни на секунду, — ответил я. — Но лучше всё проверить, не так ли?

Джо громко хмыкнул.

Он рассказал мне, что Питер Войт совершил прорыв в деле. Он обзвонил самых успешных — а значит, самых дорогих — фотографов в городе и добился результата.

Найдя по телефону нужного фотографа, Питер поехал напрямик к нему, чтобы просмотреть фотографии. Крошечные снимки в медальоне Сары действительно были частью более крупных портретов, снятых в декабре 1899 года. Оплатил их некто А. МакДональд.

Фотограф, конечно же, плохо помнил ту пару, ведь прошло уже почти шесть лет. Но он смог подтвердить подозрение Питера, что фотографии в медальоне были частью огромной серии снимков, типичной для помолвленных пар.

— Подобные фотографии очень редко уменьшают до размеров медальона, — пояснил Джо.

Но Сара хотела держать эти снимки в секрете, а с большими фотографиями это было бы невозможно. Все остальные снимки, без сомнений, забрал мистер МакДональд.

И теперь, когда у нас появилось имя, Джо собирался выяснить, сколько МакДональдов может проживать в Нью-Йорке и его окрестностях.

— И что ты собираешься делать, когда его найдёшь? — спросил я.

— Выясню, как он связан с Сарой Уингейт и её убийством. Порасспрашиваю.

«Ну конечно. А он взял — и так просто раскололся!»

Я повесил трубку прежде, чем успел сказать что-нибудь, о чём потом буду серьёзно жалеть.

Четверг, 9 ноября 1905 года

Дом из коричневого камня на углу 113-ой и Риверсайд-драйв, где проживали Бонэмы, был новым, с изящной железной решёткой на жёлтой, красной и коричневой кирпичной кладке. Такие же здания вырастали по всему Верхнему Вест-Сайду с космической скоростью. Каждый дом был спланирован лучше, чем предыдущий, и этому строительству не было видно ни конца, ни края.

Город расширялся на север, а его растущая экономика позволяла всё большему количеству людей поселиться в так быстро строящихся домах.

Нас пригласили внутрь дома Бонэмов и провели по коридору позади лестницы в просторную, уютную библиотеку, где нам предстояло ожидать подругу Сары. Почти всё пространство комнаты занимали книжные полки от пола до потолка. Книги были засунуты кое-как под странными углами, и не было никаких сомнений, что затхлый запах в комнате идёт именно от книг.

Мэри Бонэм не заставила себя долго ждать.

Это была низенькая, пухленькая девушка с каштановыми волосами, круглым личиком и красными, опухшими глазами за толстыми линзами очков. Я заметил, что она заметно расслабилась, увидев Изабеллу, и мысленно поблагодарил Алистера за его предусмотрительность, когда он предложил взять её с собой.

— Наши соболезнования, — мягко произнёс я после подобающих представлений. — Мы ценим, что вы согласились с нами сегодня поговорить, и понимаем, как для вас это тяжело.

Девушка неосознанно кивнула, но, вспомнив о правилах приличия, предложила нам кофе и сэндвичи. Я отказался, хоть и был жутко голоден; мне всегда неприятно есть или пить в таких ситуациях, будто это обычный светский визит. Это не так, и я не собирался притворяться.

Я начал с нескольких простых вопросов о семье Мэри и её дружбе с Сарой. Но даже на такие лёгкие вопросы девушка отвечала нехотя, поэтому я подал знак Изабелле, чтобы попробовала она.

Возможно, у неё лучше получится найти общий язык с этой стеснительной девушкой. Конечно, я рисковал, потому что Изабелла могла неточно сформулировать вопрос, но вскоре оценил природный инстинкт моей помощницы. Сначала она спросила, когда Сара стала жить с Бонэмами.

— Чуть больше года назад, — ответила Мэри, плотнее запахивая плотную зелёную шаль. — Она приехала к нам сразу после того ограбления прошлой осенью.

— Можете рассказать о...?

Я перебил Изабеллу, задав свой вопрос:

— Какого ограбления?

Но я был слишком резок, и Мэри отшатнулась от такого грубого тона.

— Простите, — произнёс я, пытаюсь перефразировать свою просьбу. — Я не знаю об этом инциденте, а это может быть важно.

И стал ждать её ответа, переживая, что переборщил.

— Ну, — протянула девушка, — это произошло год назад, в сентябре, сразу после Дня труда^[22]. Именно поэтому Сара и переехала к нам, из-за того, что Уингейты были категорически против, чтобы она жила одна после того случая. Ну, то есть, Сара никогда и не жила одна, — быстро поправились Мэри, — ведь миссис Гарднер содержит пансион для молодых леди, посещающих колледж. Но это совсем не то, что жить с семьёй.

— Мы понимаем, — согласно кивнула Изабелла и постаралась вернуть Мэри к нужному рассказу. — Так что за ограбление?

— Ах да, — спохватилась девушка и затаила дыхание. — Однажды вечером Сара вернулась к себе в комнату и застала там роющегося в её личных вещах незнакомца. Она закричала, и мужчина убежал, прихватив с собой деньги и кое-какие украшения.

— Этого мужчину поймали? Узнали, кто он? — спросил я.

— Да, в конечном итоге, поймали, — ответила Мэри, — и Саре вернули её драгоценности. Но не деньги. Прошло слишком много времени, пока полиция его арестовала.

— Помните ещё что-нибудь об этом случае? Может, имя мужчины или его род занятий?

— Кажется, это был немец, — попыталась вспомнить Мэри и нахмурилась. — Вроде, это был бездомный, воспользовавшийся открытым окном. Сара говорила, что у него были длинные, растрёпанные волосы и грязная одежда.

— Это происшествие каким-либо образом изменило Сару? — уточнил я.

— Кроме того, что она поменяла место жительства? Не думаю, что Сара часто об этом вспоминала.

Сентябрь 1904 года. Я пометил эту дату в своей записной книжке. Надо будет задействовать свои связи в департаменте, поднять все записи о преступлениях в квартале Морнингсайд-Хайтс и попытаться определить этого вора.

Мэри опустила глаза и начала перебирать пальцами угол шали.

— Мы знаем, что вы видели Сару в последний раз в пятницу, когда она уезжала в Добсон к своей тёте. Не могли бы вы описать нам её настроение? — тон Изабеллы был дружелюбным, словно она общалась с подругой, которую знала долгие годы. Когда Мэри не ответила сразу, Изабелла попыталась её подтолкнуть. — Она радовалась, волновалась, что поедет на выходные к тёте?

Такой подход был правильным; так Мэри сможет расслабиться и разговаривать спокойнее.

Девушка пожала плечами:

— Я бы сказала, что она была не в духе. Она плохо спала. Большую часть ночей Сара ворочалась от ужасной бессонницы. Думаю, поэтому она и решила отправиться к своей тётушке.

Мэри глянула на нас из-под чёлки.

— Вообще-то, мы из-за этого поссорились. У нас были билеты на открытие нового мюзикла с Мод Адамс^[23], «Питера Пэна», и мы собирались пойти туда с моими родителями. Не верю, что Сара могла легко поменять такие планы, — голос звучал приглушено, когда она пыталась справиться с душившими её слезами. — Не понимаю, почему она решила уехать в Добсон и пропустить представление?

— А когда она изменила своё решение? — уточнил я.

— В четверг вечером, — кивнула Мэри.

— Она ведь должна была объяснить вам, почему так поступает, — попыталась навести

её на мысль Изабелла.

Но Мэри лишь покачала головой:

— Сара сказала, что у неё много работы, и она не может здесь сосредоточиться. Но очередную главу её диссертации нужно было сдать только в следующем месяце, а две недели назад она сказала, что глава почти закончена. В оправданиях не было смысла.

Я пытался переварить информацию, задаваясь вопросом, что она мне даёт. Что-то взволновало Сару, вызвало её бессонницу и заставило внезапно сорваться в Добсон. Всё это вместе составляло совсем не ту картину, которую рисовала мне Эбигейл Уингейт, описывая причину приезда двоюродной сестры.

— Вы не знаете, что могло её так встревожить? — спросила Изабелла. — У неё были какие-то трудности с учёбой?

— Конечно, нет, — ответила Мэри. — Учёба всегда давалась Саре легко.

— Однокурсники её любили?

Мэри поморщилась:

— Думаю, она всем нравилась в той или иной степени. Хотя, конечно, без зависти не обходилось.

— Можете привести пример?

— Ну, на ум приходит только один случай, — начала рассказывать Мэри. — На втором курсе Сара вдруг на недолгое время решила сменить род занятий на медицину. Она записалась на курс органической химии, и когда получила по итогам работы самый высокий балл в группе, её однокурсники — а большинство из них изучали медицинские науки уже не первый год — разозлились. Профессор всегда рисовал кривую распределения оценок в классе, и в сравнении с отличной оценкой Сары профессор был недоволен посредственными результатами остальных. Один из студентов написал официальную жалобу, утверждая, что Сара не могла сама так написать работу. Ей пришлось встретиться с комиссией из трёх профессоров и пройти через устный экзамен, чтобы доказать, что она знает материал.

Девушка вздохнула и снова начала накручивать кончик шали на палец.

— Но, если целью её однокурсника было принизить способности Сары, то она полностью провалилась: Сара ответила даже лучше, чем до этого на письменной работе. Она вообще не любила, когда сомневаются в её возможностях.

— И что потом? — спросил я. — Она сталкивалась ещё с такими подозрениями? Может, на факультете математики?

— Не знаю, — ответила девушка. — Я о таком никогда не слышала.

— А что насчёт её подруг из Барнарда^[24]?

Мэри на минуту задумалась, что ответить, и эта заминка говорила сама за себя. Наконец, она произнесла:

— Сара умела ладить с людьми, но она была сильной личностью и могла постоять за себя в споре. Эта черта со временем становилась у неё всё ярче, потому что с каждым успехом, которого она достигала, ей приходилось сражаться с теми, кто заявлял, что это не её заслуги.

— Какова была область её исследований? — поинтересовалась Изабелла.

— Я знаю, что её диссертация была посвящена гипотезе Римана — Сара была ей просто одержима. Но вряд ли я смогу рассказать вам об этом что-то ещё, потому что математика для меня — тёмный лес.

— А с кем мы можем поговорить о её работе кроме научного руководителя? — чуть

надавила Изабелла.

— Эммм, — вслух задумалась Мэри. — Попробуйте поговорить с Арти Шоу. Он на том же курсе, что и Сара, и они вместе проводили многие исследования, да и вообще довольно близко дружили.

— Близко дружили? — переспросила Изабелла, требуя пояснений, хотя тон её был по-прежнему располагающим.

— Как однокурсники, ничего более, — пояснила Мэри и смущённо добавила, — хотя, если честно, я думаю, что у Сары был кавалер, но это не Арти.

— Почему вы так думаете? — спросил я. А вот двоюродная сестра Сары Эбигейл была свято уверена, что у её двоюродной сестры нет ни времени, ни желания заводить романтические отношения.

— Потому что Сара втихомолку посещала Принстон^[25], - ответила девушка, — но всегда притворялась, что едет куда-нибудь в другое место.

Теперь Мэри Бонэм полностью завладела нашим вниманием, и мы стали ждать, какую ещё информацию она сможет сама нам предоставить. Иногда проще позволить людям говорить самим — в привычном им ритме и привычным способом — и тогда они сами расскажут самое полезное.

— Впервые я это заметила, когда увидела в её комнате на чемодане бирку «Принстон Джанкшен»^[26] после тех выходных, когда она, по её словам, навещала свою тётю. Я собиралась спросить её об этом, но, в конце концов, передумала. А в следующий раз, когда она предположительно вернулась из Добсона, я обыскала её комнату и нашла билет до Принстона.

— Может, она ездила в Принстон по поводу своих исследований? — спросил я. — Например, чтобы посетить их библиотеку?

— Тогда почему она солгала, что ездила куда-то ещё? — возразила Мэри. — Какова бы ни была её цель, у Сары была причина это скрывать. Не поймите меня неправильно: я не пытаюсь сказать, что Сара была замешана в какой-то интрижке. Она была слишком рассудительной и слишком преданной своим научным изысканиям, чтобы рисковать ими из-за чего-то подобного. Я уверена, что любые связывающие её отношения были абсолютно подобающими, но, тем не менее, она желала сохранить их в тайне.

Я достал из кармана медальон.

— Вы когда-нибудь видели, чтобы Сара это носила? — спросил я, протягивая ей украшение. Девушка оглядела его, пробормотала: «Нет» и медленно раскрыла. И зачарованно уставилась на две фотографии, находящиеся внутри.

— Вы знаете этого мужчину?

— Нет, — ответила она с широко распахнутыми глазами. — Я никогда его не видела. Ни его, ни этот снимок Сары.

— А фотографию бóльшего размера? — я хотел быть полностью уверен.

Мэри покачала головой.

— А что насчёт этого мужчины? — я вытащил маленькую фотографию Майкла Фромли, которую для подобных случаев дал мне с собой Алистер. Я неловко раскрутил бумагу, в которую аж в два слоя завернул снимок.

Девушка на секунду замерла, словно хотела что-то сказать, но затем качнула головой:

— Я никогда его не видела. Но он приблизительно одного возраста с Сарой, возможно, это и есть её кавалер из Принстона?

— Сомневаюсь, — ответил я и засунул фотографию Фромли обратно в карман.

Я бросил взгляд на часы и отметил, что мы просидели у Мэри Бонэм уже более получаса, поэтому я перешёл к заключительной части своего опроса.

— Нам сообщили, что Сара была участницей движения за равноправие женщин. Можете рассказать нам что-нибудь по поводу её активности в этой группе?

Я постарался, чтобы мой вопрос был максимально нейтральным — посмотрим, что нам сможет рассказать Мэри. Этот момент был очень щепетильным, а я понятия не имел, какое у Мэри отношение к подобным обществам.

Но, тем не менее, ответ Мэри был быстрым и по существу.

— Сара стала членом местной группы за равноправие женщин в последний год нашего обучения в Барнарде, но она не принимала активного участия, пока не записалась на курс органической химии, о котором я вам рассказывала.

Мэри вздохнула.

— Это и стало переломным моментом. Тогда Сара ..., - девушка на мгновение запнулась, пытаясь подобрать подходящее слово, — ... ожесточилась. Её разочаровывал тот факт, что её достижения и научные исследования недооценивают просто из-за того, что она женщина. Ей посочувствовала одна сокурсница и пригласила на митинг, и после этого Сара стала принимать активное участие в жизни общества.

— А вы когда-нибудь посещали с ней подобные митинги? — спросила Изабелла, и в её тоне сквозило любопытство.

— Нет, — Мэри застенчиво покачала головой. — Возможно, я и согласна с политическими целями Сары. Но участие в подобных митингах и маршах протеста — не то, что меня интересует.

Я прекрасно понимал, что собрания и толпы на улице могли не привлекать такую неуклюжую и стеснительную девушку, как Мэри.

Мы с Изабеллой закончили разговор, получив немного информации, которая может оказаться полезной. Прежде, чем уйти, мы осмотрели комнату Сары. Она была обустроена в спартанском стиле — возможно, даже более спартанском, чем гостевая спальня в доме её тёти.

Мы не нашли почти никаких вещей, рассказавших бы нам о личности Сары, за исключением коллекции книг по математике и листов бумаги на простой деревянной полке у кровати.

Я думал, что Алистер уже будет ждать нас на углу 113-ой и Бродвея — он обещал быть там к часу дня. Я снова глянул на часы: пятнадцать минут второго.

«Где он? Почему так задерживается? До сих пор договаривается о встрече с семьёй Фромли?»

Мне не нравилась идея оставлять это на Алистера, но я прекрасно осознавал, что это благодаря его хорошему отношению с родственниками Фромли — а не моему полицейскому значку — мы сможем договориться с ними быстрее.

— Что дальше? — спросила Изабелла.

— Будем ждать, — ответил я.

Я посмотрел вверх и вниз по улице Бродвей. Алистера видно не было.

Изабелла выдвинула предложение:

— Можем пока сходить на факультет математики. Это рядом. А Алистеру оставим записку в его офисе.

Я согласно кивнул, и мы быстрым шагом прошли три квартала к 116-ой улице.

— Что вы обо всём этом думаете? — спросил я Изабеллу. — Считаете, Алистер прав?

Девушка улыбнулась:

— Думаю, мой свёкор достоин восхищения. А ещё думаю, что у вас никогда прежде в самом начале расследования не было таких серьёзных подозрений и улик.

Я рассмеялся и ответил:

— Возможно, вы и правы.

Алистер указал мне на моего главного подозреваемого, используя лишь размышления и простую логику. Но я начинал сомневаться, что он с такой же лёгкостью сможет привести ко мне самого Фромли.

Как только мы пришли, профессор Ричард Бонэм, глава Факультета Математики, созвал экстренное собрание в своём офисе. Комната была уютной, хоть и не такой обустроенной, как кабинет в исследовательском центре Алистера.

Поскольку Колумбийский университет закупал лишь самую малую толику необходимой мебели, профессорам приходилось самим настаивать на приобретении нужным им вещей: мебели, растений, ковров.

Самой красивой частью кабинета было огромное окно, открывавшее прекрасный вид на темнеющий на фоне неба гранитный купол библиотеки юридического факультета.

Профессор изо всех сил старался, чтобы мы чувствовали себя уютно.

— Не надо называть меня профессором, — воскликнул он, отмахиваясь от формального приветствия. — Пусть меня так называют студенты. Для вас я просто Ричард.

Он был уже в возрасте, около шестидесяти, на мой взгляд. Тёмно-серый костюм, по меньшей мере, на два размера его больше, колыхался на худом, как рельса, теле. Похоже, с тех пор, как профессор купил костюм, он значительно похудел, а значит, как я подозреваю, был серьёзно болен или болен до сих пор.

— Это Калеб Мюллер, научный руководитель Сары.

Я пожал руку мужчине, намного младше профессора — навскидку, моему ровеснику. Его обветренное лицо и крепкое телосложение навевали мысли о частых прогулках на природе и туризме, и, если бы не твидовый пиджак и очки в чёрной оправе, он смотрелся бы абсолютно неуместно в данной компании.

— А это один из наших выпускников, Артур Шоу.

Вперёд вышел молодой человек с взлохмаченными волосами и красными щеками и пожал мне руку.

— Все зовут меня Арти, — скромно заметил он.

Ричард пригласил нас присесть на стулья с высокими прямыми спинками и цветастой обивкой, а сам сел за свой стол. Остальные расселись напротив нас на специально принесённых с собой деревянных стульях. И вскоре мы уже с головой погрузились в обсуждение учебных аспектов жизни Сары.

— Да, — сказал Калеб, — официально Сара стала моей подопечной, когда начала работу над диссертацией, но неофициально я часто давал ей советы ещё до её поступления, когда она училась на старших курсах Барнард-колледжа. Её исследовательская часть сосредоточена на гипотезе Римана — математической проблеме, впервые опубликованной Риманом в 1859 году. С тех пор никому не удалось её разрешить, несмотря на старания. Даже, — добавил он с саркастичной улыбкой, — даже мне.

— А можете объяснить эту теорию для дилетанта? — улыбнулся я в ответ. — И то, как Сара пыталась её решить.

— Конечно. В общих чертах, гипотеза отражает наше представление о простых числах. Если быть точным..., — он поднялся со стула и написал на доске уравнение, не переставая говорить. Для меня в этом уравнении не было никакого смысла, но Калеб продолжил объяснение, и я попытался ухватить суть его речи. — Недоказанная гипотеза Римана гласит, что все нетривиальные нули дзета-функции расположены на критической линии.

Он выжидательно посмотрел на нас, и в его глазах мелькнула надежда. Но, увидев в

ответ лишь смятение, постарался подобрать слова:

— Полагаю, детали для вас не так уж и важны. Главное, что вам следует понимать, так это то, что подтверждение — или опровержение — гипотезы Римана на сегодняшний день — это одна из самых интересных математических задач.

— Давид Гильберт^[27], один из самых известных в мире математиков, включил гипотезу Римана в список двадцати трёх проблем, которые, как он верит, смогут решить учёные двадцатого века.

— И Сара пыталась её решить. Её исследования базировались на работе другого известного математика, фон Коха^[28], который четыре года назад добился важного прорыва. Если бы Саре это удалось... Что ж, тогда, вероятно, это была бы не просто диссертация, заслуживающая высшего балла... Это бы полностью изменило перспективы девушки на будущее.

— Каким образом изменило? — заинтересовался я. Эта фраза показалась мне преуменьшением в свете рассказов о талантах Сары.

— Смею предположить, вы знаете, что существуют значительные предубеждения относительно женщин в данной профессии. Большинство женщин-докторов наук идут преподавать в университетах. Лучшие из них — а Сара, без сомнений, была лучшей — могут получить должность в одном из женских колледжей — Брин Мор^[29] или колледже Смит^[30]. А если бы Саре удалось вот это, — Калев постучал пальцем по доске с уравнением, — она бы вошла в историю математической науки. Даже самые престижные университеты сражались бы за право иметь такого преподавателя.

— А остальные на факультете знали о сути работы мисс Уингейт? — уточнил я.

Мистер Мюллер пожал плечами:

— Подозреваю, что многие знали об её исследованиях, но лишь в общих чертах. Она не любила распространяться на личные темы. Уверен, она была не склонна делиться с окружающими своими достижениями или провалами. Хотя, думаю, Арти сможет больше рассказать об этом.

Мы все посмотрели на Арти Шоу, который до этого момента тихо сидел с краю. И когда парень понял, что стал объектом всеобщего внимания, то залился румянцем.

— Не могу сказать, сколько человек знали о специфике её исследований. По всеобщему мнению она была великолепной студенткой и определённо должна была написать исключительную диссертацию.

Арти неуютно поёжился.

— И это нравилось далеко не всем. Они не верили, что Сара на это способна. И им не нравилось, что их обойдут. А особенно им претила мысль — пусть и бредовая — о том, что Сара может занять место, которое должно принадлежать им. Конечно, по их мнению, — добавил парень.

— И почему же так было? — спросила Изабелла. Последние несколько минут она сидела, ошестинившись, из-за игнорирования мужчинами её присутствия.

— Ну, потому что у них были семьи, способные оказать им поддержку, а у Сары, по-видимому, её не было, — предположил Арти.

Ричард решил взять разговор в свои руки и примирительно продолжил:

— Это одна из наших самых больших идеологических преград: позволить женщинам получать высшее образование. С самого поступления Сара знала, что столкнётся с её проявлениями. Поскольку все женщины, имеющие степень кандидата наук, считали научные

исследования и семью взаимоисключающими вещами, обычно они выбирали что-то одно. И чаще всего — последнее.

Ричард тяжело и надсадно закашлялся, снова возбудив мои подозрения о своей недавней серьёзной болезни. Откашлявшись, мужчина продолжил:

— Хотя не думаю, что Сара сделала бы такой же выбор. Она была необыкновенно амбициозна.

— Кто-нибудь из её сокурсников завидовал её талантам больше остальных? Или кого-то раздражало её включение в программу по высшему образованию у женщин? — спросил я.

Ричард и Калевб обменялись быстрыми взглядами.

Наконец, Калевб заговорил:

— Я колеблюсь, потому что уверен, что мой ответ навлечёт подозрение на группу студентов, абсолютно не заслуживающих пристального внимания. Я, конечно же, могу предоставить вам их имена, но вы должны понимать, что, как бы эти молодые люди не жаловались на Сару, ни один из них — я верю в это — не способен на её убийство.

Он аккуратно записал их имена и передал мне бумагу. Я быстро просмотрел список: Джон Нельсон, Луи Деври, Сэм Бейкер и Алонсо Мур-младший, также известный как Лонни. Мне было полностью понятно нежелание Калеба афишировать эти имена, но я его проигнорировал. Если мы не найдём более чётких улик, указывающих на Майкла Фромли, то этот список даст нам первых настоящих подозреваемых.

Опыт снова и снова учил меня никогда не верить возражениям друзей и семьи, утверждающим, что обвиняемый «не мог такого сделать».

— Я знаю своего сына, — однажды сказал мне отец одного из подозреваемых в убийстве. Он был непреклонен и искренне уверен, что его сын невиновен. Но этот отец не понимал — даже после того, как его сына признали виновным и приговорили к смертной казни — что мы видим окружающих нас людей лишь с одного ракурса. Его сын дома был одним человеком, с друзьями — другим, и третьим — когда решил затеять драку в баре.

— Я знаю своего сына таким, какой он есть дома, — вот, что имел в виду тот отец, хоть и не осознавал этого. Он не мог знать большего.

— Ричард, — обратился я. — Ваша дочь упомянула об инциденте прошлой осенью, когда в комнату Сары проник неизвестный. Я так понимаю, что именно из-за этого девушка переехала жить к вам. Можете рассказать что-нибудь ещё? Меня интересует не только ограбление, но и ваши впечатления от пребывания под одной крышей с Сарой Уингейт.

— Конечно, конечно, — откашлялся Ричард Бонэм. — Моя дочь Мэри сдружилась с Сарой, когда они обе ходили в Барнард-колледж, а после выпуска продолжили общаться. Ещё до того, как Сара к нам переехала, она часто приходила на ужин. Тихая, вежливая, она оказала положительное влияние на Мэри, которая, по сути, соседка. Ей повезло с подругой: Сара иногда вытаскивала мою дочь на вечера чтения стихов или чаепития. Детали самого ограбления я помню смутно, но вскоре после этого происшествия со мной связалась миссис Уингейт, тётя Сары. Вероятно, она очень перепугалась после случившегося и сильно надавила на Сару, запретив ей возвращаться к занятиям, пока девушка не найдёт себе другое жильё. Поэтому мы согласились приютить её на следующих условиях: в течение учебного года Сара будет жить с нашей семьёй в комнате на третьем этаже, рядом с Мэри. За это она станет платить незначительную сумму, требующуюся лишь для того, чтобы покрыть связанные с её пребыванием дополнительные расходы.

Ричард печально вздохнул, и его лоб прорезали морщины.

— Она... была... прекрасной юной леди. Не только моя дочь — все мы будем ощущать её потерю. — Мужчина запнулся. — А какой у неё был математический склад ума! Когда она жила в нашем доме, большую часть времени она проводила в своей комнате над какой-нибудь очередной задачей. Вот что её интересовало. И радовало.

— Вы часто обсуждали с ней исследования? — спросил я.

Ричард покачал головой.

— Боюсь, её исследования были вне моей компетенции, — и с усмешкой добавил: — Даже будучи на одном факультете, все мы разделены нашими собственными специализациями, так ведь, Кaleb?

Кaleb согласно кивнул, а я решил продолжить прежнюю нить рассуждений о Саре.

— Не знаете ли вы, состояла ли Сара с кем-нибудь на факультете в романтических отношениях? — спросил я всех троих.

— Нет, — ответил Арти и неловко добавил: — Если кто-то и начинал с ней флиртовать, она сразу ставила нас на место. Сара не интересовалась ничем подобным — ни в отношении моих однокурсников, ни, уж точно, в отношении меня.

— Никогда? — уточнил я, но все трое снова категорически ответили «нет».

Я рассказал им о том, что Сара периодически посещала Принстон.

— Ах, да, — произнёс Кaleb, посмеиваясь, — это ещё одно подтверждение таланта Сары: первый научный доклад она презентовала четыре года назад в Принстонском университете в присутствии лучших математических умов нашей страны. Подготовленный ей доклад о функциях критической линии был восхитительным. Поистине восхитительным. В целом, она работала над ним со второго курса Барнарда. Этот доклад даже привлёк внимание моего коллеги, известного своей придирчивостью — Агнуса МакДональда. И когда я узнал, что Сара интересуется гипотезой Римана, я представил её Агнусу.

Даже если б я захотел, то не смог бы подвести разговор к этой теме лучше: фотографии в медальон Сары были оплачены именно неким А.МакДональдом.

— А Агнус МакДональд — тоже математик? — спросил я, стараясь не выдать свою заинтересованность.

— Выдающийся профессор из Принстона, одержимый, как и Сара, гипотезой Римана. Вообще-то, попытка решить эту проблему — это работа всей его жизни.

— А существовал ли между профессором МакДональдом и Сарой особенный контакт? — спросил я.

— Я бы не назвал его «особенным», — ответил Кaleb. — Хотя во время нашего общения я выяснил, что она иногда обменивается с профессором идеями о доказательстве гипотезы.

Я вытащил серебряный медальон и молча протянул его профессору Мюллеру.

Его первоначальное потрясение от узнавания человека на фотографии быстро сменилось тревогой. Он поражённо отдал мне снимок.

— Да, это Агнус.

— Этот медальон определённо указывает на то, что у них с Сарой были не только рабочие отношения, вы так не считаете? И вы об этом не знали?

— Не знал, — печально покачал головой Кaleb. — Иначе высказал бы категорическое несогласие, — твёрдо заявил он. — Такая связь обоих не привела бы ни к чему хорошему, а возможно, и серьёзно навредила бы. Сара и так постоянно сражалась с ошибочными представлениями людей о том, что женщина не может совершить такую математическую

работу, какую проделала Сара. Некоторые считали, что за неё это делает брат или отец. А роман с самым одарённым математиком страны вряд ли помог бы опровергнуть их предположения.

— А что насчёт вас, Арти? — повернулся я к искреннему молодому человеку, не поднимающего глаз от пола. — Она когда-нибудь рассказывала вам об отношениях с профессором МакДональдом?

— О подобных отношениях — нет, — снова покраснел Арти. — Я знал, что она с ним переписывается и даже пару раз встречалась. Каждый раз, когда у неё появлялась новая мысль, Сара решала обсудить это с профессором. Но я считал, что это из-за того, что он так хорошо понимает тему её исследований, — парень сильнее вжался в спинку стула.

— То есть, вы знали, что она ездила с ним встречаться? — уточнила Изабелла.

Арти удивлённо вскинул брови:

— Ну, конечно. Она не делала из этого тайну. Профессор жил со своей матерью, так что подобные встречи были вполне подобающими. Наверно, в этом и кроется основная причина того, что я и не подозревал между ним с Сарой никаких других отношений, кроме профессиональных.

«И всё же Сара утаивала эти поездки и от Уингейтов, и от своей подруги Мэри. Почему же она открыто рассказывала о встречах с Агнусом МакДональдом Арти, но скрывала их от Бонэмов и Уингейтов?»

— Вы говорили, что гипотеза Римана — это работа всей жизни профессора МакДональда. А мог бы он разозлиться — например, из-за зависти — если бы Сара её решила? — поинтересовался я.

После очередного приступа кашля Ричард Бонэм очень взвешенно подошёл к вопросу:

— Я знаю этого человека более двадцати лет и не могу поверить, что он дурно отреагирует, если гипотезу докажет кто-то другой. Расскажу вам вот что: за долгие годы появлялись люди, считавшие, что нашли решение гипотезы Римана, но при ближайшем рассмотрении другими математиками все их решения рассыпались прахом. Агнус никогда резко не реагировал на те попытки, а даже был разочарован. И не забывайте: он сам активно помогал Саре с работой по доказательству этой гипотезы.

— Ну, о том, что у профессора МакДональда роман с Сарой Уингейт вы тоже не подозревали, — заметил я. Ричард смущённо отвёл взгляд.

— А что по поводу этого человека? — спросила Изабелла. — Не припоминаете, видели вы его прежде? — и она пустила по кругу сложенную фотографию Майкла Фромли.

Арти и Калев оба быстро посмотрели на фотографию и сказали, что никогда его не встречали. Но Ричард рассматривал снимок чуть дольше, прежде чем ответить.

— Что-то в этом парнишке кажется мне знакомым, но не могу сказать точно. Почему вы им интересуетесь?

— Он наш главный подозреваемый, — ответил я. — У нас есть косвенные улики, связывающие его с убийством Сары.

«Но никаких серьёзных улик», — подумал я про себя. А они мне были очень нужны.

«Где же Алистер?»

— Ваш подозреваемый посещает Колумбийский университет? — озадаченно уточнил Ричард.

Мы ответили отрицательно и решили не посвящать их в более подробные детали. Мы поблагодарили мужчин и вышли из кабинета, и всю дорогу до дверей вниз по лестнице нас

сопровождал громкий, надсадный кашель Ричарда Бонэма.

Мы пересекли четырёхугольный дворик перед исследовательским центром, но Алистера нигде не было видно. Изабелла уверяла меня, что для него это — обычная вещь, и волноваться не стоит, но я нетерпеливо топтался на месте. Нам ещё столько предстояло сделать!

Из сегодняшних разговоров мы вынесли много интересной информации, и теперь в моей голове начал потихоньку формироваться образ личности Сары. Но чем более настоящей она становилась для меня, тем острее я ощущал необходимость поймать её убийцу, как можно скорее. Майкл Фромли до сих пор оставался на свободе, а это было неприемлемо.

Раз мы всё равно ждали Алистера, я позвонил за это время Джо и рассказал ему об Агнусе МакДональде. Затем я позвонил в Принстонский университет и оставил сообщение для самого математика, где просил его позвонить в исследовательский центр или прийти туда лично.

«Да почему же Алистер так задерживается?»

Прошло ещё десять минут.

Я предложил Изабелле прогуляться до Бродвея и посмотреть, не появился ли там Алистер. Возможно, мы найдём его на пересечении со 113-ой, как и планировали изначально.

Уличный торговец на углу 116-ой и Бродвея продавал кульки с жареным арахисом, и, когда я услышал его запах, то осознал, насколько голоден. Я купил у него два кулька, и мы с Изабеллой ели орехи, пока шли по улице.

— Знаете, мне кажется, я её уже однажды встречала. Где-то около года назад, — неожиданно произнесла Изабелла.

— Кого её? — уточнил я, хотя понимал, что она говорит о Мэри Бонэм — юной леди, с которой мы недавно разговаривали.

Но Изабелле удалось меня ещё раз удивить.

— Сару Уингейт.

— Вы раньше встречали Сару? — я замер посреди улицы и повернулся к ней. В моём тоне ясно слышалось недоверие. — И почему вы до сих пор молчали?

— Я только сейчас вспомнила. К тому же, я не уверена, что это действительно была она. Но мне кажется, что я видела её прошлой осенью на встрече женского комитета в поддержку компании по переизбранию на пост мэра Сета Лоу^[31]. Многие, особенно здесь, в Колумбийском университете, надеялись, что смогут помочь нашему бывшему президенту университета в борьбе с МакКелланом.

— Какой была Сара? — спросил я.

— Напористой, — Изабелла посмотрела на меня через густые чёрные ресницы. — То есть, она не участвовала в мелких разговорах на интеллектуальные политические темы. Она пришла лишь на одно собрание. У меня сложилось впечатление, — печально улыбнулась Изабелла, — что наше общество было не совсем в её стиле. И из того, что рассказала сегодня Мэри, я теперь понимаю — цели женского комитета были для неё слишком мирными.

Мы двинулись дальше по улице, и я смущённо произнёс:

— Простите, но я понятия не имею, что представляет собой встреча женского комитета, и уже тем более — почему они были не во вкусе Сары.

Изабелла рассмеялась над моим замешательством, и в её карие глаза засветились

весельем.

— О Боже, как была бы разочарована наша организатор миссис Роден, если бы слышала это! Видите ли, женские комитеты, в первую очередь, политические группы, созданные собирающимися вместе женщинами, которые планируют, как смогут повлиять на голоса мужчин. Наверно, вы слышали их лозунг: «Мужчина голосует, а женщина решает, за кого»? Это должно служить напоминанием для женщин, что их мнение может изменить голоса многих мужчин.

— Никогда об этом не слышал, — откровенно признался я. — Я так понимаю, это часть движения за равноправие женщин, в которое входила Сара?

— Только слегка, — снова рассмеялась Изабелла. — Во-первых, вы должны понимать, что я лишь новичок в этом движении. Оно было создано много лет назад группой женщин, которой были отвратительны политические скандалы и взятки, окружавшие общество Таммани.

— Справедливо, — прокомментировал я, и замолчал, ожидая продолжения. Мы дошли уже до следующего перекрёстка, обойдя стороной мужчину с тележкой. Как снова показали вчерашние выборы, Таммани-Холл чрезвычайно эффективен, когда надо продвинуть своего кандидата в органы правления — и потом его контролировать. Их мотивировали собственные интересы, а не нужды обывателей.

Изабелла тем временем продолжала:

— Я присоединилась к группе в 1901 году, чтобы поддержать кампанию Сета Лоу по выдвижению на пост мэра и реформы в образовании, системе налогообложения и санитарии. Конечно, основной задачей было сломать влияние Таммани на местных политиков, потому что именно они и удерживали общество от подобных реформ. И поэтому женское сообщество повторно поддержало Лоу в 1903 году, а этой осенью — Херста.

Но Лоу проиграл выборы на второй срок, а Херсту не хватило своей популярности и денег, чтобы сломать бульдожьё хватку машины Таммани. Попытки реформы вернулись на круги своя, а Таммани снова подтвердили свой полный политический контроль.

Я сочувствовал проблемам, описываемым Изабеллой. Ведь я, некоторым образом, был обязан своей профессией реформам, которые удалось совершить десяток лет назад президенту Рузвельту. Когда он ещё находился на посту комиссара полиции [\[32\]](#), он принял закон в соответствии с которым, новые офицеры полиции должны были быть принятыми на работу только по результатам тестов, а не по политической протекции.

Я с лёгкостью прошёл тест, но вот если бы на работу брали после покровительства кого-то сверху, то у меня не хватило бы на это ни денег, ни связей.

— В общем и целом, реформа — цель положительная, — мягко произнёс я, — но как мне кажется, Сара была заинтересована исключительно в получении права голоса.

— Точно. А если читать между строк рассказ Мэри, то я начинаю подозревать, что Сара считала методы нашей группы неэффективными. И я не уверена, что она ошибается, — заметила Изабелла. — Женский комитет хочет достичь перемен — но лишь в рамках существующей системы и текущего положения вещей. Некоторые, вроде Сары, считали наш путь существования несостоятельным. Она не хотела работать в пределах статуса кво [\[33\]](#); она жаждала создать новый социальный и политический порядок.

Изабелла выбросила в мусорный бак пустой кулёк из-под арахиса, и мы перешли на другую сторону Бродвея и огляделись в поисках Алистера.

— Группа, к которой присоединилась Сара, по-видимому, настроена боле радикально

как в своих целях, так и в методах. Они считают, что женщины заслуживают собственное право голоса, и не боятся устраивать демонстрации или занимать здание кампуса, чтобы рассказать о своих целях.

— А каково ваше мнение? — я понимал, что этот вопрос не имеет никакого отношения к расследованию. Просто Изабелла начинала меня всё больше и больше интересовать.

— Как вы уже, наверно, догадались, я не настроена радикально, — ответила девушка. — Но мне симпатизируют требования женского движения изменить существующий порядок прямо сейчас. Не через пять или десять лет, когда движение за равноправие женщин, может быть, и добьётся для нас права голоса. Я присоединилась к женскому комитету и поддержала Сета Лоу потому, что хочу, чтобы улицы стали чистыми уже сейчас.

— Так вы считаете, что его администрация добилась значительных улучшений? — не смог не поддеть я Изабеллу. Мы как раз проходили мимо одного из наследия короткого пребывания Сета Лоу на посту мэра: дворника, одного из чистильщиков улицы, одетого в абсолютно белую униформу от шляпы до брюк.

Этот мужчина передвигался с черепашьей скоростью, собирал мусор руками и бросал его в огромную деревянную тележку на колёсах, которую таскал за собой. Только вот для того, чтобы убрать тяжёлый мусор или конский навоз с тротуара на Бродвее, у него не было оснащения.

— Ну, по крайней мере, Лоу пытался что-то сделать, пока занимал пост мэра, — со смехом ответила Изабелла, — но у нас ещё есть, что улучшать, согласны?

Затем Изабелла посерьёзнела и сказала:

— В конце концов, никаких серьёзных перемен они не достигли. Поэтому я больше не посещаю их собрания. Ну и ещё потому, что исследования Алистера занимают слишком много времени.

— Но, я так понимаю, работа с Алистером — это полностью ваш выбор, — предположил я. Меня с самого начала интриговал вопрос, почему она стала работать вместе с Алистером. Это то, чего я до сих пор не мог понять.

— Я должна была себя чем-то занять после смерти Тедди, — ответила Изабелла, и по её тону и ставшему замкнутым лицу я осознал, насколько эта причина сложная и глубоко личная.

Это была прекрасная возможность разузнать у Изабеллы поподробнее о работе Алистера и её мнении об этом человеке. Но с моими вопросами пришлось подождать, потому что, как только мы подошли к главному входу в Колумбийский университет на 116-ой улице, сзади со стороны Бродвея нас окликнул голос Алистера.

— Зиль! Сюда!

Я повернулся и увидел Алистера, выбирающегося из новенького «Форда» модели В^[34], остановившегося у тротуара. Синклер потянул за рычаг, снова заводя машину, и крикнул:

— Идите сюда, садитесь! Я договорился о встрече в центре города.

Я глянул на Изабеллу, но она улыбнулась и показала мне, чтобы я шёл к машине один.

— Если вы не возражаете, я бы отправилась поговорить с однокурсниками Сары, — девушка показала на торчащий из моего левого кармана сложенный лист бумаги.

— Я пойду не одна, — пообещала Изабелла, — Гораций мне поможет.

В конечном итоге, я согласился и протянул ей лист бумаги:

— И ещё можете поговорить с деканом Арнольдом и выяснить больше о работе Сары в деканате.

А затем я залез на пассажирское сидение «Форда» Алистера и начал рассказывать, что мы выяснили.

— Несомненно, ограбление представляет собой довольно странной совпадение, — произнёс Алистер после моего рассказа. — Но даже если отложить в сторону всё, что мы знаем о Майкле Фромле, я не думаю, что бродяга-взломщик может быть типом, убившим Сару. Я бы не стал тратить на это много времени, пока Фромли ещё на свободе.

Конечно, он был прав, но я всё равно проверю информацию по тому инциденту. Конечно, учитывая то, что знал Алистер, главным нашим подозреваемым был Майкл Фромли. Но я не мог с чистой совестью проигнорировать улики, какими бы бесперспективными они не казались на данный момент.

Мы продолжали разговор по дороге в центр города, обгоняя пешеходов и запряжённые лошадьми повозки на скорости двадцати семи километров в час. Но я этого сначала даже не замечал, потому что все мои мысли были заняты расследованием. Хотя в тот день я впервые ехал на автомобиле.

Уоллингфорды не были такими промышленными магнатами, как сеть гостиниц «Schermerhorns» или пивоваренная компания «Rhinelander», и их финансовые успехи выглядели гораздо менее впечатляющими.

Но, тем не менее они, нажили значительное имущество, и это ясно показывал семейный особняк на Востоке 67-ой улицы поблизости от Пятой Авеню в чрезвычайно богатом районе Верхнего Ист-Сайда.

Клайд Уоллингфорд был тем, кого я с чистой совестью мог назвать эксцентричным человеком. И я это понял за пять минут разговора в библиотеке на втором этаже. Хотя уже давно было послеобеденное время, на мужчине всё ещё был халат, а во время нашего разговора он раскурил сигару.

Уоллингфорду не было ещё и сорока лет, но выглядел он гораздо старше: редущие волосы уже поседели, а розовая кожа на лбу была морщинистой и сухой. Но самым отвратительным было его чрезвычайно резкое и грубое поведение.

— Так что расскажете о пропаже Майкла? — наседал он на Алистера. — Вы сказали, что берёте на себя всю ответственность за него и примете необходимые меры, чтобы удостовериться, что он больше не причинит мне вреда.

— Ах да, — нападки Уоллингфорда застали Алистера врасплох, но он смог вернуть самообладание и поведал Клайду историю исчезновения Майкла, включая наши подозрения о его причастности к убийству Сары Уингейт. И после этого Уоллингфорд взорвался.

Он стучал кулаками по массивному деревянному столу с обтянутой коже столешницей и обвинял Алистера в пренебрежении своими обязанностями в отношении Фромли и, что ещё хуже, в отношении лично Уоллингфорда.

Я подозревал, что Алистер обычно не позволял к себе относиться подобным образом, но поскольку нам была необходима помощь Уоллингфорда, я решил, что Алистер не станет ярить его ещё больше. И когда Уоллингфорд завершил свою тираду, Алистер вежливо и спокойно продолжил разговор, словно ничего не случилось.

— Когда вы последний раз связывались с Майклом?

Клайд нахмурился и затушил сигару в тяжёлой хрустальной пепельнице:

— Должно быть, около месяца назад. Он заглянул ко мне с привычной просьбой одолжить денег. И, конечно же, испарился, как только их получил.

— А вам только это и было надо, — прокомментировал Алистер. Клайд в ответ хмыкнул.

— Какую сумму вы ему дали? — уточнил я.

Уоллингфорд раздражённо дёрнул головой:

— А это важно? Это моё личное дело.

— Я провожу полицейское расследование в связи с убийством, — спокойно ответил я. Ему меня не запугать. — А это значит, что если я начинаю кого-то подозревать, то никаких «личных дел» быть не может.

Мужчина побагровел и яростно на меня уставился. Я решил, что он откажется отвечать или сейчас грубо меня отошлёт, но Уоллингфорд задумался и, в конце концов, ответил, хотя тон его оставался резок:

— Я дал ему пятьсот баксов. Естественно, это смешная сумма, но я надеялся, что её

хватит, чтобы он держался от меня подальше хоть пару месяцев.

— Значит, вы не заметили ничего настораживающего? Никаких симптомов внезапной перемены настроения Майкла?

— Настроения? — фыркнул Клайд. — А разве он хоть раз был не угрюмым? Знаете, меня никогда не заботило его настроение. Все проблемы всегда были от его поведения, а не от настроения. Мальчику просто нужна была жёсткая дисциплина.

— Всё не так просто..., - устало начал Алистер, но Клайд его перебил.

— Ага, ага, не надо начинать опять про свои идеи — как там? — «нарушенного мышления». Брехня всё это. Всё, что от вас требуется, это найти Майкла поскорей и без лишней шумихи. Я не хочу, чтобы имя нашей семьи полоскали в газетах.

— Можете рассказать, где Майкл жил? — спросил Алистер. — Я связался с владелицей последнего известного нам адреса дома, но, по-видимому, он съехал оттуда полгода назад.

Клайд расхохотался:

— Похоже, вы не так уж и следите за парнем, как обещали. Последнее, что я слышал, что он снимал комнату где-то на Западе Сороковых улиц. Может, Лиззи знает. Она всегда была слишком мягкой с ним. Даже не понимаю почему.

Он откашлялся, встал и направился к двери:

— Ну, думаю, мы тут закончили. Я верю, что вы разберётесь с этим делом быстро и тихо. После того, как вы позвонили, я пригласил сюда Лиззи, потому что решил, что вы захотите с ней пообщаться, учитывая их близкие отношения с Майклом. Она сможет рассказать вам больше, чем я. Я её позову.

И не сказав ни слова, он вышел из комнаты, и мы больше его не видели, хотя почти сразу услышали, как он кричит на кого-то из прислуги за невыполненный приказ. Клайд Уоллингфорд явно был человеком, отвратительно относящимся ко всем, с кем он встречается. Как позже объяснил мне Алистер, Уоллингфорд был сторонником одной из частей равноправия: он одинаково грубо относился ко всем людям.

Тётя Клайда, Лиззи Данн, была точь-в-точь такой, как её описывал Алистер сегодня утром: тихая «серая мышка» как во внешности, так и в поведении. Неудивительно, что Клайду удалось заставить её заботиться о беспокойном подростке — на вид женщина была такой дружелюбной, что вряд ли могла отказать кому-либо в просьбе.

— Мисс Данн? — Алистер вежливо поднялся со стула и представил нас, когда она подошла ближе. Мы пересели со стульев у стола Клайда в кресла у камина. Когда я пожал руку мисс Данн, то заметил, насколько она холодная, хотя в доме в целом было тепло. Женщина присела на самый краешек кресла у огня.

— Пожалуйста, расскажите, что случилось с Майклом, — нервно произнесла она. — Я знаю, что произошло что-то ужасное, иначе Клайд не пригласил бы меня в этот дом. Но он ничего мне не говорит.

Я видел, как она бледнеет по мере того, как Алистер объясняет ей то, что мы знали об исчезновении Фромли и его предполагаемом участии в преступлении. Казалось, эти новости стали ударом для женщины, и я приготовился помочь ей, если она упадёт в обморок.

Но мисс Данн взяла себя в руки. Пока я наблюдал за их разговором, то осознал, что замечание Алистера было на удивлении точным: хоть Лиззи Данн и руководствовалась хорошими намерениями, но если Майкл был хоть наполовину таким же деспотичным, как и Клайд, то она никогда не могла ему противиться.

— Нет, — говорила тем временем женщина, — последний раз я видела Майкла в

октябре на его день рождения. Я приготовила для него небольшой праздничный ужин, и он порадовал меня — пришёл поесть, — Лиззи слабо улыбнулась. — Знаете, он теперь стал заходить гораздо реже, не так, как в детстве. Наверно, это естественно. Он же вырос.

Было странно слышать, как эта женщина говорит о Майкле Фромли как о любимом племяннике. Но я видел такой феномен и раньше — все матери или бабушки отзывались с любовью о тех, кого я видел лишь закоренелыми преступниками.

Полагаю, это из-за того, что они цеплялись за счастливые воспоминания о сыне или внуке, когда он был ещё милым ребёнком, хотя сейчас он превратился в абсолютно другого человека. А позже Алистер рассказал мне, что Майкл всегда мог сыграть ангелочка, если это было ему нужно.

По-видимому, он всегда был мил со своей тётушкой Лиззи, и поэтому она никогда не отказывала ему в подарках или деньгах. И вскоре я узнал, что такую же тактику Фромли выбирал в общении с женщинами, которых позже запугивал.

Алистер продолжал разговор с Лиззи Данн:

— Мы оба знаем, что у Майкла были определённые проблемы. Когда вы видели его в последний раз, его беспокоила какая-нибудь определённая беда?

— Ну да, — подтвердила женщина, — он задолжал денег. Я дала ему столько, сколько смогла, но эта сумма не покрыла и половины его долга, так что, вероятно, он пошёл за остальным к Клайду.

— Ясно, — Алистер продолжал придерживаться спокойного, не осуждающего тона. — Вы говорили с ним о чём-то ещё?

— Он упомянул свою новую работу в доках. Похоже, она ему нравилась, хотя он и хотел, чтобы ему платили больше. А ещё мы говорили о его будущей поездке — он надеялся отправиться в Новый Орлеан в феврале на Марди Гра^[35].

Я глянул на Алистера и приподнял бровь.

В ответ он почти незаметно покачал головой. Позже он рассказал мне, что Фромли только просил устроить его на работу на Фултон-стрит, но, на самом деле, его туда не приняли. Так что Фромли солгал своей тёте, возможно, чтобы она была о нём лучшего мнения.

— А можете рассказать нам что-нибудь о его повседневной жизни? — поинтересовался я. — О его друзьях? О часто посещаемых местах?

Лиззи Данн ответила, не задумываясь:

— Ему нравились любые развлечения. Можете проверить танцевальные площадки в Бауэри^[36]. Не могу сказать, какие именно, но он часто ходил туда на выходных. А вот с друзьями ничем помочь не могу — он никого никогда не приводил в дом и не упоминал никого конкретного.

— Получается, этого человека вы никогда не видели? — показал я ей фотографию Сары Уингейт.

— Нет, — ответила женщина, послушно взглянув на снимок. — Я же сказала, он никогда не приводил с собой друзей.

— Когда он съехал из вашего дома?

— После того случая, — ответила Лиззи и кивнула в сторону Алистера. Я понял, что она имела в виду нападение на Кэтрин Смедли, из-за которого Фромли впервые встретился с Алистером.

— Я хотела, чтобы он остался, — печально продолжила тётя, — но Клайд настоял на

другом. Сказал, что Майкл слишком опасен. После того, как он перестал проводить целые сутки в вашем исследовательском центре, я пускала его переночевать всегда, когда он просил об этом. Но думаю, он постоянно переезжал из одной ночлежки в другую. Он оставался либо в самой дешёвой, либо в самой уютной — зависело от того, сколько он проиграл или выиграл на той неделе.

— Вы знаете адрес квартиры, где он проживает сейчас? — спросил я.

Лиззи тоскливо покачала головой.

— Нет. Майкл никогда не оставался в одном месте надолго, а потом уходил, обычно не заплатив ренту. Я помогала ему, если могла, но... — и она беспомощно на нас посмотрела.

На короткое мгновение я заметил в её взгляде проблеск страха. И тогда я понял правду: несмотря на все попытки казаться любящей тётушкой, она боялась Майкла.

Мы закончили разговор с Лиззи Данн, вышли на улицу и остановились на тротуаре напротив дома Уоллингфорда.

— Предлагаю посетить Нижний Ист-сайд — район вашей прошлой работы, — произнёс Алистер. — Судя по всему, Майкл снова и снова посещал увеселительные заведения и игорные дома. Вы же знаете, какие из них стоит навестить в первую очередь?

Да, я был знаком с подобными заведениями. Можно даже сказать, что знал их прекрасно. Мой отец был заядлым картёжником, сколько я себя помню. Из-за этого всё моё детство моя семья провела в долгах, пока однажды, когда мне было девятнадцать, и я учился на втором курсе Колумбийского колледжа, он, наконец, не умудрился проиграть все наши сбережения и сбежать ночью с другой женщиной.

Проигрыши моего отца разорили мать с сестрой и полностью изменили моё будущее. Теперь семья нуждалась в моей финансовой поддержке, а значит, мои дни в колледже были сочтены.

В тот день я не стал рассказывать об этом Алистеру. Но, как вскоре оказалось, он уже об этом знал. Я был человеком, которому он собирался, если придётся, доверить свой самый огромный секрет. Поэтому Алистер разузнал о моём прошлом всё, что мог, ещё до того, как появился сегодня утром на пороге моего рабочего кабинета.

Алистер повёз нас в сторону Бауэри, несмотря на некоторые сомнения, сможет ли он припарковать свой «Форд» в плохом районе. Бауэри был неприятной частью Нижнего Манхэттена, особенно когда речь заходила о развлекательных домах и барах, в которые мы собирались наведаться.

Во время последней административной реформы мэр Сет Лоу закрыл все бары, в надежде улучшить окрестности. Но как только офис занял МакКеллан — выкорыш Таммани — бары снова были открыты, а Бауэри наполнили воришки, готовые облегчить кошельки пьяных и наивных граждан.

Хотя, если честно, в Бауэри можно найти пару-тройку приличных баров. Но человек моей профессии знаком с такими гораздо хуже.

Первой нашей остановкой этим вечером стал клуб «Фортуна» почти на границе Бауэри и Чайна-тауна. Я решил сначала поехать туда, потому что был знаком с владельцем заведения — конечно, если предположить, что он всё ещё там работает. Когда мы вошли, какой-то молодой человек честно пытался взять высокую ноту «В тени старой яблони»^[37].

Хоть попытки и были смехотворными, я не подал виду, что так думаю.

Я знал, что Ник Скарпетта пытался подражать клубу «Пелхам» Майка Солтера^[38] и клубу «Чатем» Джона Кенни, где последней новинкой в развлекательной индустрии стали поющие официанты. Большой Ник надеялся, что его официанты смогут так же завлечь постоянных посетителей в его бар, как сделала это певичка Балина в клубе Солтера.

Конечно, мне не нравились подобные заведения, но должен признать, что клуб «Фортуна» всегда был лишь обычным казино. В отличие от других баров, где процветали и другие пороки, вроде проституции и опиума в задних комнатах или на верхних этажах, Ник Скарпетта занимался только тем, в чём отлично мыслил — картами.

— Хозяин тут по-прежнему Никки? — остановил я первого попавшегося официанта. Парень кивнул и показал на заднюю комнату, где в самом разгаре шла шумная игра в покер.

Алистер явно оказался не в своей тарелке и просто шёл следом за мной к чёрной двери в дальнем конце холла по левой стороне. Внутри за огромным столом сидел Ник Скарпетта и курил сигару, а у левой руки лежала кипа фишек. Очевидно, у него выдался удачный вечер.

Ник поднял глаза и сразу меня узнал.

— Будь я проклят, если это не Саймон Зиль! Как поживаешь, старина? — он поднялся и неловко похлопал меня по спине, стараясь не зацепить мою слабую травмированную правую руку. — Не видел тебя тысячу лет. Что привело тебя обратно в наш райончик? Ты здесь по официальному делу или просто по старой памяти?

В его тусклых глазах с нависшими веками светилось беспокойство, которое он никогда не выразит открыто. Я ни разу не говорил с ним после своей потери, но он, естественно, слышал о смерти и моей матери, и Ханны, следующих почти друг за другом.

— Рад тебя видеть, Никки, — тепло поприветствовал я. Внешне это был полный грубоватый мужчина, но внутри него билось доброе сердце. Ник всегда помогал своим друзьям, а мне посчастливилось попасть в этот список. Я знаю его столько, сколько себя помню.

Хоть Скарпетта и посещал те же игорные клубы, что и мой отец, у него были два ценных качества, которых так не доставало моему родителю: таланта в игре и чувства меры.

Ник бесчисленное количество раз приходил к нам домой с отцом после ночи за покерным столом и вкладывал в руку матери конверт.

Он отмахивался от её благодарностей и всегда резко бурчал:

— Мужчина с маленькими детьми не должен ставить на пару тузов сумму за двухнедельную аренду.

Но я ни на минуту не забывал и о другой стороне Ника — обычно с ней встречались те, кто переходил ему дорогу — Ник был опасен и беспощаден.

— Я здесь по делу, — ответил я, — но не по делу департамента. Я больше не работаю в прежнем участке. Теперь расследую убийство, случившееся в городке к северу от Нью-Йорка. Это Алистер Синклер, он помогает мне в расследовании, — я кивнул на Алистера, и Ник буркнул что-то в знак приветствия.

— Эй, Мо! — позвал Ник стоявшего у бара с выпивкой мужчину, — подмени меня и закончи игру, ладно?

— Конечно, Ник, — ответил мужчина и сел на освободившееся место у стола.

Ник повёл нас в кабинет, где мы могли поговорить без лишних ушей.

— Что хочешь знать? — спросил Ник, втискивая своё грузное тело в широкое кресло и протягивая нам коробку с сигарами. Мы отказались и устроились в двух креслах напротив него.

Алистер вытащил фотографию Майкла Фромли.

— Мы хотим знать, — начал Алистер, — видели ли вы когда-нибудь этого человека?

Никки взял фотографию и поднёс к свету, поворачивая то одной стороной, то другой, и внимательно изучая.

— Как его зовут?

— Майкл Фромли, — ответил я.

— Я видел его тут, — сказал Никки. — Он играл в задних комнатах, но недолго. Может, месяцев шесть или десять назад. Не мог сдержаться и не напиться, а потом устраивал проблемы — обвинил одного из моих парней за столом в подтасовке. После этого я больше никогда не пускал его в игру. И другим отсоветовал.

Это значило, что Никки включил Майкла Фромли в «чёрный список» среди всех так называемых игровых притонов в Бауэри. Я уверенно мог заявить, что многие люди, которым начинало фартить в картах, готовы были продать свою душу дьяволу за игру. Но хоть Нью-Йорк и заполонили подобные заведения, где покер, стос и фараон^[39] были привычным делом, но в барах за пределами Бауэри игра стоила гораздо бóльших денег.

Никки в последний раз затянулся сигарой и затушил её в пепельнице.

— Но пару раз я видел, как он после этого заходил в бар. Обычно с дамой, мнящей себя актрисой. А зачем он вам?

— Он главный подозреваемый в деле об убийстве, — ответил я. — Мы пытаемся найти его для допроса, но это оказалось непросто — он исчез около двух-трёх недель назад. Как думаешь, кто-нибудь из твоих мог его видеть?

Никки поднялся и направился к двери. Его тяжёлые шаги заставляли громко скрипеть дощатый пол.

— Эй, кто-нибудь, скажите Иззи, что он мне здесь нужен! — пророкотал он с порога.

Никто никогда не заставлял Никки ждать, поэтому не успел он сесть обратно в кресло, как к нам присоединился грузный мужчина средних лет с глазами навывкате и отвисшими щеками. По висящему на поясе белому полотенцу я догадался, что это один из барменов

клуба «Фортуна».

— Чем могу помочь, босс? — спросил он, и в его мягком баритоне звучал уникальный акцент коренного жителя Нью-Йорка.

— Ты раньше видел здесь этого парнишку? — Никки протянул фотографии Фромли своему бармену. — Им интересуется мой друг.

Это было скрытое позволение говорить правду. Иначе, я не сомневаюсь, Иззи вернул бы нам снимок с непроницаемым выражением лица и сказал бы, что этот человек ему абсолютно не знаком.

Иззи целую минуту смотрел на фотографию, прежде чем отдать её обратно.

— Да, он был здесь недели две назад. Это был вечер субботы. Пришёл с одной из тех актрисулк. Знаете, кажется, это была Клара Мерфи.

Никки усмехнулся:

— Ничего себе.

— Она здесь часто показывается? — спросил я.

— Ага, — кивнул Иззи, — представляет себя певицей на Бродвее, но скорее всего зарабатывает на жильё, устраивая частные шоу.

Этим эвфемизмом Иззи давал понять, что Клара Мерфи была скорее проституткой, чем актрисой; хотя я знал, что, по мнению многих, эти профессии ничем не отличались между собой.

— Кто-нибудь из них с вами разговаривал? — спросил я.

В таком местечке, как этот бар, бармен, подобный Иззи, всегда становится закадычным другом, особенно для завсегдатаев.

Иззи переместил вес тела с одной ноги на другую и медленно ответил:

— Ну, я разговаривал с Кларой, когда парень на минутку её оставил. Она спросила у меня, правдивы ли слухи, ходящие вокруг этого типа.

— Слухи? — дёрнул я головой.

Конечно, я слышал много нелицеприятных слухов о Майкле Фромли, но точно не был уверен, о каких именно слухах говорит Иззи. И, судя по выражению лица Алистера, он тоже этого не понимал.

— Ну, — начал Иззи, — вокруг этого парня витает много слухов. У него всегда при себе пачка наличных, он любит хорошо повеселиться, поэтому дамы не хотят верить слухам, понимаете? Я всегда говорил им держаться от него подальше и что от него жди неприятностей. Но большинство девушек прислушивались к звону монет, а не к моим словам.

— И что вы сказали Кларе, когда она задала вам вопрос?

— Я сказал ей не связываться с ним и найти другого парня, пояснил, что у этого дурная репутация из-за того, что он груб с женщинами, — Иззи кашлянул и продолжил ещё тише, — кое-кто говорил, что он очень жёстко избил некоторых девушек с помощью... ну, в общем, предмета, который не располагает к вежливому разговору.

Иззи подозрительно глянул на Алистера, словно не был уверен, насколько подробно может всё рассказать. В итоге он просто сказал:

— Вскоре после этого она ушла с ним из бара, так что, полагаю, она поступила так же, как и большинство других, и прислушалась к звону монет.

— Вы видели её после того дня?

— Не-а, она больше не приходила.

— И больше никаких известий от Фромли?

Иззи покачал головой.

— А вы, случайно, не знаете, где живёт Клара?

— Кажется, у неё квартирka на двадцать восьмой улице на западе. В том здании живёт куча певцов и актрис, оно в квартале от «аллеи жестяных кастрюль»^[40]. Проверьте там.

Это было самой существенной информацией, которую мы получили за последние несколько бесед. Всего пару уточнений — и у нас на руках был адрес квартиры той девушки.

Я поблагодарил Никки за помощь.

— Обращайся в любое время, — только Никки умел рокочущим голосом говорить так мягко и спокойно. — Твоя мать была хорошей женщиной, Зиль. Чертовски хорошей женщиной.

Он ещё раз хлопнул меня по плечу и вернулся к игре.

Алистер шёл в нескольких шагах от меня к выходу из клуба «Фортуна». Когда я догнал его, он был на удивление рассеян и не сводил глаз со здания напротив.

— Всё в порядке? — спросил я.

«Может, что-то случилось с его «Фордом», раз он не идёт его заводить?»

— Всё хорошо, — он успокаивающе улыбнулся и подошёл к капоту машины. — Мне показалось, что я видел...

Но мужчина сам себя оборвал.

— Забудьте. Я уверен, что ошибся.

Но когда он завёл двигатель, я повернулся к этому ничем не примечательному зданию. Краем глаза я заметил высокого мужчину, оглядевшегося с опаской по сторонам и вошедшего внутрь.

Может, это была интуиция детектива, а может праздное любопытство, но я продолжал наблюдать, как в здание входят и выходят толпы игроков в карты.

Алистер забрался на водительское сидение, и я заговорил:

— Это не игровой притон, — указал я на здание, — но он связан с игровым бизнесом. Возможно, это место, где владельцы держат свои деньги и распоряжаются ими. Или там работают букмекеры и ростовщики. Но это не легальный бизнес. Вы уверены, — внимательно посмотрел на Алистера, — что тот, кого вы видели входящим в здание, не был Фромли?

— Уверен, — ответил мужчина, но по лицу промелькнула тень тревоги.

Я молчал, давая ему понять, что жду продолжения.

— Я ошибся, — продолжил Алистер. — Человек, которого я видел, был похож на Горация, поэтому мне пришлось взглянуть повнимательнее.

— Ваш ассистент? — мой голос сочился скептицизмом. Я видел человека, на которого обратил внимание Алистер, но он был абсолютно не похож на Горация.

Алистер кивнул.

— Полагаю, это игра моего разума после посещения клуба «Фортуна». К тому же, в этом году у Горация были незначительные проблемы с азартными играми. Я пару раз одалживал ему деньги. Но слабость Горация выражается лишь в играх с низкими ставками в заведениях дальше от центра, куда пускают студентов. В такие клубы он не навещается, — уверенно закончил Алистер.

Я поверил ему на слово, понимая, что мужчина прав. Если человек вроде Горация увлекается азартными играми, то вряд ли он окажется в этом районе. А если он влез из-за

карт в долги, то очевидно, что Алистер решил ему помочь. Но я всё же должен поговорить с Алистером позже на эту тему, потому что в одном он был точно не прав: не существует такого понятия, как «незначительные проблемы» с азартными играми.

Этот урок преподал мне мой отец. Я раз за разом наблюдал, как со слезами на глазах уверяет мою мать, что больше не поставит на кон ни цента. Но он никогда не сдерживал свои обещания. И ни разу не выиграл ни единой игры. Когда он, наконец, сбежал, мы даже вздохнули с облегчением.

Мы вернулись обратно в центр города к зданию, где проживала Клара Мерфи. Мы без труда отыскивали её комнату на четвёртом этаже в здании, которое преимущественно занимали музыканты и актёры театров. Это было неудивительно, ведь дом на 28-ой улице между Шестой и Седьмой Авеню был сердцем музыкальной индустрии, известной как «улица жестяных кастрюль».

Но когда мы постучали в дверь, нам никто не открыл. Мы опросили пару человек в холле, и они не только опознали Майкла Фромли по фотографии, но и рассказали, что часто видели Клару в его компании. Но встревожило нас другое — никто из соседей Клары не видел её последние неделю или две.

Мы снова оказались в тупике.

Спустя пятнадцать минут Алистер остановился у ресторана «Люкóв», проехав двенадцать кварталов на «Форде». Мы зашли внутрь и заняли столик у окна с прекрасным видом на 14-ую улицу. Я пытался сопротивляться, но Алистер настоял.

— Нам надо что-нибудь перекусить, дружище, — произнёс он.

— Что будете пить? — спросил он у меня.

Я посмотрел в сторону бара, где над внушительной коллекцией пивных кружек висела доска с указанными разновидностями пива. Выбор был огромен.

— На ваш вкус, — рассеянно сказал я, изучая в меню жаркое из говядины и дичь.

На фоне общего ресторанного шума звучал «Струнный Квартет» Штрауса. Музыканты играли где-то в дальней части помещения и не были видны с наших мест.

Похоже, музыкальное сопровождение прижилось и здесь, настолько севернее Бауэри. И хоть в клубе «Фортуна» мне не понравилось пение того парнишки, в этом ресторане звуки классической музыки успокаивали мои расшатанные нервы.

Официант принёс нам две объёмные кружки светлого эля.

— Прóзит^[41]! — Алистер поднял свою кружку.

Я неохотно приподнял свою, хотя был не в настроении произносить тосты, пока Фромли ещё гуляет на свободе.

— Послушайте, — внимательно посмотрел на меня Алистер, пробегая пальцами по зелёно-коричневой эмблеме заведения на кружке. — Зиль — это ведь немецкая фамилия, не так ли?

— Полагаю, она изначально была немецкой, но мне говорили, что со временем произношение изменилось, — я намеренно уклонился от истинной подоплёки его вопроса.

— Но вы немец? Ваша семья жила в Нижнем Ист-Сайде, который, как я знаю преимущественно населяют немцы, — любопытство Алистера было непросто обойти.

— В моей семье есть немецкие, русские и даже франко-канадские корни. Но я американец, — твёрдо заявил я. Я никоим образом не хотел рассказывать Алистеру про своё прошлое; он и так узнал в клубе «Фортуна» больше, чем я хотел.

— Вы мне не очень-то доверяете, Зиль, так? — с ноткой веселья спросил Алистер. —

Нет, нет, — отмахнулся он от моих слабых протестов. — Вы пытаетесь оставаться вежливым. Я и так вижу, что не доверяете. И я не в обиде на вас. Полагаю, здоровый скептицизм — это естественная черта детектива. Точнее, хорошего детектива.

Официант, принеся еду, избавил меня от необходимости придумывать ответ. Перед Алистером поставили исходящую паром тарелку с венским шницелем. Я же заказал жаркое из говядины, и вопреки моим первоначальным опасениям, оно выглядело великолепно.

Я дал Алистеру пару минут насладиться вкусом блюда и сменил тему разговора.

— Куда мы отправимся отсюда, Алистер? — спросил я. — Мы разговаривали с семьёй Фромли, но они понятия не имеют, где он находится. Его видели в Бауэри, но никто не может назвать точный адрес его проживания. Но кто-то ведь должен хоть что-то знать! Человек где-то живёт, где-то питается, покупает кофе и утреннюю газету...

Я загнулся, пытаюсь справиться с разочарованием.

— Я так же растерян, как и вы, Зиль, — произнёс он. — Я ничего не скрываю.

— Но он был основой вашего исследования, — заметил я. — Я думал, что за время, проведённое с ним, вы разузнали о нём всё: кто его друзья, что он ест на завтрак и в какое время укладывается спать.

— Нет, Зиль. Вы размышляете, как детектив, а не как криминолог, — пояснил он. — Моей целью было узнать всё о том, как он думает, как ведёт себя и как принимает решения.

Алистер подчеркнул эти слова, чтобы не оставалось никаких недомолвок:

— Мы не говорили с ним о друзьях, и его повседневные привычки — меньшее, что меня заботило.

Алистер смотрел на меня пару секунд, словно мы с ним разговаривали на двух разных языках. Хотя, возможно, так оно и было.

— Но я стараюсь сейчас припомнить что-нибудь, что сможет вам помочь, — смущённо добавил он.

— Значит, вспоминайте усердней, — сказал я. — И я хочу, чтобы вы заново просмотрели все свои записи — может, там есть что-нибудь о его обычной жизни. Вы могли не заметить этого при первом разговоре, потому что тогда это было неважно, но сейчас эта информация может сыграть важную роль в определении его местонахождения.

— Согласен, — с некоторым удивлением кивнул Алистер. — Можем после ужина вернуться в исследовательский центр, и я изучу записи. Но сначала, дружище, вы должны попробовать их яблочный штрудель. Он восхитителен, особенно с чашечкой рейнландского кофе или с бокалом «Бренди Александр»^[42].

Я сдался и последовал его предложению. Похоже, Алистер не разделял мою спешку в разрешении этого дела. Я мог начать с ним спорить, но у меня было ощущение, что он будет полезнее в наших поисках, если сначала утолит свои гастрономические пристрастия.

День почти подошёл к концу, а я совсем выдохся. Только усилием воли держался на ногах, направляясь обратно в центр. Мы продолжили работать в офисе Алистера почти до десяти часов вечера, сверяя заметки и делаясь мнениями.

Это был сложный день. Меня всегда выматывали опросы свидетелей (а иногда и разочаровывали), хотя начальным этапом любого расследования были сбор и оценка полученной информации.

Лучшие детективы поступали так с поразительной эффективностью: они отделяли твёрдые улики от слабых предположений и приходили к заключению, прикладывая отнюдь не много усилий.

Я многое узнал о Саре Уингейт; достаточно для того, чтобы представить, каким она была человеком. И я узнавал всё больше о её предполагаемом убийце, Майкле Фромли. Но вместе меня это ни к чему не приводило.

Всё, что я мог, это начать поиски двух пропавших женщин: Стеллы Гибсон, которая могла быть свидетельницей преступления, и Клары Мерфи, которую видели последний раз в компании Фромли.

Мы работали в комнате для собраний за огромным столом, где можно было удобней разложить заметки.

— Вот июль 1905 года, — произнёс Гораций, входя в комнату и сгибаясь под тяжесть семи толстых папок.

— Благодарю, Гораций, — сказал Алистер.

— Профессор, время уже позднее, — Гораций тяжело навис над столом. Он весь вечер работал с нами, принося документ за документом из многочисленных папок Алистера.

— Это точно. Иди домой, Гораций. Ты нам очень помог, но теперь у нас есть всё, что нам надо. Мы и сами задержимся тут ненадолго, — Алистер говорил рассеянно, ибо уже бегло просматривал первую папку, принесённую Горацием.

Гораций облегчённо кивнул.

— Доброй ночи, профессор. И вам, детектив.

Он вышел из комнаты, и я заметил, что даже без веса папок он казался выжатым, как лимон. Его рана на голове распухла ещё больше и теперь выглядела совсем скверно.

Когда я удостоверился, что Гораций ушёл, я обратил на это внимание Алистера:

— Не помню, чтобы рана Горация вчера выглядела так же отвратительно.

— Что? — Алистер в замешательстве глянул на меня, но потом осознал сказанное.

— А, вы про это. Да, это случилось во время вчерашней стычки на выборах, но сегодня ему стало ещё хуже. Гораций был активным участником кампании Херста в течение последних нескольких месяцев. Вчера вообще был сложный день для всех, кто его поддерживал, правда? Все выборы биты, и в прямом, и в переносном смысле. Я слышал, что Херст собирается подавать жалобу на запугивание и драки на выборах. Будет интересно глянуть, чем всё закончится. Какими бы грязными не были эти выборы, я не могу представить, чтобы действующего избранного мэра сместили из-за пересмотра результатов выборов.

И Алистер снова вернулся к своим заметкам. Его интерес к выборной гонке был преходящим. Похоже, даже я больше интересовался бы политическими новостями, если бы

не был с головой погружён в дело об убийстве Сары.

Спустя пару минут, в дверь на первом этаже постучали. Алистер подошёл к двери и крикнул в сторону холла:

— Гораций, ты ещё здесь?

В дверь снова постучали и зашаркали по ступеням снаружи.

— Снаружи есть кто-нибудь? — спросил Алистер, на этот раз гораздо громче.

Из-за двери послышался мужской голос:

— В вашем сообщении говорилось, что вы будете работать здесь до поздней ночи. Поэтому я здесь.

Его низкий, глубокий голос с типичным шотландским чуть картавящим акцентом стал громче, когда мужчина подошёл ближе к двери:

— Хотя до того времени, как я увидел свет в окнах вашего офиса, у меня были сомнения, что я вас тут застаю.

Алистер открыл дверь и отошёл в сторону, впуская внутрь грузного мужчину с копной седых волос, бородой и большими, усталыми глазами. Мужчина уже был в возрасте, но его голос и движения были энергичными.

Я ощутил, что обычно он довольно живой и весёлый человек, но сегодня вечером он выглядел мрачным. И я моментально узнал его по снимку. Перед нами стоял профессор Агнус МакДональд.

Мы помогли ему снять серо-коричневое твидовое пальто и пригласили сеть. Мужчина пояснил, что получил моё сообщение только после ужина и сразу сел на поезд до города в надежде, что сможет найти нас здесь, как я обещал.

Он узнал о смерти Сары почти сразу от коллег-математиков, но мой телефонный звонок стал для него сюрпризом. Очевидно — и, на мой взгляд, чрезмерно оптимистично — он считал, что его отношения с Сарой являются тайной. Но я снова и снова убеждался, как быстро могут раскрыться все секреты, когда дело доходит до расследования убийства.

Сначала я попросил профессора рассказать нам о подробностях его отношений с Сарой: как они встретились, как долго были знакомы.

— Да, она была яркой девочкой, — сказал Агнус. — Я никогда не встречал таких, как она, и скорей всего, уже не встречу. Мужчинам моего возраста редко так везёт.

— В таком случае позвольте уточнить: ваши отношения с Сарой были не только профессиональными? — спросил я, чувствуя, что лезу не в своё дело. Но такова была моя работа.

Он печаль качнул головой:

— Она была довольно молода, и по возрасту годилась мне в дочери. Я понимал, что это неподобающе. Но какая у неё была голова! Девочка была великолепна, а разговоры с ней полностью изменили мой подход к работе. Она всегда приходила ко мне с новыми задачами и методами их решения. А моя последняя статья... Я не смогу написать её без этой девочки.

Он обвёл нас печальным взглядом.

— Знаю, выглядит так, словно я переживаю только о работе, но вот что я на самом деле хочу сказать: она стала мне необходима. Общение с ней было таким же естественным, как дыхание. Наши склады ума были так похожи друг на друга, что разница в возрасте не имела никакого значения.

— Но научный мир так бы не считал, — мягко произнёс я. — Именно поэтому вы всё держали в тайне?

— Кучка невежественных лицемеров, — буркнул он. В синих глазах мужчины стояли слёзы. — Мы скрывали наши отношения по моему настоянию. Если она собиралась сама создать себе репутацию, то должна была сделать это до нашей свадьбы. У девочки и так была куча проблем — люди не воспринимали её всерьёз, а если бы наши отношения открылись, то точно сказали бы, что я отдал ей все идеи и разработки. Полная чушь. Было лишь вопросом времени, когда она затмит меня.

— И вас это не беспокоило? — спросил я. Теперь, встретившись с Агнусом, я не мог даже представить, что этот шотландский профессор убил Сару Уингейт. Но я должен был задать вопрос, касающийся мотива преступления.

— Вот ещё, — вздохнул МакДональд. — Мне пятьдесят пять лет. Через пару месяцев, в январе, будет пятьдесят шесть.

Мужчина выпрямился и гордо продолжил:

— Я известный профессор, пожалуй, самой выдающейся кафедры математических наук во всём мире. Я издал столько книг и монографий, что сложно сосчитать.

Он наклонился вперёд.

— Я хочу сказать, что времена, когда мне хотелось быть самым лучшим, самым ярким и самым молодым специалистом в своей области, прошли. Всё, чего я хочу...

Он на мгновение запнулся и перефразировал:

— Всё, чего я хотел, это быть счастливым. И с Сарой я был счастлив. А видя, как замечательно она справляется с работой, меня раздражало от гордости.

Последняя фраза вышла неожиданно чрезмерно эмоциональной.

— А что насчёт её соперников? Они конфликтовали с Сарой? — спросил я. — Был ли кто-нибудь — в области математики или других наук — кто особенно завидовал или ненавидел Сару?

Но ответ Агнуса был таким же, как и предыдущих свидетелей. Многие завидовали её успеху и задевали по любому поводу. Но профессор не мог припомнить никого, кто бы смог из-за такого пойти на убийство.

Я задал все стандартные вопросы, но учитывая то, что жестокие подробности её убийства указывали на Майкла Фромли, мои мысли продолжали возвращаться к вопросу «а не пересекались ли пути Сары и Майкла?» Под влиянием интуиции, я достал фотографию из кармана и протянул его Агнусу.

— Вы когда-либо видели этого человека?

Он покачал головой:

— Никогда. А почему вы спрашиваете? Он знал Сару?

— Именно это мы и пытаемся выяснить, — ответил я и быстро сменил тему разговора. — Как часто вы виделись с Сарой?

— Обычно дважды в месяц, — сказал мужчина. — Она сама приезжала ко мне. Так было проще: ничего не надо было объяснять её семье, а моя мать, с которой я живу, иногда сопровождала девочку.

С каждой произносимой гласирующей буквой «р» его шотландский акцент становился всё отчётливее.

— Но почему она не рассказала своей семье? — спросил Алистер. — Мы понимаем, почему вы держали это в тайне от коллег. Но, очевидно, ваша семья знала об этих отношениях. Так почему Сара не рассказала своим родным?

— Полагаю, из-за их предположительного неодобрения, — ответил профессор. — Они

и так считали, что она зря занимается научной работой. А уж если они узнают, что во время своих исследований она стала встречаться со мной! Видите ли, я пожилой человек без высокого социального положения. Её родственники хотели, чтобы Сара вышла замуж за молодого человека из семьи с хорошими связями. Конечно, у них были деньги. Но у них не было правильных друзей и связей. Естественно, — добавил он, — Саре это было неинтересно.

— Хотите ещё что-то обсудить? — спросил Алистер. Он, вроде бы, адресовал вопрос Агнусу, но я подозревал, что он хотел спросить это у меня. Агнус ответил «нет», и тогда в разговор вступил я.

— Я продолжаю размышлять, как и почему Майкл Фромли выбрал Сару своей целью. Я не верю, что это чистая случайность. Убийство было отлично спланировано, прошло оно гладко. Он явно знал привычки и повседневную жизнь семьи Уингейтов. К тому же, преступление произошло вдали от её дома в этом городе. Я уверен, что между ней и Фромли есть какая-то связь, пусть и неявная на первый взгляд.

— Что вы сказали? — переспросил Агнус после моей тирады.

Мы с Алистером удивлённо посмотрели на мужчину, и он повторил свой вопрос:

— Как звали мужчину, о котором вы только что рассказывали? Майкл Фро... Как правильно?

— Майкл Фромли, — озадаченно ответил Алистер. — Вы знаете это имя?

— Я его слышал, — ответил Агнус, вновь погрузившись. — Думаю... Я, конечно, не могу сказать точно, понимаете... Но мне кажется, что это имя она упоминала в нашей последней беседе.

— И о чём вы говорили? — уточнил я. Мысли закружили в голове.

— Его имя проскользнуло при обсуждении проблемы, с которой девочка столкнулась во время подработки в деканате, — Агнус нахмурился. — Я смутно помню, о чём именно шла речь, но она называла это имя. В этом я уверен.

Я посмотрел на Алистера.

— В деканате? Её работа могла каким-то образом столкнуться её с вашими исследованиями, Алистер?

Мы знали, что Сара два раза в неделю подрабатывала в деканате факультета искусств и наук в роли секретаря. В свете политической жизни Сары и её успехов на научно-математическом поприще, её работа с деканом Арнольдом казалась самой безобидной и не вызывающей вопросов.

Мы предполагали, что она работала там, чтобы заработать деньги, но если верить словам Агнуса, она занималась этим ещё и потому, что хотела получить опыт административной работы. Девушка беспокоилась, что ей, как и большинству женщин, запретят преподавать после получения учёной степени.

— Но я не представляю, как любая административная работа с деканом могла связать её с Фромли, — произнёс Алистер. — Мы в исследовательском центре абсолютно не имеем дел с деканатом, не считая обычных запросов на субсидии и ежегодное финансирование. Конечно, она могла заметить в записях на финансирование фамилию Фромли, но, насколько мне известно, сам он никогда не бывал в деканате и ни с кем там не знаком.

В этом не было никакого смысла. Но тогда мы вообще мало в чём его видели.

Я сел на поезд до Добсона, и поехал домой. А там я до предрассветных часов просматривал записи по делу, не обращая внимания на усталость.

Я надеялся, что Алистер занят тем же; он обещал мне, что этой ночью тщательно изучит все интервью с Фромли, чтобы найти любое упоминание о его привычной жизни.

Я должен был больше узнать о его жизни. Хоть он и растворился в глубинах города, даже кто-то вроде него не может исчезнуть навсегда.

«Пропавшие женщины — наша основная надежда», — решил я. Завтра мне предстояло сосредоточить все силы на определении местонахождения Стеллы Гибсон и Клары Мерфи — они обе предположительно видели Фромли за несколько часов до их исчезновения.

Я потом я окупился в тяжёлый сон без сновидений и проспал до утра, пока меня не разбудил стук в дверь и громкий голос Джо по ту сторону двери.

Пятница, 10 ноября 1905 года.

Резкие удары в дверь квартиры становились всё громче, гулом отдаваясь в моей голове.

— Тяжёлая ночка? — вскинув бровь, предположил Джо, когда я, шатаясь, добрался до двери и впустил его в комнату.

— Так и думал, что ты так скажешь, — неловко пробормотал я, зная, что мой голос звучит хрипло и устало.

Моё тело всегда реагировало подобием жуткого похмелья на сочетание стресса и недосыпа. Я заметил, как Джо пытается незаметно принюхаться к моей одежде в поисках признаков вчерашней попойки.

Сомневаюсь, что он их найдёт, но если бы нашёл, то смог бы убедить мэра, что я виновен в нарушении должностных обязанностей. Интересно, он когда-нибудь сдастся и перестанет пытаться от меня избавиться?

— Кофе? — предложил я, направляясь на маленькую кухню, чтобы выполнить первое и самое важное задание по утрам.

Свежий аромат свежемолотых зёрен бодрил меня, поэтому я повернул ручку на кофемолке. Джо согласился на чашечку, так что я засыпал пару ложек кофе в свою металлическую кофеварку.

Затем добавил кипящую воду и направился в спальню, чтобы подготовиться к наступившему дню, пока заваривается кофе. Джо тем временем сел на небольшой серый диванчик в гостиной и внимательно слушал, как я рассказывал ему о подробностях прошлого дня, проведённого с Алистером.

Хоть он слушал очень внимательно — и что удивительно для Джо, без осуждения — я ожидал его скептической реакции.

— Это всего лишь теория, которую предложил твой новый друг. Я признаю, что существует логическая причина в дальнейшей разработке этого парнишки Фромли, но мне не нравится вся эта чушь и болтовня про фантазии наяву. Мне было бы гораздо комфортнее, если бы появилась хоть малейшая ниточка веских улик, связывающая Фромли с девчонкой Уингейт.

Этим простым требованием Джо ёмко выразил мои собственные сомнения.

— Знаю, — ответил я. — Но судя по тому, что мы вчера слышали, Майкл Фромли жесток и не умеет контролировать свою агрессию. Если совместить это всё с поразительными совпадениями, о которых упоминал Алистер, то выводы напрашиваются неутешительные. К тому же, — напомнил я Джо, — у нас нет свидетельств, указывающих на других подозреваемых.

— Ну, в этом вчера наметился кой-какой прогресс, — заметил Джо. — Мы получили заключение по найденным тобой в доме Уингейтов отпечаткам. Там были чёткие отпечатки, не совпадающие ни с чьими из дома Уингейтов.

Я внимательно посмотрел на Джо. Учítывая, что он настолько категорически не признавал отпечатки пальцев, я думал, что мне самому придётся звонить в лабораторию и интересоваться результатом.

— Если бы у нас была вещь, точно принадлежавшая Фромли, — начал я, — то мы смогли бы определить, совпадают ли отпечатки.

Было бы облегчением получить, наконец, такое твёрдое свидетельство связи Фромли с убийством.

— И ещё, я снова поговорил с мисс Уингейт. Она считает, что деньги, которые ты нашёл под матрасом Сары, принадлежат миссис Уингейт.

— Она в этом уверена?

Джо тяжело вздохнул:

— Очевидно, у миссис Уингейт существует привычка прятать деньги по всему дому, а потом об этом забывать. Мисс Эбигейл находит деньги везде: в карманах одежды, между страниц книг, даже под чашками в застеклённых шкафах. Нет никаких причин считать, что деньги под матрасом чем-то отличаются от остальных.

«Никаких причин, кроме той, что в метре от денег была зверски убита молодая женщина».

Как бы то ни было, я не хотел сбрасывать эту улику со счетов. По крайней мере, пока.

А вот Джо в первую очередь беспокоился по другому поводу: когда он вчера поздно вечером покидал усадьбу Уингейтов, их горничная Стелла ещё не вернулась домой.

— Скорей всего, девушка узнала про убийство, испугалась и убежала к семье или друзьям, — сказал Джо. — Но мисс Эбигейл настаивает, что произошло что-то серьёзное.

— Возможно, Стелла стала свидетельницей самого убийства, — предположил я.

— Точно, — кивнул Джо. — Только почему она в таком случае ничего не сказала об этом Уингейтам? Почему просто исчезла?

Я пожал плечами:

— Люди, столкнувшиеся с кошмарными вещами, иногда ведут себя совершенно не так, как обычно.

Я не стал упоминать, что тоже очень хочу найти Стеллу как можно скорей. Но если уж наши мысли по этому поводу совпали, первым делом этим утром стоит навестить миссис Вирджинию Уингейт.

* * *

Вирджиния Уингейт сидела на деревянном стуле с абсолютно ровной спиной, а её племянница (видимо, пытаюсь защитить и уберечь) вилась вокруг неё.

Эбигейл Уингейт была против этой встречи. Хоть она и переживала из-за исчезновения Стеллы, но ещё больше её заботило хрупкое психическое здоровье её тётушки.

— Вы не понимаете, — прошептала она в телефонную трубку, когда я позвонил ей, чтобы предупредить о нашем приходе. — Она справляется со смертью Сары только путём её отрицания. Она притворяется, что Сара до сих пор жива и вернётся через пару недель, чтобы её навестить. И всё же, то, что она не ходит на верхний этаж, даже чтобы переночевать, наводит меня на мысль, что она прекрасно осознаёт, что же там произошло, но не принимает это. Ночует она в гостиной, а все дни проводит на веранде перед домом, хотя на улице довольно холодно.

Она расстроено вздохнула.

— Но так не может продолжаться, — возразил я. — Скоро пройдут похороны...

Эбигейл прервала меня на полуслове:

— Они пройдут в Бостоне, и моя тётя на них не пойдёт.

В конце концов, она согласилась, что поговорить с её тётушкой необходимо, а я в ответ пообещал, по мере возможностей, что не стану прямо говорить об убийстве Сары.

— Но как вы объясните ей наш приход и вопросы? — спросил я.

Как же Эбигейл собирается сама следовать своим требованиям?

— Мне и не придётся объяснять, — заверила она меня. — Если тётушка Вирджиния задастся таким вопросом, то сама придумает причину. Вы сами увидите. Её разум в эти дни — непостижимое чудо.

Получив наставления, мы собрались на главном крыльце на веранде, обменялись несколькими неловкими любезностями и подтвердили, что мы здесь для того, чтобы задать пару вопросов насчёт Стеллы. Миссис Уингейт полностью захватила моё внимание.

Я помнил, что её волосы были полностью седыми, но сегодня в лучах утреннего солнца они переливались настоящим серебром. Эффект только усиливался из-за бледной, почти прозрачной кожи лица. Она была похожа на китайский фарфор: красивая, хрупкая, грозящая вот-вот расколоться, если с ней неправильно обращаться.

— Миссис Уингейт, я понимаю, вы довольно близки со своей племянницей Сарой. Она часто вас навещает? — я осторожно формулировал предложения, чтобы все глаголы были в настоящем времени, как и просила Эбигейл.

— О, да, — чопорно кивнула миссис Уингейт. — Сара очень заботливая племянница. Она никогда не пропускает дни рождения и праздники. И всегда приезжает сюда, чтобы воспользоваться тишиной и спокойствием. Так было и на эти выходные.

Я внимательно изучал пожилую женщину. Её глаза были голубыми, ясными и водянистыми, но прямо встретили мой взгляд. Я не заметил никаких признаков сознательного притворства и начал понимать, что Эбигейл Уингейт была права: её разум работал сейчас очень странно, пытаясь защитить пожилую женщину от разрушительной правды, с которой она столкнётся. Но сможет ли она её вынести?

— Во время её последнего визита в эти выходные Сара была расстроена или чем-то обеспокоена?

Миссис Уингейт поджала губы и повернулась к Эбигейл:

— Эбби, ты могла бы сказать, что Сара была не в духе?

— Нет, — ответила девушка, — она казалась слегка уставшей, но не более того.

— Миссис Уингейт, а когда вы в последний раз видели Сару?

— В четверг в обед, — ответила женщина. Её тон был твёрдым, даже резким. — Потом она отправилась заниматься своей работой, а я — своей.

— Стелла помогала вам весь день?

Она кивнула. Джо оставался непривычно тихим, но сейчас он вступил в разговор и попросил Эбигейл сопроводить его в комнату Стеллы и помочь с осмотром.

Я был рад, что Эбигейл ушла, пусть и ненадолго. Я видел, что её присутствие затрудняло разговор с миссис Уингейт. И когда Эбигейл перестала маячить за спиной тёти, пытаясь защитить, миссис Уингейт заметно расслабилась.

— Не хотите чаю, детектив?

Я согласился, и она позвонила в колокольчик рядом с её креслом. К нам мгновенно подошла грузная, краснощёкая женщина, в которой я опознал Мод Манчи, их домработницу. Миссис Уингейт попросила:

— Мод, будь так добра, принеси нам две чашечки чая. И пару булочек, если они ещё остались.

Я вытащил записную книжку и карандаш.

— Я так понимаю, Стелла работала на вас с августа?

— Верно, — ответила женщина.

— У неё есть семья или друзья в этих местах, о которых вы знаете?

Её ответ поразил меня своей резкостью:

— А вам какое дело?

— Мне нужна информация, если вы хотите, чтобы я расследовал её исчезновение, — мой ответ был таким же резким. Я не привык, что мне открыто бросают вызов.

— Вы правы, — она тихо вздохнула. — Простите. Я очень переживаю, — её голос стал пронзительнее. — Стелла просто ушла, — произнесла миссис Уингейт, наклоняясь ко мне. — Мы работали вместе в саду, когда она внезапно вскочила и побежала к дому. Я не поняла почему, а потом она так и не вернулась. И с тех пор я её не видела.

— В котором часу это было? — спросил я, пытаюсь вписать данное событие во временную шкалу.

— Около половины четвёртого, — ответила она.

— Это предположение, или вы уверены?

— Я уверена, — твёрдо сказала женщина. — Я смотрела на часы в 15:15, а описанные события произошли несколькими минутами позднее. Я следила за временем, потому что хотела закончить работу в саду до четырёх, чтобы успеть переодеться к ужину.

Мои мысли вернулись к различным опросам свидетелей, которые я прочёл, и к разговору с Эбигейл Уингейт. Многие люди рассказывали, что слышали громкий звук около половины четвёртого.

«Гагара», — сказала Эбигейл, хотя в этой местности гагары не водились.

«Сова», — утверждал мистер Дрейер на другой стороне улицы.

«Странный вопль», — описывали это Брейтуэйты.

Может, это и был предсмертный крик Сары Уингейт?

Это было весьма вероятно, учитывая временные рамки, потому что Эбигейл Уингейт в последний раз видела Сару около трёх часов дня. Это было важно, потому что в 15:30 убийца Сары уже был в доме. Поэтому, если Стелла покинула миссис Уингейт в это же время, то вероятность того, что она видела или столкнулась с убийцей Сары, весьма высока.

Я уточнил:

— И с тех пор вы Стеллу не видели?

— Нет, не видела, — ответила женщина.

— И в то время вы не очень озаботились, куда она пропала?

— Конечно, озаботилась, — воскликнула миссис Уингейт. — Когда она не вернулась через несколько минут, я пошла за ней. Но как только вошла на кухню, Эбби начала настаивать, чтобы я вызвала доктора Филдса. Понимаете, доктора Филдса! А меня обычно лечит доктор Уиттиер. Но Эбби настаивала на докторе Филдсе, а потом упала в обморок. Поэтому я старалась одновременно привести её в чувство и дозвониться доктору Филдсу. У меня просто были заняты руки.

«По крайней мере, это объясняет, почему мы ничего не знали о случившемся, пока в пять часов не получили известие от доктора Филдса».

Мод вернулась с двумя чашками горячего чая и тарелкой булочек с яблоками. После

того, как миссис Уингейт её поблагодарила, я спросил у Мод:

— Миссис Манчи, я должен задать вам пару вопросов, прежде чем вы уйдёте.

Она повернулась ко мне и пристально посмотрела, скрестив руки на бёдрах:

— Я уже рассказала всё полицейскому, который меня вчера опрашивал. Четверг — мой день для покупок. Меня здесь не было.

— Я понимаю, — я постарался сделать голос успокаивающим. — Но хочу спросить вас о Стелле. Вы с ней дружили?

Мод в ответ ухмыльнулась:

— Я здесь работаю. Я мало разговариваю с остальными, если вы об этом. Стела была ещё девчонкой, но свою работу выполняла прилежно. Мне на неё нечего жаловаться.

Мод поправила передник, намекая, что готова вернуться к работе.

— Я хочу спросить, есть ли место, куда Стелла могла бы пойти? Друзья, которых она могла бы попытаться отыскать?

— Я об этом не знаю, детектив. Как я уже говорила другому полицейскому, приходившему сюда, я не люблю светские беседы. Стела была милой девочкой. Но большего я рассказать вам не могу.

— А вы, миссис Уингейт? — спросил я, обхватывая чашку с горячим чаем обеими руками. На улице было довольно прохладно, поэтому тепло от чашки было тем, что нужно.

После того, как Мод вернулась в дом, миссис Уингейт посидела какое-то время молча, а потом сказала:

— Вы можете узнать о местонахождении Стеллы у женщины по имени Маами Дюрáн на западе 38-ой улицы.

— Маами Дюрáн, — протянул я, пытаюсь вспомнить, где прежде слышал это имя. — А она не... — я задал вопрос на пару секунд раньше, чем мысль оформилась в моей голове.

— Да, — перебила меня Вирджиния Уингейт, сообразив, о чём я подумал. Её водянистые голубые глаза не опустились, встретившись с моими. — Она владеет и управляет уважаемым джентльменским клубом, обслуживающим состоятельных клиентов.

Я мог только ошарашено смотреть на миссис Уингейт. Клуб, о котором она говорила, был не тем местом, о котором женщины, подобные миссис Уингейт, могут знать, а тем более, упоминать о них в вежливой беседе.

Джентльменский клуб был удачным эвфемизмом, но на самом деле за ним стояла простая проституция. А миссис Уингейт заговорила об этом так легко и непринуждённо, словно речь шла о популярной среди женщин чайной.

— Откуда вы знаете Маами Дюрáн? И откуда Стелла...?

Мои попытки быть тактичными с миссис Уингейт провалились, и я не мог сформулировать вопрос: подходящего слова просто не существовало.

Она мягко прервала меня, забавляясь моим смущением:

— Маами Дюрáн — предыдущая работодательница Стеллы. Она дала прекрасные рекомендации в организацию, которая нашла для меня Стеллу. Видите, она полностью поддерживала Стеллу в попытке начать всё с чистого листа.

Я был обескуражен тем, насколько спокойно она говорила о таких вещах — такое леди её социального класса не обсуждают и вообще притворяются, что этого не существует. Я спросил с запинкой:

— А мисс Эбигейл знает о прошлом Стеллы?

— Конечно, нет, — выпрямила спину миссис Уингейт. — И никто не знает, — она

сделала глоток чая и продолжила:

— В последние несколько месяцев пребывания у Мами Дюран Стелла заболела, а когда поправилась, начала стирать и занимать уборкой комнат. Вероятно, Мами сама сказала ей, что если девушка счастлива, выполняя такую работу, то ей стоит найти для этого приличный дом. Горничные в частных поместьях часто находят мужей, а в джентльменских клубах — никогда.

— Вы говорили, что для вас её нашла организация? — уточнил я.

— Да, кивнула женщина, — это был один из местных городских женских комитетов. Один из друзей привёл Стеллу ко мне на собеседование, зная мои свободные от предрассудков взгляды и считая, что я могу её принять, — она слабо улыбнулась. — К тому же, у меня нет мужа или сыновей, из-за которых можно было волноваться.

Миссис Уингейт посидела пару мгновений и пожала плечами:

— Это действительно было очень просто. Она хотела начать жизнь заново, и я решила дать ей эту возможность.

Я знал многих людей, которые уверяли бы миссис Уингейт, что это плохая идея, но эта женщина была из тех, кто считал подобные переживания неважными.

— Спасибо, — сказал я, — вы нам очень помогли. Если вы вспомните ещё о чём-нибудь важном, вы мне сообщите?

— Конечно, — ответила она, поднимаясь со стула, чтобы попрощаться. — Я знаю, где вас искать. И сделайте..., - её голос прервался, — сделайте всё, что сможете, чтобы найти её. Я так хочу, чтобы всё было как прежде.

Она стояла передо мной на крыльце, завёрнутая в тёплую шаль, а я смотрел на неё с сочувствием и внезапно подумал, какой старой и хрупкой она выглядит.

— Конечно, — мягко ответил я и пожелал всего доброго. Не важно, какие игры разума помогают сейчас Вирджинии Уингейт, но даже самое бурное воображение не сможет вернуть всё на свои места.

— Джо? — позвал я напарника от подножья лестницы. — Ты готов?

Ответа не последовало.

— Джо? — позвал я ещё раз, на этот раз громче.

На лестничной площадке внезапно показалось бледное лицо Эбигейл.

— Поднимайтесь скорей, — произнесла она обеспокоенным тоном. — Он себя странно ведёт. Что-то не так, но я не знаю, что именно.

Я рванул наверх, перепрыгивая сразу через две ступеньки, и мисс Уингейт быстро отвела меня в маленькую спальню, где Джо неловко обхватывал спинку кресла-качалки.

— Зиль, — он пробормотал моё имя и сделал шаг вперёд, но его левая нога подогнулась, когда он перенёс на неё свой вес. Его огромное тело свалилось на пол, и Джо посмотрел на меня невидящим взглядом.

— Так холодно, — промычал он.

— Помогите положить его на кровать, — попросил я мисс Уингейт.

Когда Джо оказался на кровати, он продолжал жаловаться, что ничего не видит и не чувствует левую ногу. Я устроил его голову на подушку и пощупал пульс.

— Не беспокойся. Просто спокойно полежи.

— Пожалуйста, позвоните доктору Филдсу, — прошептал я мисс Уингейт, беспомощно стоящей рядом. — Скорее! — крикнул я ей, и она пошла к двери комнаты. «Как же медленно она двигается!» — Мы не должны терять ни секунды!

И вот, ранним утром Джо остался у себя дома, а я остался один на один с расследованием. Апоплексия^[43] — таков был диагноз доктора Филдса.

— У него тяжёлый инсульт, — сказал доктор. — Думаю, зрение может вернуться, а вот насчёт движений в левой ноге я не так уверен. Но отдых может творить чудеса с человеческим организмом, поэтому поживём — увидим.

Джо остался под присмотром своей трудолюбивой жены Анны, которая постаралась подготовить всё возможное для нахождения в доме человека с ограниченными возможностями, включая невероятные количества протёртых супов. А я отправился в офис проверить новости.

Ничего хорошего меня там не ждало. Мэр Фуллер был очень недоволен тем, что мы пока не добились в деле никакого прогресса.

И ни слова от Алистера — довольно странно, учитывая, что он обещал держать меня в курсе событий.

К счастью, пришла информация, которую я запрашивал у своего бывшего напарника Малвани. Я просил его поднять старые записи по делу о взломщике, проникшем в комнату Сары Уингейт.

Его звали Отто Шмидт, и в записях его ареста говорилось, что он — недавний иммигрант без видимых средств к существованию и долгой историей арестов за бродяжничество и нарушение правопорядка. Но случай с Сарой Уингейт был первым, включавшим в себя кражу.

Хотя, скорей всего, он крал и раньше, но никогда до сих пор не попадался.

Мне понадобилось всего пару секунд, чтобы выделить значимую информацию.

15 сентября 1904 года в девять вечера он был арестован за проникновение в пансионат миссис Гардинер для студенток на Риверсайд-драйв. Пропало несколько вещей, принадлежавших мисс Саре Уингейт.

После вынесения приговора Шмидт провёл шесть месяцев за решёткой, но потом исчез во время переполоха, вызванного пожаром в здании тюрьмы. С тех пор его местоположения остаётся неизвестным, хотя я сомневаюсь, что кто-то пытался его найти. Многие сбежавшие во время пожара из тюрьмы преступники считались гораздо более опасными, и в сравнении с ними, Отто Шмидт не требовал таких усилий.

Как и всегда, Малвани предвосхитил мой следующий запрос и написал, что будет, по возможности, узнавать местонахождение Отто Шмидта в надежде определить, был ли он в округе Нью-Йорк во время убийства Сары.

Если честно, я не верил, что Отто Шмидт имел какое-либо отношение к убийству. Несмотря на обширное преступное прошлое, все его дела сводились к мелкому воровству, а не к жестоким убийствам. Но связь его преступления с Сарой делала из него подозреваемого, и с этими подозрениями мне нужно было разобраться, особенно если на Фромли продолжают указывать лишь косвенные улики.

Я был уверен, что Малвани будет держать меня в курсе событий по этому делу, поэтому на остаток дня я отправился в город. Я собирался разобраться в исчезновении Стеллы и посетить Мамаи Дюран.

Уингейты очень беспокоились из-за исчезновения Стеллы, и я считал, что возможно —

только возможно — Стелла стала свидетельницей чего-то, что сможет стать прорывом в расследовании.

Сначала я зашёл в Колумбийский университет в надежде найти там Алистера, но его там не было.

Я не стал расстраиваться и решил добраться до места на метро в одиночку. Ещё была только первая половина дня, так что миссис Дюран должна быть незанята, а её клуб — относительно тихим.

Только я дошёл до станции на 116-ой улице и стал спускаться в подземку, как услышал зовущий меня голос Изабеллы. Я был так рад её видеть, что не успел опомниться, как согласился, чтобы она сопровождала меня на эту беседу.

Уже спустя пару мгновений я пожалел о своей горячности, но было уже поздно: Изабелла уже сидела рядом со мной в вагоне метро и взволнованно рассказывала о том, что ей удалось узнать от однокурсников Сары. Они вместе с Алистером кратко опросили Лонни Мура — студента, подавшего жалобу на то, что работа Сары не принадлежит ей.

— Но у него есть алиби на время убийства Сары, — пояснила Изабелла. — По крайней мере, если мы можем доверять словам его друга Джона Нельсона.

— Насколько хорошего друга? — спросил я.

— Вероятно, очень близкого и очень давнего, — ровным голосом ответила девушка.

Я бы нашёл этот факт очень подозрительным, если бы Лонни Мур являлся нашим главным подозреваемым. Но было похоже, что на свободе разгуливает гораздо более опасный преступник — убийца, на местонахождение которого, как я надеялся, нам укажет Мама Дюран.

Мы вышли из метро, и мне в глаза сразу бросилось решение проблемы с Изабеллой: чайная Рисмонт. Изабелла может подождать там, пока я схожу к Мама Дюран.

Хоть молодые леди и не могли в одиночестве обедать в ресторанах — фактически, их прямым текстом постоянно просили покинуть заведение — но им всегда были рады в многочисленных городских чайных, где женщины могли посидеть после посещения магазинов. Но когда я предложил это Изабелле, она мгновенно отмела все предложения.

— Не будьте смешным. Естественно, я иду с вами. Раньше вы не возражали, — напомнила она мне, сверкнув карими глазами.

— Да, но я обдумал всё ещё раз, и мне кажется неуместным брать вас с собой, — произнёс я. — Леди не стоит посещать подобные места, особенно в компании мужчины, с которым она знакома всего пару дней.

Мой резкий и неестественный голос выдавал мою неловкость.

Изабелла лишь рассмеялась.

— Я не стану сидеть в какой-то чайной, пока вы занимаетесь делом, Саймон, — произнесла она.

Она впервые назвала меня по имени и сделала это, не раздумывая. Ощущение было странным, потому что уже многие месяцы никто не называл меня так. С тех пор, как сначала умерла Ханна, а за ней — моя мать.

С некоторым усилием я переключил внимание на Изабеллу, которая продолжала со мной спорить.

— Я больше не восемнадцатилетняя девчонка, которая переживает из-за чужого мнения. Я твёрдо намерена сопровождать вас в этот клуб, потому что за сегодня этот разговор обещает быть самым интересным событием. И помните, — мягко добавила она, —

во время исследований Алистера я сталкивалась и с более ужасными ситуациями, чем обычная сегодняшняя среднестатистическая женщина.

— Но вам может быть не комфортно, — слабо сопротивлялся я, думая, главным образом, о собственном дискомфорте, — и вам надо заботиться о своей репутации.

— Саймон, мне будет очень комфортно, и моя репутация не пострадает, — она легонько коснулась моей руки. — Меня не заботят люди, которые станут распространять обо мне слухи среди моих друзей.

Всё было решено уже без меня.

Дверь в здании из песчаника на Западе 38-ой улицы была такой же, как и на остальных домах: массивная, деревянная, с полированным латунным дверным молоточком. Я постучал, и всего пару секунд спустя дверь открыла девочка лет тринадцати-четырнадцати в чёрном платье с белым передником.

Скорей всего, это была привычная практика в таком заведении: клиент не должен стоять долго на улице, где его могут опознать. Но сразу за входной деревянной дверью шёл огромный холл, а напротив — вторая дверь из толстой стали. На ней не было наружной дверной ручки, зато были врезаны три тяжёлых замка.

Нежеланные посетители определённо сюда не попадут.

В середине двери было отверстие, похожее на почтовое для писем. Встретившая нас девочка пояснила, что туда надо опустить записку с причиной нашего визита. Я достал карандаш и замер. Если напишу «Полицейское расследование» — не похоже, что нас впустят. Поэтому я записал: «Мы представляем обеспокоенных друзей Стеллы Гибсон».

Служанка опустила записку в прорезь, и мы стали ждать в тишине. Девочка уставилась на Изабеллу, заставив ту покраснеть, несмотря на прежние уверения. Я предложил Изабелле желатиновую конфетку, которую всегда носил с собой в жестяной баночке в кармане, чтобы прояснить, что Изабелла пришла сюда со мной. Изабелла взяла конфету, и девочка отвела взгляд.

Спустя, казалось, бесконечность, хотя на самом деле прошло минут пять, металлическая дверь со скрипом отворилась, и нас проводили в отдельную комнату, где на столе я за метил стопку визитных карточек.

«МАМИ ДЮРАН. ПОСРЕДНИК В УСТАНОВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ».

Должен признать, услуги, которые она предлагает, были описаны со вкусом. Я познакомился в общих чертах с положением дел после прошлогоднего расследования. Её дела шли прекрасно, она являлась владелицей собственного здания в городе, и как я сегодня увидел сам, внутри этот дом был обставлен богато.

Мягкая мебель обтянута насыщенно-красным бархатом, отороченным золотом, а массивную мраморную столешницу по бокам овивали золотистые ветви. Левый угол комнаты полностью занимал огромный сверкающий чёрный рояль.

Я узнал её, как только она вошла в комнату. Я видел фотографии этой женщины в газетах и в полицейских рапортах, но в жизни она была ещё более удивительной личностью. Высокая, солидная, с полными красными губами, которые были почти такими же яркими, как и её волосы, уложенные плавными волнами в высокую причёску.

Я был уверен, что волосы покрашены хной, потому что никогда прежде не встречал

такой насыщенный натуральный красно-рыжий оттенок. На ней был роскошный пурпурно-золотистый халат, и я подозревал, что она только что встала с постели, хотя было уже обеденное время.

В её хрипловатом голосе слышались медовые нотки её родного Юга, хотя и были они настолько усилены, что я подозревал, что она специально создала себе такой акцент для подчёркивания созданного образа.

— Доброе утро, — произнесла женщина. — Приношу свои извинения, что вам пришлось меня ожидать. Я так понимаю, что вы пришли сюда, потому что беспокоитесь о Стелле Гибсон?

Я в ответ представил нас с Изабеллой, как подобает, и объяснил ситуацию, признав, что поиски Стеллы — это часть полицейского расследования. Я совершенно ясно дал понять, что ни она, ни её бизнес нас не заботят. Почти последней нашей надеждой было то, что Стелла могла связаться за прошедшие дни с кем-то из местных девушек.

Мами не была удивлена вопросам. Полагаю, за столько лет работы в этой сфере она не раз сталкивалась с подобными просьбами — если и не с официальными полицейскими расследованиями, то уж точно с личными запросами.

И я подозревал, что формулируя ответ, она всегда задавалась вопросом, хочет ли девушка, которой интересуются, быть найденной. Учитывая это, я специально подчеркнул тот факт, что Стелла может быть в серьёзной опасности.

Мами Дюран несколько секунд размышляла, но ответила, на мой взгляд, искренне.

— Ах да, Стелла Гибсон. Она была милейшей девочкой. Все здесь говорили о ней только хорошее, — произнесла она. — Но не могу сказать, что видела её здесь с того августа, как она от нас ушла.

— Она ушла без скандалов? — уточнил я.

— Конечно, — ответила Мами. — Она была милой и весёлой, хотя и слишком стеснительной, чтобы удовлетворить большинство джентльменов. Поэтому дела у неё шли и не так радужно, как могли бы идти. Думаю, она слишком напоминала им девчонок из их родной местности.

Дверь открылась, и женщина замолчала. В комнату вошла другая служанка и внесла чайник с тремя чашками.

— Я ещё не пила утром чай, — произнесла Мами Дюран, — поэтому приказала и вам приготовить по чашечке.

Пока служанка не покинула комнату, Мами не возобновляла разговор и расставляла чашки.

— Хорошо, что она ушла, как мне кажется. Когда она захотела нас покинуть, я подтолкнула её в правильном направлении. Я отправила её в одно из тех праведных христианских обществ, борющихся за реформы и управляемых старыми девами с избытком свободного времени. Я слышала, что её устроили к северу от города, возможно, у какой-то праведной старухи, которая радуется, что спасла девушку от грешной жизни.

Её голос был полон сарказма.

Зная Вирджинию Уингейт, я подавил ухмылку, когда услышал подобные слова. Конечно, миссис Уингейт была старой девой, но что-то мне подсказывало, что она не подходила под описание Мами «самодовольной праведницы».

— Стелла дружила здесь с кем-нибудь из девушек? — спросила Изабелла. Если ей и было не комфортно, она это никак не показывала.

— Ну, — Мама на секунду запнулась, — я бы сказала, что она неплохо ладила с Корой Черни. Похоже, они всегда были хорошими подругами.

— Кора сейчас здесь? Мы можем с ней поговорить? — взволнованно спросила Изабелла.

— Нет, — ответила Мама — Она уже съехала, как и большинство успешных девушек. Нашла себе парня ещё богаче, чем прежний, и переехала в новую квартиру в центре города. Я могу дать вам адрес, если хотите с ней пообщаться.

Естественно, мы согласились.

Если слухи не лгали, то история Мама была как две капли воды похожа на историю Кору. Я знал, что Мама была любовницей нескольких мужчин, один успешней другого, и их шикарные подарки и создали накопления, на которые она начала своё собственное дело.

Мама Дюран подошла к секретеру и открыла один из ящиков ключом, висящим на цепочке на шее. Очевидно, в этом доме ничто не остаётся без присмотра. Женщина проверила что-то по книге и сделала пометку на листке бумаги.

— А что насчёт семьи? Не знаете, у Стеллы есть родственники поблизости? — спросил я, когда она снова к нам присоединилась. Миссис Уингейт уверила нас, что у Стеллы не было семьи, но меня интересовало, не знает ли Мама чуточку больше, чем остальные.

Но мнение Мама было таким же.

— О, нет, никакой семьи, в этом я уверена. Отец привёз её сюда, в Нью-Йорк, но вскоре после переезда умер. Сердечная недостаточность, — пояснила она и тяжело вздохнула. — Я не сомневаюсь, что если бы у Стеллы была семья, готовая принять её, она бы туда немедленно вернулась. Но она пришла сюда в отчаянии, и я о ней позаботилась.

Я ощутил укол жалости по отношению к Стелле, потому что встречал многих девочек в своём родном районе, столкнувшихся с подобным сложным выбором. Когда перемены в жизненных обстоятельствах оставляют их один на один с проблемами, а у них нет должного опыта или умений, то выбор не большой.

Некоторые устраиваются на работу швеями или уборщицами, но долгий рабочий день не даст достаточно денег, чтобы оплатить даже скромное проживание и еду. Поэтому некоторые находят лёгкие деньги от занятия проституцией на улице более привлекательными.

Но с таким образом жизни долго живут не многие. Чем дольше они остаются на улице, тем больше вероятность стать жертвой болезней или жестокого обращения. Но Стелла каким-то образом смогла попасть сюда и добиться покровительства Мама Дюран. Интересно, как именно?

Но скорей всего, на этот вопрос не существовало простого ответа, и я лишь надеялся, что какой бы умный план не пришёл Стелле в голову тогда, он поможет ей и сейчас.

Я собирался поблагодарить Мама и попрощаться, когда мне в голову пришла ещё одна мысль.

— Миссис Дюран, я знаю, что вы очень аккуратны в отношении клиентов, но мы расследуем убийство. Учитывая это, мы бы хотели задать вам вопрос относительно одного конкретного подозреваемого.

Мама горланно рассмеялась и откинулась на спинку дивана.

— Вы же настолько наивны, чтобы полагать, что проходящие сюда джентльмены называют свои настоящие имена? — снова засмеялась она. — Вам придётся либо очень точно его описать, либо показать мне снимок.

Я признательно кивнул, достал бумажник и начал искать заложенную между страниц фотографию Майкла Фромли.

Нам повезло, что Мама сразу же не отказалась взглянуть на снимок. Секрет её успеха был в её привычке быть чрезвычайно осторожной и скрытной. Было предельно ясно, что Мама — деловая женщина, ведущая свои дела в полной секретности.

Но стоило ей взять фотографию и посмотреть на неё — сначала бегло, а затем уже пристально — как я заметил перемену в выражении её лица: оно окаменело, несмотря на всё её старания.

Наступила тишина.

— Его зовут Майкл Фромли, — добавил я.

Я расслышал, как она резко вдохнула. Я наклонился вперёд, ничего не произнося, но ожидая её дальнейших слов.

Когда Мама вновь заговорила, в голосе звенела сталь.

— Боюсь, ничем не могу вам помочь, детектив, — она не поднимала на меня взгляд, встала с дивана и направилась к двери.

— Но, миссис Дюран, — быстро произнёс я, бросаясь ей наперерез, — мы подозреваем, что этот мужчина совершил преступление — особо жестокое убийство ной леди, которую знала Стелла Гибсон. Если вы знакомы с ним, мы должны об этом знать.

Мы оба оказались в тупике: я не двигался с места, и она не могла пройти.

— Миссис Дюран, — снова заговорил я, — когда мы только вошли, я дал вам слово, что вы не будете вовлечены в моё расследование. Но я ожидал от вас сотрудничества. Вы же осознаёте, что у меня достаточно прав и власти, чтобы официально вызвать вас на допрос.

И снова тишина.

— Если я вызову вас на допрос, то вы можете закончить свои дни в «Гробнице*», а никто не знает, что в «Гробнице» может случиться. Я слышал, что там очень неприятно, особенно, если оставаться там на длительный срок.

«Гробница» — городская тюрьма, построенная в 1902 году. Расположена в Нижнем Манхэттене.

Мама не повела и бровью:

— Делайте, что пожелаете. Мне больше нечего сказать.

Взгляд её ярко-зелёных глаз встретился с моим, и невозможно было ошибиться в его решительности. А затем она ушла, оставив нас одних.

Снаружи я разочарованно выдохнул и начал яростно расхаживать взад и вперёд.

— Она что-то знает. Что-то важное. И отказывается нам это говорить, — сказал я.

Я напугал её всем, чем мог, но она по-прежнему игнорировала мои слова. Единственное возможное и рациональное объяснение этому — это то, что она боится Фромли ещё больше, чем меня. И я собираюсь узнать, почему.

Изабелла попыталась настроиться оптимистично.

— Возможно, она просто была поражена, — сказала она. — И скоро всё расскажет. Она ведь знает, как с вами связаться.

Но Мама Дюран не станет со мной связываться. Я был в этом уверен, увидев, как при взгляде на фотографию Фромли по её лицу промелькнула тень горечи.

Я мог наказать её, вызвав на допрос в местное отделение полиции. Но этим я больше ничего не добьюсь, и это не даст мне информации, в которой я так отчаянно нуждаюсь.

Внезапно дверь в заведение Мама открылась, и на улицу выскочила вёрткая девчушка.

— Маами сказала передать вам вот это, сэр, — она вложила мне в руку кусок бумаги, — но больше её не беспокоить. Она не хочет ваших вопросов.

Я взглянул на дом Маами, и мне показалось, что в окне на третьем этаже дёрнулась занавеска.

Я посмотрел на лист бумаги. Синими чернилами там был написан адрес дома на Западе 41-ой улицы рядом с Восьмой Авеню и номер владелицы дома миссис Эддисон. Адрес Фромли.

Именно этот адрес был мне так нужен, именно его я так искал последние два дня. Но меня начинало злить то, что Маами Дюран ожидала, будто я возьму эту бумажку и буду ей чрезвычайно благодарен, хотя вполне очевидно, что она знает гораздо больше.

Это было ясно по тому, что она знала настоящий адрес Майкла Фромли, хотя его не могли назвать ни Алистер, ни тётушка Лиззи.

Но причину, по которой Маами отказывалась говорить о Фромли, мы узнаем лишь через несколько дней.

И правда, которую мы выясним, будет даже хуже, чем я себе представлял.

Нам с Изабеллой было сложно стряхнуть с себя разочарование, когда мы оба покинули дом Мамаи Дюран. Мы считали непростительным тот факт, что она обладала нужной нам информацией, но отказалась с нами ею поделиться.

И всё же, я был благодарен ей за то, что она дала нам адрес Фромли. Если, конечно, это был его настоящий и последний адрес проживания. Если повезёт, он приведёт нас и к самому парню.

Но её причины не делиться со мной всей имеющейся информацией были сейчас для меня не так важны. Какими бы они не были, они меркли в сравнении с важностью раскрыть убийство Сары Уингейт.

Когда мы приехали в снимаемую Майклом Фромли комнатку на Западе 41-ой улицы, владелица квартиры миссис Эддисон была дома.

Когда мы показали ей фотографию её жильца, она подтвердила его личность, но уверяла, что он не появлялся здесь с середины октября. Описать его привычки женщина почти не могла, но, по крайней мере, добровольно пустила нас в его комнату. Её молоденькая служанка повела нас на третий этаж.

— Дальше я не захожу, — сказала она, когда мы дошли до верхней лестничной площадки. — Меня от него в дрожь бросает, — кратко пояснила она, но когда мы начали расспрашивать поподробнее, она просто отрезала, что ей «хватает ума держаться подальше от таких, как он».

И она ушла, прежде чем мы успели ещё что-либо спросить.

Изабелла потянулась к бронзовой дверной ручке комнаты Фромли, но я удержал её, пока она не успела открыть дверь.

— А вдруг он внутри? — прошептал я.

— Ой, — дёрнулась она и отступила назад. Её глаза расширились от испуга, когда она заметила в моей левой руке кольт.

Изабелла отошла на два метра по коридору, и я повернул ручку. Дверь открылась с громким скрипом. Я осторожно вошёл внутрь и удостоверился, что в помещении пусто. Я вздохнул с облегчением и высунул голову в коридор, кивая Изабелле, чтобы та вошла.

— Какое неприятное место, — произнесла она, морщась от затхлого запаха в комнате и полумрака.

Оранжевые обои в цветочек плохо гармонировали с тёмно-зелёными задёрнутыми шторами. Мы раскрыли занавески, но всё равно какое-то время пришлось привыкать к царящему здесь полумраку. Когда я снова стал различать контуры предметов, то заметил столик с умывальником рядом с кроватью, а над ним — маленькое зеркало.

Я надел безворсовые хлопчатобумажные перчатки и поместил в чистый пакет чашу для бритья и помазок. На этих предметах непременно должны остаться отпечатки Майкла Фромли.

Я отнесу их в полицейскую лабораторию в Йонкерсе до окончания этого дня в надежде, что они совпадут с отпечатками, которые я ранее собрал в доме Уингейтов.

Когда я покончил со сбором улик, то внимательнее осмотрел комнату. Здесь не было никаких личных вещей, никаких фотографий. Даже книг или журналов не было видно.

«Проводил ли он здесь много времени?» — задавался я вопросом, обводя взглядом

абсолютно пустую и заброшенную комнату. Хотя платяной шкаф был забит одеждой различных размеров и различной степени изношенности.

Похоже, Фромли был барахольщиком и не мог выбросить ни единую деталь гардероба, из которой уже вырос. Изабелла начала обыскивать его шкаф, а я занялся полками в прикроватной тумбочке и спрятанным под кроватью чемоданом.

Через некоторое время я уже был готов предложить уйти, когда взволнованно заговорила Изабелла:

— Саймон, вы должны на это взглянуть. Они были спрятаны под стопкой рубашек.

Она протянула мне папку с документами, и когда я её взял, отвела взгляд и нервно отошла к окну. Но окна комнаты Фромли выходили на вентиляционные трубы, поэтому из окна пробивалось мало света. Девушка развернулась, пересекла комнату и открыла настежь дверь. А ещё спустя пару секунд, не способная выдержать затхлый запах в комнате, Изабелла вышла в коридор.

Я сел на массивный деревянный стул и положил папку перед собой. Изабелла нашла внутри документы с множеством снимков — пугающих снимков, с учётом известной нам одержимости Фромли.

На каждом была изображена девушка, неизменно молодая и привлекательная. Многие фотографии были сделаны случайно: женщины стояли или сидели в метро, трамваях или на парамах.

Знали ли они, что их фотографируют? И если да, представлялся ли Фромли фотографом?

Даже если у него есть один из этих новых рекламируемых «Кодаков», то они слишком громоздки, чтобы их не заметить.

Алистер говорил что-то о том, что женщины, которых Фромли встречает просто на улице, могут особенно возбуждать его интерес. С одной стороны это было интересной теорией, а с другой — полной чепухой.

Но я начал считать фотографии. Двадцать, тридцать, сорок... Внутри было более пятидесяти снимков различных женщин.

Знал ли Алистер о привычке Фромли фотографировать? И как Фромли добился позволения сфотографировать у стольких женщин?

Но ещё более отрезвляющим был другой тип вложенных в папку снимков: фотографии лежащих, как в моргах, трупов.

Я неосознанно вздрогнул, просматривая снимок за снимком. Все трупы были женскими с синяками или другими повреждениями различной тяжести. Подобных фотографий было только десять, но и одной такой было бы слишком много.

Я отбросил вопрос «зачем он захотел сохранить у себя эти фотографии»? Вместо этого я задумался над тем, каким образом он смог получить к ним доступ. Такие снимки можно найти лишь в полицейских рапортах, и то — в отчётах коронера. Простой обыватель не сможет получить подобные фотографии.

Я засунул папку в свой чемоданчик и молча вышел из комнаты, присоединившись к стоящей в коридоре Изабелле. Она выглядела уставшей и взволнованной.

Я не смог придумать ничего утешительного, поэтому просто коснулся её руки, и мы вместе вышли на улицу, где поймали экипаж обратно к центру города, где располагалась «улица жестяных кастрюль» и квартира Клары Мерфи.

Разыскивая Стеллу, мы многое узнали о Фромли, хотя я первоначально ожидал

получить не такую информацию. Надеюсь, определив местонахождение Клары, я смогу найти и Фромли. Папка с фотографиями, лежащая в моём чемоданчике, оттягивала мне руку и напоминала, почему это надо было сделать как можно скорее.

Внутри экипажа Изабелла медленно приходила в себя. Снимки, которые мы только что видели, демонстрировали извращённое мышление Фромли, с которым девушка напрямую прежде не сталкивалась в центре Алистера.

Она часто видела отпечатанные заключения Алистера и его заметки по этому делу, но она никогда сама не присутствовала при этих разговорах с Фромли и самого его видела довольно редко.

Изабелла передёрнула плечами.

— После этих снимков... Он каким-то образом стал для меня более реальным. Они показали, каким он видит мир вокруг себя. Я и не представляла, что столкновение с его миром будет таким пугающим.

Она запнулась и добавила:

— Я знала, что он мечтает, и он одержим ужасными, мерзкими мыслями. Но столкнуться с ними в виде записей на бумаге — это одно, а вот получить такое свидетельство на фотографиях — совсем другое.

— Только помните: он просто человек, — успокаивающе улыбнулся я. — Таким я его вижу. Я не могу его бояться. Потому что в тот момент, когда это случится, моя решимость его поймать может поколебаться.

Я не знал, поверила ли она мне, но Изабелла взяла себя в руки и пояснила, как фотографии, которые мы нашли, согласуются с масштабной идеей Алистера о Майкле Фромли.

— Алистер некоторым образом подготовил меня к подобному, — сказала она. — Он всегда утверждал, что фантазии и мечты Фромли подпитывают его насильственные действия. Именно поэтому Алистер — да и Фред Эббингс — работали над тем, чтобы помочь ему очеловечивать людей вокруг него. Они считали, что чем больше Майкл научится распознавать мысли и чувства других, тем ближе он будет подходить к своей полной реабилитации.

Я ничего не ответил Изабелле, потому что мы как раз добрались до нашей цели — Запад 38-ой улицы. Но то, что мы сейчас выяснили, заставило меня ещё сильнее переживать из-за Клары Мерфи.

Я надеялся, что Клара сможет помочь нам найти Фромли. Но больше всего я надеялся, что мы найдём её в квартире; найдём живую, неизбежную, в безопасности от любого насилия, движимого этим человеком. Факт того, что её последний раз видели в обществе Фромли, заставлял меня беспокоиться о её благополучии.

В отличие от предыдущего вечера, когда это место было пустынным, а большинство жителей отправились на ужин, сегодня холл был заполнен какофонией звуков: какая-то женщина с чувством пела глубоким оперным голосом, и громко, отрывисто звучала «Моя девчонка Сэл» на пианино.

Помещение было шумным, наполненным людьми. Здесь кипела жизнь — прекрасный антидот для нашего настроения после посещения комнаты Фромли. Мы направились к комнате 432, где я — как и прошлым вечером — постучал несколько раз в дверь. Никакого ответа.

— Всё ещё нет дома, — разочарованно вздохнул я. — Попробуем позже.

Я отвернулся от двери и решил найти управляющего, который мог что-нибудь рассказать о расписании и привычках Клары.

— Подождите минутку, — произнесла Изабелла. — Сначала сто́ит что-нибудь сказать. Она может быть дома, но просто не отвечает, из-за того что боится.

Если в этом всё дело, то я не мог представить, что ей сказать, чтобы убедить впустить нас. Вариант «Откройте, полиция!» вряд ли сработает. Но возможно, у Изабеллы получится лучше, чем у меня.

— Попробуйте вы, — настоял я. — У вас получится убедительнее.

Она согласно дёрнула головой и мягко, но уверенно крикнула:

— Мисс Мерфи, вы там? Меня зовут Изабелла Синклер. Мы с другом надеялись с вами поговорить. Мы займём всего пару минут вашего времени.

Мы подождали несколько секунд, а потом услышали звук набрасываемой на дверь цепочки, и я снова поразился дару Изабеллы выбирать верную манеру разговора.

Сначала дверь лишь слегка приоткрылась. В щели показался глаз, окинувший Изабеллу с головы до ног и решивший, что ей можно доверять.

Затем дверь открылась шире, чтобы мы могли пройти.

Внутри было темно, как и в комнате Майкла Фромли. И грязно — кровать была не застелена, бельё засалено, а в раковине высилась гора посуды. И всю комнату заполнял запах мочи из ночного горшка.

Я осмотрелся и заметил выцветшие розовые обои, отклеившиеся от стены. Эта квартира была самой неопрятной из всех, что я видел.

Впустив нас, Клара Мерфи отошла к единственному в комнате креслу — простой деревянной качалке — и осторожно опустилась в него. Мы с Изабеллой одновременно заметили её раны, но Изабелла среагировала первой.

— Мисс Мерфи, вы ужасно ранены! — воскликнула она. — Вам надо срочно посетить доктора.

Клара Мерфи явно опешила от этой идеи. И когда она поняла, что Изабелла настроена серьёзно, то резко отказала ей.

Но она не приняла в расчёт настойчивость Изабеллы.

— По крайней мере, позвольте нам пригласить медсестру прямо сюда.

— Спасибо, но я буду в порядке, — снова отказалась Клара, говоря невнятно из-за отёкших губ. — Мне просто надо отдохнуть, — слабо добавила она.

Я не сомневался, что это так, потому что выглядела она так, словно не спала несколько дней. Да и не ела столько же, если судить по разбитому лицу и синякам на нижней челюсти.

Когда мои глаза приспособились к сумраку в комнате, я разглядел и другие её травмы. Лицо Клары покрывали многочисленные порезы и синяки; левая рука безвольно свисала вдоль тела, и я предположил, что она сломана; клочок волос с левой стороны был вырван; а по той осторожности, с которой она опускалась в кресло, я мог сказать, что под одеждой кроется ещё очень много повреждений.

Она служила живым свидетельством чрезвычайной жестокости, на которую был способен Майкл Фромли.

— Мисс Мерфи, — продолжила Изабелла, — мой друг работает в полиции. Вы позволите детективу Зилу позвонить в местное отделение полиции? Они помогут вам выдвинуть обвинения против того, кто это с вами сделал.

Сара хрипло рассмеялась.

— Мисс, — произнесла она, — я осознаю ваши благие намерения, но вам лучше прекратить. Не обращайтесь внимания на мои раны. И забудьте про полицию. Никто не послушает, что скажет такая, как я. Так о чём вы пришли со мной поговорить?

Хоть мне и стыдно было признавать, она была права. Ресурсы полиции были ограничены, и жалобам женщин, подобных Кларе Мерфи, уделялось мало внимания.

«Слишком долго околачивалась в плохой компании», — вот что сказали бы большинство офицеров. В основе их заявлений лежала уверенность, что истинная леди не может попасть в беду.

Но никто не заслуживает такого обращения, как Клара Мерфи, и я решил пригласить к ней медсестру и разносчика еды, как только мы закончим разговор. И не посмотрю на её возражения.

Если ничего не сделать, её рука всю оставшуюся жизнь будет причинять ей беспокойство. Ей нужна немедленная помощь. И квалифицированная. Мне ли не знать.

Почувствовав, что она хочет быстрее от нас избавиться, я задал вопрос.

— Мы не задержим вас надолго, мисс Мерфи, поэтому я перейду сразу к делу. Что вы можете рассказать нам о Майкле Фромли?

Клара побледнела, но ответ её был чётким.

— Ну, он — именно тот человек, что сотворил это со мной, — она обвела здоровой рукой и так очевидные ранения.

Возможно, мне надо было выразить какое-то сочувствие, но если честно, всё, что я мог — это сосредоточиться на опросе, потому что запах в комнате был просто ужасный.

Наверно, Изабелла думала так же. Она спросила:

— Мисс Мерфи, могу ли открыть на пару минут окно? Свежий воздух пойдёт вам на пользу.

Клара с сомнением на неё посмотрела.

— На дворе ноябрь. Там холодно.

— Да, но солнце яркое. Мы только чуть приоткроем окно, к тому же, ненадолго, — Изабелла пошла на компромисс и добилась согласия Клары. Я облегчённо вдохнул залетевший в комнату свежий воздух.

— Мы ищем Майкла Фромли в связи с недавним убийством, — произнёс я. — Мы так понимаем, вы были с ним знакомы.

Она посмотрела на меня без эмоций, и на мгновение мне показалось, что она меня не слышит. Но она заговорила снова:

— Не расскажете, кого он убил?

— Мы считаем, что он убил молодую девушку к северу от Нью-Йорка, — осторожно сказал я.

— Он её резал?

— Неоднократно. Официальная причина смерти — резаная рана горла, но на теле есть и другие множественные раны.

Я надеялся, что больше она не станет спрашивать. Я обычно не раскрывал деталей происшествия потенциальным свидетелям. И сейчас чувствовал, что если поделюсь с ней некоторой информацией, то она охотней станет с нами сотрудничать.

Клара серьёзно задумалась.

— Мерзкое животное, — наконец выдохнула она. Мы просто ждали, когда она соберётся с силами.

И Клара начала объяснять.

— Я заметила Майкла в начале прошлого месяца, когда он пришёл на моё шоу. Я была на подпевке в мюзикле «Маленький Джонни Джонс»^[44], хотя в ту ночь, когда я его встретила, меня уволили. Директор жаловался, что я постоянно опаздываю на репетиции. Так он платил мне крохи, поэтому мне приходилось устраиваться на дополнительные работы, из-за которых я всё время и опаздывала.

Она замолчала на пару секунд.

— Поэтому, когда он появился, у меня как раз все дела пошли под откос. Я забирала последнюю плату у начальника, а тут подошёл он, с цветами и широченной улыбкой, готовый отвезти меня на ужин.

— Но вы и раньше его встречали? — уточнил я.

Она медленно-медленно, с трудом, поменяла позу.

— Да, встречала, — признала она. — Он приходил то на одно шоу, то на другое, заигрывал с девочками. Он вообще не был в моём вкусе — слишком самодовольный, слишком агрессивный. Не думаю, что я согласилась бы с ним встретиться. Если бы меня тогда не уволили. Но сейчас это уже не важно.

Она продолжила рассказывать свою историю, давая нам как можно больше подробностей, дат и посещённых мест. Майкл Фромли на первых свиданиях вёл себя, как истинный джентльмен: водил её то в рестораны и на представления на окраине города, то в клубы в центре.

Но однажды вечером, когда он здорово напился, а Клара отказалась пригласить его к себе наверх, он её ударил. Лучше бы она прислушалась тогда к этому тревожному звоночку.

Она неделю игнорировала его извинения, но, в конце концов, согласилась встретиться с ним ещё раз. Они пошли в клуб «Фортуна» с субботу двадцать первого числа — это мы уже знали от Иззи. В этот же вечер Фромли подмешал ей снотворное в напиток, а потом отвёз на заброшенный склад у реки и избил до полусмерти.

Когда она пришла в себя, его уже не было. Девушка немедленно отправилась домой, где последние две недели существовала в условиях, в которых мы её и застали.

Описываемый ею мужчина был переменчив. То он разбрасывался огромными суммами денег и находился в прекрасном настроении, то был на мели и легко выходил из себя.

Но когда у него появлялись деньги, он спускал их на развлечения в сомнительных ресторанах и барах, а не в презентабельных заведениях. И большая часть всей суммы за вечер уходила на алкоголь.

— Я знала, что он любит выпить, — угрюмо сказала Клара. — Но не знала, что его проблемы заходят так далеко.

Прежде чем уйти, мы попросили список всех заведений, которые Клара посещала с Фромли за последний месяц и смогла вспомнить. Она была впечатлена, что в трёх или четырёх ресторанах он был постоянным посетителем, поэтому их мы и решили навестить в первую очередь.

Уходя, я предупредил её, что мы пришлём медсестру.

— Я говорю это вам, чтобы вы её ждали и не испугались, — пояснил я. — Вам это ничего не будет стоить; это меньше, что мы можем сделать, чтобы отблагодарить вас за разговор с нами. И, похоже, вашу сломанную руку надо срочно лечить.

Когда мы закрывали за собой дверь, то всё ещё слышали её слабые протесты.

Мы остались на 28-ой улице, перейдя перекрёсток Бродвея и Шестой авеню — дома

большинства музыкальных издателей.

Мы с Изабеллой не разговаривали — в любом случае, в этой какофонии было бы непросто услышать друг друга.

Мы как раз прошли мимо издательства Пола Дрессера^[45], когда моё внимание привлёк певец и пианист, исполняющие импровизацию джаза. И тут меня неожиданно толкнул в спину мужчина, шедший позади, и я растянулся на земле.

Я тяжело приземлился на большую правую руку и задохнулся от боли, пронзившей всю конечность до плеча.

Напавший на меня мужчина одной рукой пытался выхватить мой кожаный чемоданчик, а второй — выдавить мне глаза. Я вывернул голову и увидел, что Изабелла лежит на земле, но к счастью, рядом с ней никого не было.

Значит, нападавший только один. Он и толкнул меня в спину, сейчас прижимая к тротуару. Я почувствовал что-то солёное на языке и понял, что это кровь. И прежде чем на меня навалилась привычная слабость, сработали инстинкты, и я изо всех сил врезал локтем назад. Одеревеневшей правой рукой я мог лишь мёртвой хваткой вцепиться в свой чемоданчик. Мужчина продолжал систематически наносить мне удары по рёбрам, пытаюсь заставить отпустить портфель.

Не взирая на выворачивающую внутренности боль, я сконцентрировался на ударах локтем по нападавшему и сквозь пелену сыплющегося града ударов слышал, как Изабелла зовёт на помощь.

Помощь пришла в виде двух исполнителей джаза. Певец — высоченный африканец — поднял с меня нападавшего мужчину с лёгкостью, которой я позавидовал. Его напарник — сморщенный пожилой мужчина — помог Изабелле, а потом присоединился к певцу, прижимавшему нападавшего к стене.

Я поднялся на ноги и направился к Изабелле. Я не заметил никаких внешних повреждений, кроме пятен грязи на её пальто. Она была потрясена, но не пострадала.

— Вы ранены? — уточнил я.

Она храбро улыбнулась и ответила:

— Я в порядке. Спасибо. Вам обоим, — последняя фраза была обращена к нашим спасителям.

Я бегло осмотрел собственные травмы. Всё происшествие заняло от силы минуту или две, но нападавшему удалось нанести мне несколько существенных ударов.

Всё лицо покрывали царапины, на рёбрах, я уверен, были синяки, но ничего не было сломано. Я достал платок и промокнул самую кровоточащую ссадину под левым глазом.

— Вы знаете этого человека? — насыщенными баритоном спросил певец.

Нас окружила толпа зевак. Я уставился на нападавшего, зажатого между кирпичной стеной и моим спасителем.

Это был крупный мужчина около ста восьмидесяти сантиметров ростом с выпирающим брюхом. Его лицо было одутловатым, заросшим неровной щетиной, а на голове торчал короткий «ёжик». Я порывался в памяти, вспоминая несколько последних дел, но был уверен, что вижу его впервые.

Я качнул головой.

— Думаю, вы тоже его не знаете? — обратился я к Изабелле.

— Не знаю, — ответила она.

— Как тебя зовут? — спросил я, приближаясь к нападавшему.

— Не твоё дело! — огрызнулся тот, но в ответ получил ощутимый тычок под рёбра от певца.

— Думаю, тебе лучше отвечать, когда этот джентльмен тебя о чём-то спрашивает. Попробуем ещё раз.

Певец глянул на мужчину, которого прижимал к стене. Если мой нападавший был сто семьдесят семь — сто восемьдесят сантиметров ростом, то мой спаситель возвышался над ним на добрых пятнадцать сантиметров. И к тому же, он был в прекрасной физической форме.

— Хэл Джонс.

Мне это ничего не говорило.

— И по какой причине ты напал на этого джентльмена? — похоже, мой спаситель был так же намерен довести всё до конца и добраться до сути, как и я.

— Ни по какой, — с запинкой произнёс нападавший, всё больше нервничая. Кажется, он начал осознавать, в какую ситуации попал.

— Так ты хочешь мне сказать, что ты из тех, кто нападает на леди и джентльменов безо всяких причин? Да я ни на секунду не поверю, — произнёс высокий певец.

— Ты в курсе, что напал на офицера полиции? — добавил я, строго глядя на нападавшего.

Теперь его зрачки расширились от страха:

— Он об этом ничего не говорил. Я сделал это только ради денег.

— Каких денег? Тебе кто-то заплатил? — спросил я, внимательно на него глядя.

— Мне заплатили десять баксов, — ответил он. — Где-то с полчаса назад, когда я выходил от Моретти, ко мне подошёл мужик. Я как раз проигрался в пух и прах, и мне были нужны деньги, — он посмотрел на меня, а потом на певца. — Эй, может, отпустишь меня. А то не очень удобно.

— Не-а, — ответил певец. — Перебьёшься. А теперь внимательно отвечай на вопросы офицера.

— Он дал тебе десять долларов авансом? — удивился я.

Нападавший кивнул.

— Ага. И сказал, что если отберу у тебя сумку, то он меня найдёт и добавит ещё денег.

Я оглядел окружавшую нас толпу. Может, Фромли за нами наблюдает?

— Как он выглядел? И как он меня описал?

Мужчина ухмыльнулся.

— Он вас не описывал. Просто сказал, что это будет человек, который выйдет из этого дома, — он кивнул на здание, в котором была квартира Клары, — с прелестной цыпочкой, — кивнул он на Изабеллу. — А выглядел он... ну, обычно, короче. Коричневая шляпа, коричневое пальто. Среднего телосложения. Лица я не видел. Он ни разу прямо на меня не взглянул.

— Это был он? — показал я ему снимок Фромли, который носил с собой.

— Может быть. Не могу сказать. Слушайте, мистер, ничего личного. Мне просто были нужны деньги.

В этот момент через толпу протиснулись двое полицейских из округа Тендерлоин и немедленно направились к певцу и его напарнику, угрожая дубинками.

— Отпустите этого человека, сейчас же! И руки вверх, чтобы мы их видели!

Их предвзятое отношение было очевидно, и мне стало стыдно перед моими

спасителями, у которых, к тому же, по лицам можно было прочесть, что такое обращение для них привычно.

Я вышел вперёд и протянул полицейским своё удостоверение.

— Вы неправильно поняли. Этим людей надо наградить за оказанную мне помощь. А арестовать надо другого, — я кивнул на мужчину с брюшком, по-прежнему прижатого к зданию. — За нападение на офицера полиции.

— Вы уверены? — более старший офицер окинул взглядом толпу, выискивая любого, кто сможет опровергнуть мои слова.

— Уверены, — ответила Изабелла, твердо встречаясь с ним взглядом. — Все, стоящие здесь, кто видел случившееся, расскажут вам то же самое.

— Ладно, — старший офицер всё ещё выглядел подозрительным, но направился к певцу, забрал моего нападавшего и сразу же заковал в наручники. — Значит, вы будете выдвигать обвинения?

— Естественно, — ответила я.

Я ещё раз поблагодарил мужчин, которые нам помогли, и мы с Изабеллой направились за двумя офицерами в здание Девятнадцатого участка, где написали заявления для выдвижения обвинений.

Оттуда мы направились к станции подземки на 33-ей улице и сели на ближайший поезд, двигавшийся в северном направлении. Мы отправлялись в исследовательский центр, где я надеялся наконец-то встретиться с Алистером. Этим вечером мне очень сильно хотелось с ним поговорить.

Я был полностью поглощён мыслями о том, что сегодня случилось: об отвратительных фотографиях, которые мы нашли в шкафу Фромли, об ужасных травмах, которые он нанёс Кларе Мерфи, о нападении, организованном на меня Фромли — а это не мог быть никто другой, кроме него.

Это была не случайная атака. В моей голове пронеслись несколько версий развития событий, и я решил, что скорей всего, Фромли шёл за нами дома миссис Эддисон, где он снимал комнату.

А затем, пока мы были у Клары Мерфи, он спланировал нападение и подкупил Хэла Джонса, чтобы тот ему помог. А это подразумевает определённую долю планирования и дальновидности, которые, учитывая заявления Алистера, я от него никак не мог ожидать.

Я хотел услышать, что думает по этому поводу Алистер, потому что меня поразила одна деталь: это нападение было спланировано не просто для того, чтобы меня напугать. Мужчина пытался похитить мой чемоданчик.

Если предположить, что Фромли к этому причастен, то ему пришлось пойти на многое, чтобы вернуть и уничтожить найденные мной улики: фотографии, чашу для бритвы, которую я взял для снятия отпечатков, и даже мои записи по этому делу. Мне повезло, что чаша не разбилась во время схватки.

А, может, он знал, что именно я взял? Если так, то значит, он осмотрел свою комнату после того, как мы с Изабеллой её покинули.

На грани сознания замаячила некая беспокоящая меня мысль, и я сначала никак не мог её ухватить.

Мог ли кто-то иной — не Фромли — организовать нападение на меня сегодня днём?

Естественно, у меня были враги по прошлым расследованиям в Нью-Йорке. Но сам по себе выбор времени делал Фромли подозреваемым. Мы посетили его комнату и расспросили

его последнюю девушку перед самым нападением. И кому ещё могла понадобиться моя сумка?

Наверно, самым тревожащим в этом происшествии было то, что человек, которого мы пытались найти, сам нашёл нас. Неприятное чувство.

Рассуждая так, я ощутил новую уверенность в том, что Алистер был прав: Майкл Фромли, должно быть, действительно убийца, которого мы ищем. Я идиот, если до сих пор в этом сомневался.

И я буду ещё большим идиотом, если не приложу всех усилий для его немедленной поимки.

Я бы предпочёл отправить Изабеллу напрямик домой, ведь она была явно озабочена сегодняшними событиями, но девушка настояла на возвращении в исследовательский центр.

Я подозревал, что она, помимо всего прочего, хочет поговорить с Алистером. И ещё она оставила в центре собаку и не хотела ни слова слышать, чтобы возвращаться домой без неё.

— По крайней мере, вам стоит что-нибудь съесть, — предложил я, когда мы подошли к офису Алистера.

— Вы не попросите миссис Либ что-нибудь приготовить? Не важно что, — тихо попросила Изабелла.

Вчера я узнал, что Алистер организовал в здании своего центра кухню, которой управляла миссис Либ — ответственная женщина, приехавшая к Алистеру из Англии для мелкой бумажной работы и уборки помещений в исследовательском центре.

Когда Колумбийский университет впервые получил корпус в этой части города, эта кухня стала необходимостью, ведь в округе не было ни одного заведения для обеда. Это теперь здесь начали появляться рестораны и кофейни и стало гораздо удобнее.

Кабинет Алистера был пуст, но на первом этаже в холле работали Фред Эббингс и Том Бакстер.

— Что с вами произошло? — спросил Том, заметив на моём лице царапины. Я рассказал ему о событиях сегодняшнего дня, и мужчина согласился, что такое поведение не вписывалось в то, чего они ожидали от Фромли.

— Я думал, он заляжет на дно, — сказал Том. — Он тот, кто бежит и прячется, а не следит за расследованием с близкого расстояния. Интересно, считает ли он, что у вас есть улики, доказывающие его причастность к убийству?

— А если и так, — шмыгнул носом Фред, — почему его это заботит? Майкл никогда не задумывался о будущем. Он жил сегодняшним днём. Именно поэтому сегодняшнее нападение, к примеру, кажется мне выходящим за рамки его характера. Оно предполагает определённую долю предвидения и планирования — черт характера, которые, как я всегда считал, у Фромли отсутствуют.

— Ему хватило получаса, чтобы спланировать и осуществить нападение, — вмешался я. — Это не так уж и много времени. А ещё надо было спланировать, как найти в округе Тендерлойн человека, который согласится на подобное за пару долларов.

Все молчали. Я сменил тему и спросил:

— Вы видели Алистера?

— Он приходил сюда утром, — пожал плечами Фред. — Мы пересматривали записи о наших разговорах с Фромли за август этого месяца. Я как раз перечитал один из таких разговоров — обсуждение Майклом нового видения наяву. Что примечательно, в этом сне он впервые убил себя и пытался избавиться от собственного тела.

Фред гордо вскинул голову.

— В то время я посчитал это прекрасным знаком — доказательством того, что он преодолевает своё прежнее «я».

Я уставился на него, не веря своим ушам: для меня это звучало, как необдуманная чушь. Неужели он действительно считает, что подобные случаи помогут мне определить местонахождение Майкла Фромли?

— Да, ты всегда считал, что он пытается уничтожить и похоронить свои жестокие импульсы, причём буквально, — мягко произнёс Том и сменил тему. — Послушайте, Зиль, у вас был сложный день. Дайте мне список посещённых Фромли ресторанов, который предоставила вам Клара Мерфи, и позвольте мне самому проверить их сегодня вечером.

К тому времени, как я снова присоединился к Изабелле в комнате для совещаний, миссис Либ принесла нам поднос с супом и хлебом.

— Спасибо, — благодарно отозвался я. — Алистер ушёл до конца дня?

Я откусил кусок великолепного мягкого хлеба. Миссис Либ подогрела его вместе с супом.

Женщина усмехнулась:

— Да вы по нему скучаете. Сегодня он отправился на званый ужин, а вечером идёт в оперу. Заказал ложу, как и всегда. Сказал, что не может пропустить сегодняшнее пение Карузо^[46].

— И не оставлял никаких сообщений?

Миссис Либ пожала плечами:

— Через меня — точно нет. Простите.

Чем Алистер занимался весь день? За сегодня я с ним ни разу не переговорил, несмотря на то, что предполагалось, что он будет оказывать максимальную помощь в моём расследовании.

— Так уж работает Алистер, — произнесла Изабелла, глядя на меня понимающе. — В душе он одиночка, особенно когда задумывается над очередной сложной задачей. И когда он найдёт её решение, то снова объявится. Я видела, как он поступает так снова и снова. К тому же, — улыбнулась она, — на этот день он одолжил вам меня.

— Справедливо, — согласился я.

Изабелла мне очень помогла, хотя если уж говорить начистоту, встретились мы с ней сегодня совершенно случайно.

— Саймон, вы ранены! — у Изабеллы мгновенно поменялось выражение лица, и она, не отрываясь, смотрела на мою правую руку.

Я опустил взгляд и не заметил ничего необычного. А потом осознал, что она никогда прежде не могла видеть моё старое ранение, потому что на мне всегда был пиджак или пальто.

Они скрывали увечье — или точнее, делали его не таким заметным. Но сейчас я сидел в одной рубашке, и стало очевидно, что моя правая рука висела вдоль тела под странным углом и плохо двигалась.

— Это старая травма, — поспешил я успокоить Изабеллу, — хотя, должен признать, что после сегодняшней схватки она стала сильнее болеть.

— Как это случилось? — спросила девушка, подув на ложку супа, пытаясь его остудить.

— Профессиональная небрежность, — сухо ответил я. — Кость была сломана в одном месте и размозжена в другом, а врач, который мной занимался, неправильно её сопоставил. И не заметил этого, пока не стало поздно. Конечно, это не полностью его вина. На него свалилось столько пациентов...

Мой голос охрип, и я замолчал.

— В любом случае, чего уж сейчас вспоминать. Меня мучают артритные боли, особенно в холодное и сырое время года, и силы в правой руке заметно поубавилось. Но я почти всегда справляюсь.

— Уверена, её можно вылечить. Или, по крайней мере, улучшить функцию.

— Конечно, можно. Хирургически. Но хирургия — это время и деньги, а на выходе — никаких гарантий. Я и так неплохо справляюсь. К счастью, я левша.

Я улыбнулся, пытаясь развеять мрачную атмосферу. Но, похоже, Изабелла интуитивно поняла, что за всем стоит некая более жуткая история, и я готов ей её рассказать.

Её карие глаза встретились с моими:

— Вы получили это ранение на службе?

Кто-то постучал в дверь.

— Что-то вроде того. Думаю, эту историю я расскажу вам в другой раз.

Я поднялся, пересёк комнату и открыл дверь, приглашая Горация Вуда войти.

— Я просто принёс пару записей для профессора Синклера. Думал, что он здесь, с вами, — пояснил Гораций. — Вот мои заметки о том, что я выяснил о политической активности Сары из университетской газеты и от однокурсников, — Гораций колебался. — Может, в таком случае, вы их посмотрите вместо профессора?

— Конечно, прошу вас, — произнёс я.

Со слов миссис Лид, Алистер будет занят сегодня весь вечер, а у меня, напротив, будет куча свободного времени, пока поеду на поезде домой.

Изабелла в очередной раз отказалась от моего предложения проводить её до дома, поэтому я вышел из здания офиса вместе с Горацием. Я решил поддержать разговор, чтобы избежать неловкости.

— Вы домой? — спросил я.

— Пока нет. Я собираюсь на важное собрание, организованное Муниципальной Лигой Собственников, — отрывисто и резко сказал Гораций.

— Кем? — уточнил я.

— Независимой партией, основанной Херстом, — Гораций был поражён, что я этого не вспомнил. — Сегодняшний митинг должен показать, что людей, ждущих реформ и перемен, не сможет запугать машина Таммани.

— С этим расследованием у меня почти не остаётся времени, чтобы следить за новостями о выборах, — примирительно заметил я. — Но я видел заголовки газет в городе. Похоже, все согласны, что голосование во вторник было подтасовано.

Это было правдой. Даже заклятые враги Уильяма Рэндольфа Херста поддерживали его.

Херста, владельца «Нью-Йорк Джорнал», не любили и не уважали его противники. Не даже владельцы таких крупных изданий, как «Уорлд» и более консервативный «Сан» признавали, что у Херста есть основания для официального подсчёта голосов.

— Бесстыдное воровство — вот что это было! — взъярился Гораций. — Вы видели, что со мной во вторник случилось, — он коснулся лиловой шишки на виске. — А для рабочих на окраине всё прошло ещё хуже. Я не верю, что существует хоть один шанс на то, чтобы МакКеллан остался на посту.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Он практически выплюнул эти слова.

Решив перейти на более дружелюбную почву, я предположил:

— А ваша невеста тоже сегодня идёт с вами на митинг? Кажется, Изабелла упоминала, что у вас свадьба следующим летом.

Но я задал неверный вопрос. Гораций разозлился и уязвлено ответил, что его невеста недавно расторгла помолвку.

Я попытался выбрать новую тему для разговора, потому что от предыдущих двух Гораций только сильнее разозлился.

— Как давно вы помогаете Алистеру в его исследованиях? — спросил я.

— Почти семь лет. Я был выпускником в этом университете, а мой научный руководитель по биологии некоторое время сотрудничал с профессором Синклером. Пару лет назад он бросил работу с профессором, но я остался. Эта работа обеспечивает занятие наукой без необходимости преподавания.

Я вспомнил свои институтские годы и мог прекрасно понять, почему Гораций старается избегать учебных аудиторий.

Из-за его неопрятного вида и гнусавого голоса студенты вряд ли станут его уважать, и типичный студент превратит его занятия в кошмар.

— Работа с профессором Синклером — это обучение. Но иногда я узнаю даже больше, чем хотел бы. Знаете, когда профессора полностью поглощает очередной случай, он может забыть о самом важном.

Я подумал, что Алистер легко может забыть о таких простых вещах, как завтрак, поэтому добродушно заметил:

— Хорошо, что у него есть миссис Либ, которая позаботится, чтобы никто не остался голодным.

Я бросил взгляд на Горация и увидел, что тот абсолютно серьёзен.

— Нет, — произнёс он. — Я узнал вещи, которые беспокоят мою совесть и не дают мне спать по ночам.

Я сочувственно кивнул:

— Я понимаю. Узнавая о таких преступниках, как Фромли, можно легко потерять сон.

— Ну, профессор и сам... — Гораций остановился.

Но он разжёл мой интерес сильнее, чем я хотел в том признаваться.

Я подтолкнул его, надеясь услышать больше.

— Уверен, что вы ошибаетесь. Странно думать, что Алистер может заставить кого-то видеть кошмары по ночам.

Я сказал это со смешком и получил эффект, которого добивался: Гораций расстроился, что я не смог его понять.

— Я не об этом. Профессор сам в этом виноват, — он снова зашагал по улице. — Но я не должен слишком много рассказывать. Это не моё дело, и профессор всегда ко мне хорошо относился. Он щедр на рекомендации и обучение, а пару раз помогал мне выбраться из настоящих неприятностей.

Он засунул руки в карманы и пристально посмотрел на тротуар перед нами.

Я попытался решительнее подтолкнуть его к дальнейшему рассказу.

— Алистер помогает мне с важным делом об убийстве. Если вы считаете, что мне следует что-то знать, то думаю, ваш долг — сказать это мне.

— Ну... — он заколебался, но спустя краткий миг начал рассказывать. Горация волновали методы Алистера и то, как они связаны с большими политическими целями.

Очевидно, его беспокоило, что Алистер использует свои связи для того, чтобы «выпустить преступников на свободу». И хоть я не верил, что Алистер именно это имел в виду под своей идеей реабилитации, Гораций был непреклонен.

— Он приносит результаты своих исследований в суд и описывает преступника как личность. Он даёт основания защите, объясняет, почему преступник повёл себя именно так,

и что такое поведение обозначает.

Он предсказывает, на какую дорожку в будущем станет обвиняемый: станет закоренелым преступником или его можно будет реабилитировать. А по мнению профессора, их всех можно реабилитировать. И он говорит и говорит, пока и судья, и присяжные не забудут, какой мерзкий поступок привёл обвиняемого на скамью подсудимых.

А если это не срабатывает, — продолжал Гораций с болью в голосе, — он обращается к иным, менее традиционным методам. Поверьте, нет ничего, на что профессор не пошёл бы ради собственного исследования.

— Уверен, вы преувеличиваете, — произнёс я, слушая, тем не менее, его рассказ с немалой долей беспокойства.

— Спросите его как-нибудь о Мойре Ши, и сами всё увидите, — со знанием дела ответил Гораций.

— Упомяните её имя хоть единожды и посмотрите, что он скажет. Вас удивит — нет, даже шокирует — на что он готов пойти ради научного прогресса. И вы поймёте, почему стоит дважды подумать, прежде чем ему доверять.

Теперь его голос опустился до шёпота.

Я смотрел на него во все глаза, не зная, как реагировать. Я видел, что Гораций — человек самоуверенный и неплохо воспитанный, но сейчас он абсолютно серьёзно выдвигал обвинения против мужчины, который платит ему зарплату и помогает в научных исследованиях. Хотя, к его чести, стоило признать, что выглядел Гораций при этом пристыженным.

— У меня сейчас нет времени на загадки, — сказал я. — Мы занимаемся очень сложным расследованием. Вы либо рассказываете, либо больше не возвращаетесь к этому разговору.

— Вы правы, — вскинул Гораций голову. — Вы должны это знать, и лучше вам услышать это от меня. Мойра Ши была первой девушкой, которую убил Майкл Фромли. Он ударил её ножом четырнадцать раз. Это произошло за два месяца до того, как против него были выдвинуты обвинения в покушении на убийство Кэтрин Смедли.

Полиция никогда не связывала его с убийством Ши. Но Алистер Синклер знал это. И ничего не сделал. Он помогал Фромли и покрывал его, хотя правосудие давно должно было отправить Фромли на электрический стул.

Он на минуту замолчал, давая мне время переварить информацию.

— Спросите у него, почему в деле Смедли перед самым судом самого опытного прокурора окружной прокуратуры — Хогарда — сместили и заменили его новичком. Даже ходили слухи, — доверительно наклонился Гораций ближе ко мне, — что профессор подкупил судью Хансена, близкого друга семьи, чтобы повлиять на ход дела.

Обвинения были резко отозваны, и дело развалилось. Я хочу верить, что рассказанное мной — неправда. Но факты остаются фактами. И они поднимают много вопросов.

Я молчал. Гораций бросил на меня последний смущённый взгляд.

— Лучше будьте осторожны, детектив.

И он ушёл.

А я остался стоять в одиночестве на углу Бродвея и 114-ой, абсолютно ошеломлённый тем, что слова Горация могут быть правдой.

Я почти бежал, не в силах совладать с кипящими эмоциями. Ярость алыми всполохами застилала глаза, когда я шёл по Риверсайд-драйв, и даже вид мирно мерцающего в лунном свете Гудзона не мог успокоить бушующие эмоции, взявшие верх над разумом.

Я инстинктивно направился в центр города. Удар от предательства был силён: моя злость на Алистера смешалась с отвращением из-за моей собственной неспособности распознать его двуличность. Если Гораций был прав, значит, мне лгали, мной воспользовались в самой эгоистичной манере.

И что ещё хуже, Алистер пренебрёг как этическими так и профессиональными обязанностями. Почему же я не спросил его раньше? Неужели я был так ослеплён его знаниями, что забыл об инстинктах, которым всегда следовал?

Пройдя двенадцать кварталов, моя злость поутихла, и верх взяла холодная логика. Обвинения, выдвинутые Горацием, были серьёзными, и прежде, чем я мог бы их оценить, мне стоит взглянуть Алистеру в глаза и услышать его объяснение.

Миссис Либ сказала, что он сегодня вечером будет в опере. Для Алистера посещение оперы было скорее светским мероприятием, нежели музыкальным событием. Он выкупил всю ложу, и я не сомневался, что сегодня вечером она будет заполнена его светскими друзьями.

Это было напоминанием того, что он родился в атмосфере достатка и известности, которые я не совсем понимал. Но принять мог. Но не дали ли они Алистеру ощущение власти, чувство превосходства над законом? Вот этого я не приму никогда.

Я вышел на Бродвей и поймал экипаж до 39-ой улицы, где находилось здание Метрополитен-оперы.

К счастью, я приехал как раз в начале первого антракта, потому что, несмотря на моё полицейское звание и знание о расположении ложи Алистера, несговорчивый администратор отказался пропустить меня внутрь во время выступления.

— Если это не вопрос жизни и смерти, то я вас не впущу. Особенно во время сольного выступления Карузо — мистер Конрейд меня уволит, — упрямо произнёс мужчина, ссылаясь на главного управляющего — поклонника их новой оперной дивы. — Вам придётся подождать.

Думаю, я сумел бы настоять на своём, но похоже, борьба того не стоила. Сидя в вестибюле, я слушал громкий тенор Энрико Карузо, и когда его пение достигло крещендо, я осознал, что всей душой надеюсь, что Гораций Вуд — жестоко ошибающийся неблагодарный ученик. Что угодно, лишь бы это не было правдой.

Когда, наконец, упал занавес и включился свет, я направился в ложу Алистера, пробираясь через толпу нарядно одетых богачей, спешащих в бар.

К счастью, Алистер был ещё в ложе и небрежно потягивал из бокала шампанское, болтая с женщиной в зелёном платье, увешанной бриллиантами. Он не заметил меня, пока я не прервал их разговор.

— Алистер. Мне нужно срочно с вами поговорить. Прошу вас спустить со мной вниз.

Даже я сам понимал, что мой голос звучит странно, натянуто и необычно формально.

— Зиль! Что вы, ради всего святого, здесь делаете? — удивлённо спросил он, приподнимаясь в кресле. — Что-то случилось?

— Мне нужно с вами поговорить, — снова произнёс я. — Снаружи, где нас никто не услышит.

— Тогда я спущусь через пару секунд и найду вас в вестибюле. Мне нужна минутка, чтобы попрощаться.

Я повернулся к выходу и услышал, как Алистер приносит свои извинения.

— Валерия, вам что-нибудь принести, когда я вернусь? — обратился он к женщине за моей спиной.

— Алистер, — надула дама губы, — вам действительно надо прямо сейчас уходить? С этим невоспитанным мужланом? Да он ворвался сюда, а сам даже не одет в соответствующую вечеру одежду! Но думаю, я смогу вас простить, если вы будете так добры и принесёте мне ещё бокальчик шампанского, когда будете возвращаться.

Её игривый смех был последним, что я слышал, выходя из ложи.

Мне никогда не нравились светские дамы. По крайней мере, те из них, кого я встречал. Хотя, должен признать, что встречал я лично немногих. Но те, с кем пересеклись мои пути, пусть и ненадолго, казались мне неестественными. И эта леди определённо не была исключением.

— Ну что ж, Саймон, — радостно произнёс Алистер, подходя ко мне в вестибюле. — Что такое важное произошло, что вы оторвали меня от прекрасной музыки и отличной компании столь драматичным образом?

Его щёки слегка покраснели от выпитого шампанского, и я подумал, что ему было бы неплохо отказаться от следующего бокала.

— Мойра Ши, — обвиняющим тоном произнёс я. — Я хочу услышать, что вы мне расскажете о Мойре Ши.

Алистер слегка вздрогнул, но голос его остался спокойным.

— И где вы о ней слышали? Она умерла почти три года назад, и её смерть не имеет никакого отношения к нашему текущему делу.

«Нашему делу». Эта фраза ещё раз напомнила мне, насколько близко мы стали сотрудничать в последние несколько дней.

— Неважно, где я услышал о ней. И я сам решаю, что имеет отношение к моему делу, а что — нет.

Фраза вышла даже более резкой, чем я того ожидал, и Алистер бросил на меня удивлённый взгляд.

— Идёмте, — он направился в сторону 40-ой улицы, где прогуливались несколько человек. — Думаю, нам нужно более тихое место для подобной беседы.

Пройдя пол квартала, мы по обоюдному согласию зашли в маленький ирландский паб. Нашли небольшой столик в углу, подальше от толпы возле бара. Алистер сразу заказал две пинты стаута^[47], хотя ни он, ни я не хотели пить.

Я смотрел на него, ожидая, когда он начнёт рассказ, и, стараясь не обращать внимание, на то, что все внутренности скрутило в узел.

— Я надеялся, что мне никогда не придётся вам об этом говорить, — сказал Алистер. — То, что я собираюсь рассказать, знали только мои ближайшие помощники в исследовательском центре. Кто из них вам рассказал? — угрюмо уточнил он. — Полагаю, это был Гораций, он у нас известный болтун. К тому же, я не верю, что Фред предал бы моё доверие.

Я даже не обратил внимания на его вопрос.

— Я должен знать о Мойре Ши, — настойчиво сказал я.

Алистер сделал глоток эля и промокнул оставшуюся на губах и усах пену от пива салфеткой.

— Когда я пришёл к вам утром в эту среду, я рассказал вам кое-какие подробности о моём решении работать с Майклом Фромли.

— Да, помнится, вы говорили, что просили о сделке — отпустить его под вашу опеку, потому что он ещё «не пересёк черту», так сказать. Несмотря на тенденцию к жестокому поведению, он ещё не совершил убийство. Это было единственной причиной, почему я понял вас. Понял, что вы верите, что ваше исследование — а именно, работа с Фромли — так важна. Но это ведь была неправда, не так ли?

Я уставился на него, ожидая ответа.

— Мне тогда было тяжело объяснить, потому что вы не видели разницы между попыткой убийства и совершённым убийством, — ответил Алистер.

— Я пришёл к вам тем утром, потому что слышал о вашем отношении к новым идеям. Мои связи в полиции сообщали, что у вас отличная репутация в этом вопросе, и вы готовы учиться новому, в отличие от старших коллег. Я чувствовал, что вы сможете понять, почему то, что я хотел узнать от Майкла Фромли, было так важно.

— Да, — нетерпеливо перебил я его плавный разговор. — Но я никогда не пожертвую справедливостью во имя знаний. И никогда не стану рисковать ради этого жизнями других людей. Разве не именно это вы здесь устроили?!

Я знал, что моя речь звучала обвинительно, но не мог сдержаться.

— Расскажите мне правду о Мойре Ши, — потребовал я, — всю историю целиком, ничего на этот раз не упуская.

В ответ Алистер громко ударил кулаком по столу, заставив наши бокалы подпрыгнуть.

— Саймон, не будьте таким узко мыслящим! Вы можете увидеть и понять в происходящем сложности с точки зрения морали. Я знаю, что можете, ведь именно поэтому я вас и выбрал для этого дела!

— Что значит, вы «выбрали меня» для дела? — уточнил я. — Вы не могли меня ни для чего выбрать. По печальному стечению обстоятельств в районе моей юрисдикции была убита девушка. Вы связались со мной, спустя всего несколько часов после совершения убийства. Если у вас была важная информация, то у вас не было иного выбора, кроме как обратиться ко мне.

И всё же меня посетила мысль: возможно ли, что этот человек манипулировал мной даже больше, чем я представлял на данный момент.

Алистер был непреклонен.

— Вы не правы. Для человека с моими связями достаточно нескольких часов, чтобы выяснить о вас всё, что мне было нужно. Я мог обратиться даже к вашему шефу Хили, хотя его подозрения на счёт меня, возможно, даже более страшные, чем ваши.

А если принять во внимание мои контакты в Йонкерсе — с более широкой юрисдикцией в этом деле, чем ваша — то я определённо мог выбрать кого-нибудь из их сотрудников. Но я выбрал вас. Потому что мне говорили, что вы обладаете интеллектуальными возможностями осознать важность моей работы.

А моя работа тесно связана с вашими собственными интересами. И вообще, наши пути могли пересечься естественным способом, если бы вы не бросили Колумбийский колледж.

Я поражённо уставился на Алистера. Я понятия не имел, как он смог узнать о той части

моей жизни, и мне не нравилось, что он знает больше, чем должен. Каким-то образом это казалось мне двойным предательством: он воспользовался мной как в профессиональном, так и в личном плане, утаив информацию, которая, как он прекрасно знал, была важна.

— Да, — продолжил он, — да знаю, что ваш отец всё проиграл и бросил вас с матерью. Вам пришлось оставить колледж, чтобы обеспечивать мать и сестру, так? Жаль, я считаю, это просто была чертовская трата прекрасных возможностей.

Он сделал ещё глоток пива.

— И я даже знаю, что произошло в день катастрофы парохода «Слокам». У вас были дела в центре города в тридцать четвёртом участке. Когда туда поступил звонок, вы присоединились к группе полицейских-спасателей на лодках. Я слышал, что вы помогли спасти многих. Но не вашу невесту — она оказалась среди той тысячи погибших на борту.

Это была личная информация, которую он не должен был знать, и я почувствовал, что меня колотит от ярости. Снова вернулись непрошенные воспоминания.

Алистер был частично прав. Я встречался с другим офицером в тридцать четвёртом участке, чтобы обсудить ряд ограблений, находившихся в нашей юрисдикции. Этого патрульного призвали в спасательный отряд, когда появились новости о крушении.

Я присоединился к другим офицерам, отправленным на помощь к береговой линии рядом с 138-ой улицей. Мы спасли множество людей, но я настаивал, что нужно подобраться всё ближе и ближе к горящему кораблю.

Сидящие со мной в спасательной шлюпке говорили, что я настаивал слишком сильно, рискуя жизнями всех, кто находился со мной в лодке.

Я сделал несколько глубоких вдохов и заставил себя сосредоточиться на настоящем. Алистер просто хотел отвлечь меня от темы разговора, но я этого ему не позволю.

— Хватит об этом. Или вы расскажете мне сейчас о Мойре Ши, или я пойду напрямик в свой прежний участок и выясню всё там. И будьте уверены: я поделюсь с ними всей информацией, которую узнал сегодня вечером, о том, что вы утаили сведения об её убийстве.

Это была не пустая угроза, и Алистер это понимал.

Он побарабанил пальцами по столу, бросив взгляд на толпу у барной стойки, чтобы удостовериться, что нас никто не слышит.

Но собравшиеся там люди обращали на нас мало внимания, если вообще обращали. Они были полностью поглощены пением различных ирландских песен на разнообразные мотивы.

Я нетерпеливо глянул на Алистера. Спустя мгновение он откашлялся и начал, наконец, рассказывать мне то, что я так хотел — и так боялся — услышать.

— Поверьте мне, когда я впервые договаривался по поводу Майкла Фромли в деле со Смедли, я понятия не имел о Мойре Ши.

И когда я разговаривал со сводным братом Фромли, Клайдом Уоллингфордом, и когда убеждал прокурора снять обвинения, и даже в течение первых нескольких месяцев работы с Фромли, я ни разу не слышал о Мойре Ши. Дело Кэтрин Смедли было шатким, а все остальные преступления, совершённые Фромли, вообще незначительными.

— Вы подкупали судью по делу Смедли или воздействовали на него другими способами?

— Нет! — горячо воскликнул Алистер. — Кто сказал вам подобную ложь?

— И, тем не менее, судья Хансен — ваш близкий друг, — не отставал я.

— Наши семьи дружат многие годы, но это не значит, что я вёл себя неэтично!

Обвинения в покушении на убийство развалились, потому что были слабы. А просьба Майкла о смягчении наказания — просьба, отдавшая его под мою опеку — была полностью приемлемой.

— Я так понимаю, что прокурор, который должен был заниматься этим делом, был смещён против своей воли, — не унимался я, заглянув в свои заметки.

— Это должен был быть Фрэнк Хогард, известный благодаря множественным обвинениям и репутации за непреклонность. И я думаю, вы нашли новичка, второй год работающего в окружной прокуратуре, который лучше подходил для снятия серьёзных обвинений.

Алистер посмотрел на меня со страдальческим выражением лица.

— Окружная прокуратура постоянно меняет расписания. Лично я думаю, что, несмотря на все жалобы и хвастовство, Хогард и сам не хотел связываться с этим делом. Если бы оно перешло в суд, то это разрушило бы его репутацию прекрасного обвинителя, потому что в деле просто не существовало веских доказательств. А если бы он сам отказался от вынесения обвинений, это подорвало бы его имидж твёрдого, как камень, прокурора.

Алистер тяжело вздохнул.

— Майкл не признавался в убийстве Ши около года. Он рассказал об этом Фреду во время одной из бесед в октябре 1903 года. Фред сразу примчался ко мне, беспокоясь о последствиях для нас со стороны законодательства.

Алистер придвинулся ближе ко мне.

— Если бы мы поверили его «признанию», то, наверно, с точки зрения этики, нам стоило бы доложить об этом.

— «Наверно, стоило бы»?

— Да, твёрдо ответил Алистер, — наверно, стоило бы. Мне сложно это объяснить, не рассказывая всю историю Майкла Фромли, но этот молодой человек имеет очень хрупкую грань между фантазиями и реальностью. С чего бы нам в это верить, только из-за того, что он такое сказал? Как мы могли быть уверены, что его признание в убийстве Мойры Ши — правда, а не ещё один пример его насыщенных фантазий наяву?

— А мёртвое тело — не достаточное доказательство? — спросил я. — Чтобы удостовериться, правда ли это, вам надо было всего лишь связаться с вашими «контактами» в полиции, как и в случае с делом Уингейт в Добсоне. И ваш источник сообщил бы, существует ли жертва по имени Мойра Ши.

— Именно это я и сделал! — бросился в защиту Алистер. — Но вы не понимаете одного: знание этого не решает проблему. Конечно, я позвонил в полицию. И просмотрел колонки криминальных новостей в «Таймс» и «Уорлд». Но ни полиция, ни сам Майкл не рассказали мне ничего, что не было бы достоянием общественности и не сообщалось на страницах каждой газеты в городе.

Девушка по имени Мойра Ши была убита в пустом складе у реки множественными ножевыми ранениями. Последний раз её видели, заходящей в подземку. Напоминаю ли эти обстоятельства детали беспокоящих Майкла фантазий? Определённо, да.

— И ещё, — он опёрся о столешницу и понизил голос, осознав, что говорит слишком громко, — как я или Фред могли с уверенностью сказать, что Майкл просто не позаимствовал признание в убийстве со страниц в «Геральде»? Он постоянно подпитывал свои фантазии деталями из статей в газетах и журналах. Могли ли мы быть убеждены, что он действительно совершил убийство? Или просто хотел его совершить, представлял, как

совершает, потому что оно так идеально отобразило его собственные фантазии?

— А как насчёт вещественных доказательств? — я тоже начал злиться. — Или свидетелей? Что угодно, подтверждающее или опровергающее причастность Фромли. Если бы вы детально описали всё полиции, она бы разобралась.

— Прошу вас, — произнёс Алистер, — не думайте, что я всё пустил на самотёк. Когда он нам признался, был уже октябрь 1903 года. Прошёл почти год с убийства Мойры Ши в августе 1902 года. Вы прекрасно знаете, как плохо сохраняются места преступлений даже в течение суток после самого преступления.

Он был прав. Времени прошло слишком много. Отсутствие интереса к вещественным доказательствам было моим самым огромным разочарованием в департаменте.

— Но вы должны были попытаться, — заспорил я. — Могли быть и другие вещественные доказательства, связывающие его с совершённым преступлением. Дело могло быть пересмотрено в свете имеющейся у нас теперь информации.

— Вы забываете об одном важном моменте, продолжил пояснение Алистер. — Существовали расхождения между рассказами Майкла и конкретными деталями убийства Ши. Он признался нам в своей мотивации, и, несомненно, смерть Ши полностью соответствовала его возможному выбору орудия убийства.

Но он продолжал путаться в деталях: изменялось время нападения, одежда мисс Ши. Это важные детали, которые убийца должен был знать. Было установлено, что она села на поезд, отправлявшийся в час дня, и на ней были жёлтая блузка и тёмная юбка. Майкл должен был быть уверен в этих деталях. Но не был. Поэтому мы и стали сомневаться в истинности его признаний.

«Нет, именно Алистер забыл об одном важном моменте».

— Значит, вы колебались, стоит ли вам действовать, — начал я, — потому что признание Майкла могло быть ложным. Но не вам было это решать. Вам не показалось, что стоило поговорить с полицией? Даже ваш друг судья Хансен мог бы напомнить вам о вашей ответственности. Сохранение всего в тайне было ни больше, ни меньше — препятствие правосудию.

Алистер слегка покраснел.

— Я сомневался ещё и из-за важности нашей работы. Рассказать о виновности Майкла было равносильно тому, чтобы выбросить в урну поразительные исследования, которые могли принести пользу. Рисковать этим было практически невыносимо.

Его тон стал жёстким.

— Сначала я был подавлен, считая, что вся наша работа бессмысленна. Мы были уверены, что Майкл был ещё «формирующимся преступником», не ставшим им полностью, что позволило бы нам оценить его реабилитационный потенциал. Этого никто прежде не делал! И вдруг наше исследование грозит оказаться несостоятельным: если Майкл перешёл черту и всё же совершил убийство, какой прок от такого исследования? Наши усилия были направлены на то, чтобы не дать ему перейти от своих жестоких фантазий к действию.

Он на секунду замолчал и продолжил с всё возрастающим возбуждением.

— А потом мне пришло в голову, что изменились лишь предпосылки исследования. Мы могли начать с положения о том, что Майкл Фромли был убийцей, когда мы начали с ним работать.

Представляете, насколько более впечатляющими были бы результаты, если бы нам удалось его реабилитировать?! Сотрудники каждой тюрьмы ломались бы к нам за

информацией о реабилитации.

Каждый психолог приходил бы к Фреду, чтобы проконсультироваться, какое лечение будет пригодно в том или ином случае. Каждый юрист анализировал бы последствия вынесения приговора. Социологи смогли бы пересмотреть вопросы того, как сформирован преступник. А экономисты рассчитали бы, какая экономия ждёт общество от снижения уровня преступности! Мы добились бы чего-то действительно революционного, если бы только...

На этом месте я его прервал.

— Если бы только вы не потеряли след этого признавшегося убийцы и не отпустили его к ничего не подозревающему населению. Как вы могли хоть на секунду подумать, что ваши исследования важнее, чем подобный риск с человеческими жизнями?

— Конечно, я так не думал, — тихо ответил Алистер. — Я никогда не думал, что дело дойдёт до такого.

— И даже если оставить в стороне ваше решение сохранить всё в тайне, когда Майкл впервые признался в убийстве... Вы даже не сообщили, что он представляет опасность, когда Фромли пропал две недели назад!

— Мы искренне верили, что он был на пути к успешной реабилитации. Мы не думали, что он может представлять определённую угрозу.

— Но вы волновались настолько, что связывались с полицией каждый день, — отрезал я, — просто чтобы удостовериться, что ни одно происшествие не может быть связано с Фромли. Да, вы сделали многое, но не оповестили полицию об опасности. Тогда они, возможно, бросили бы всё на поиски Фромли и, в первую очередь, уберегли от проблем его самого.

— Если вы не будете слушать мои объяснения, то нет смысла продолжать этот разговор, — произнёс Алистер.

— Я слушаю, — ответил я. — Я слушаю очень внимательно и очень хочу понять. Но сделанный вами выбор кажется мне настолько безрассудным, что мне сложно это сделать.

Мы оба замолчали и окунулись в раздумья. Мы оказались в тупике.

— Мне нужно знать ещё всего одну вещь, — тихо произнёс я. — Если бы вы знали о Мойре Ши с самого начала, вы бы всё равно настаивали на снятии обвинений с Майкла Фромли и передачи его под вашу опеку?

Его ответ был очень важен для меня. По моему разумению, вопрос его намерений был первоочередным.

Принял ли Алистер это безрассудное решение, потому что был ослеплён важностью своих исследований?

Или он был настолько высокомерен, что считал свои интеллектуальные интересы превыше всего, а остальной мир может катиться к чертям?

Наступила длинная пауза. Я ждал ответа.

Наконец, он взглянул мне в глаза, и я увидел в них откровенность и опасение.

— Я не знаю.

И он обмяк на стуле.

— Как вы теперь собираетесь поступить, Саймон? Продолжим работать, как и планировали? Или вы забудёте тревогу и поделитесь со всеми данной информацией?

Мой ответ полностью повторял его слова.

Я посмотрел на него.

— Я не знаю. Как и вы.

К тому времени, как я вернулся в Добсон, было уже полдвенадцатого ночи. Несмотря на поздний час, Джо ещё не спал и читал книгу в передней комнате, переоборудованной под его палату для выздоравливающих.

Он предпочёл эту комнату с видом на улицу, железнодорожную станцию и фабрики, а не спальню на втором этаже, где бы он был изолирован от привычного ритма жизни городка.

Поэтому диван пока стал кроватью больного, а рядом поставили шкафчик, забитый всем, что только можно читать.

Я заглянул в окно, удостоверился, что Джо не спит, и постучал в стекло. Он кивнул, разрешая войти, и я распахнул дверь.

Джо радостно и слегка удивлённо меня поприветствовал:

— Не ожидал тебя так скоро снова увидеть, Зиль. Думал, ты будешь расследовать убийство.

— Как ты себя чувствуешь?

Джо пожал плечами:

— Нормально. Я старею. Теперь не могу поправиться от недомогания так быстро, как раньше.

— Это было не обычное «недомогание», — напомнил я ему. — Инсульт — серьёзное заболевание. Не стоит ждать, что тело восстановится так быстро.

— Да ладно, — отмахнулся он. — Я не создан для постельного режима. И если моё тело вскоре не поправится, то я просто свихнусь.

— Любишь рыбачить? — сменил я тему разговора, заметив на столике рядом с кроватью книгу Исаака Уолтона «Искусный рыболов» с заложённой закладкой.

— Нахлыстом^[48], — кивнул он. — Остаётся надеяться, что к апрелю, когда начнётся весенний клёв, я вернусь в форму.

— Уверен, что так и будет, — произнёс я. — Я принёс кое-что выпить. Стаканы найдутся?

— Поищите в угловом шкафчике в гостиной.

Я вернулся через минуту с двумя стаканами и поставил их на стол рядом с Джо. И вытащил бутылку только что купленного моего любимого бренди.

— Полагаю, Анна уже спит, и мы в безопасности?

Я вскинул брови, бросая взгляд на лестницу, ведущую на второй этаж, прежде чем налить Джо бренди. У жены Джо были абсолютно определённые мысли, что требуется выздоравливающим пациентам, и я сильно сомневался, что она одобрит алкоголь.

Джо усмехнулся.

— Уже часа два. Эта женщина выбилась из сил, ухаживая за мной. Она очень скрупулёзная. Я бы с радостью поменял немного её заботы на частичку свободы.

И добавил серьёзно:

— Я хочу остаться в этом деле. Я по-прежнему могу справляться с мэром Фуллером и его нападками. И всё ещё способен контролировать работу наших помощников из Йонкерса.

— Согласен, — я приподнял стакан, произнося тост. — За твоё здоровье и скорейшее выздоровление.

— Ага, — присоединился Джо.

Он пару секунд наслаждался запахом бренди, а потом снова заговорил деловым тоном.

— Ты какой-то мрачный. С чего бы? Последний раз, когда мы виделись, ты мог владеть обеими ногами и ясно мыслить. Мне кажется, если человек на это способен, ему уже нечего переживать.

Сказано это было в шутку, но взгляд Джо оставался серьёзным и изучающим.

— Похоже, я больше не могу ясно мыслить, — признался я, пальцами левой руки чертя круги на стакане с бренди. — Я доверился человеку, которому не должен был.

— Ты имеешь в виду того профессора Колумбийского университета и его сумасбродные идеи?

Я кивнул и всё рассказал Джо; я не упустил ни одной значимой детали и описал всё, что узнал, и всё, что сказал в свою защиту Алистер.

— Думаю, больше всего меня тревожит то, — заметил я, — что меня не покидает чувство, что Алистер до сих пор что-то утаивает. Уверен, он пока так и не рассказал мне всю историю, связанную с делом Фромли.

— А вот теперь тебя снова посетили умные мысли, — сказал Джо. — Но самый важный вопрос вот в чём: как ты собираешься делать с полученной информацией? Как она повлияет на раскрытие убийства Сары Уингейт?

— Я намеревался подключить к этому делу городскую полицию. Я могу сделать это в мгновение ока, если сообщу им то, что мне рассказал Алистер, — произнёс я.

— Но что мы в итоге получим? Политические склоки. И за это дело возьмётся пресса, а уж они-то любят истории со скандалами и нарушением норм поведения.

И вместе эти две детали могут принести нам куда больше проблем, чем полученное взамен привлечение дополнительных ресурсов из городской полиции. К тому же, такое пристальное внимание заставит Фромли залечь на дно.

Я тяжело вздохнул:

— И ещё я понимаю, что такое пристальное внимание разрушит репутацию Алистера.

— А тебе-то какое дело? — отрезал Джо.

Но я не хотел этого, в чём и признался напарнику.

Пресса ухватится за обвинение Алистера в извлечении личной выгоды и пренебрежении авторитетом полиции. Они превратят эту историю в типичный скандал, который так замечательно раскупается на первых полосах.

И хотя, когда я злился, мне казалось, что это именно то, чего Алистер и заслуживает, я понимал, что подобное наказание не поможет мне поскорей раскрыть дело.

— Вмешательство Алистера подчёркивает опасность, которую представляет Фромли, — сказал я. — Мы должны его найти. Это — наша главная задача. Но его поиски похожи на поиски привидения. Где бы я ни искал, я нахожу места, в которых он побывал, и людей, которым причинил боль. Но я не могу найти его самого.

— Тогда может и тебе стоит думать, как привидение, — предложил Джо, полушутя — полусерьёзно. — Другими словами, куда человек, подобный ему, идёт, когда хочет исчезнуть? Если ты это выяснишь, то у тебя будет больше шансов его поймать. А ты, как никто другой, должен знать места в городе, где можно затаиться.

Это было впервые, когда Джо намекнул мне, что знает что-то о моей прошлой личной жизни. Эта ночь была полна сюрпризов.

И хотя большинство из них были неприятными, компания Джо оказалась неожиданно

доброжелательной и полезной. Из-за этого инсульта исчезла некоторая неловкость в нашем общении.

Я пожелал Джо спокойной ночи и вернулся домой. Спал я беспокойно, и снился мне мой отец, и присущая ему способность исчезать в дебрях города, когда он по уши залезал в долги.

Я думал обо всех известных мне местах, которые он мог бы выбрать для исчезновения.

Какое из них подойдёт человеку, который хочет исчезнуть навсегда?

Если я смогу ответить на этот вопрос, то я, возможно, ближе подберусь к поимке неуловимого Майкла Фромли.

Суббота, 11 ноября 1905 года.

Прошлой ночью мы с Джо договорились: он продолжает работать из дома над той частью дела, что произошла в Добсоне, а я сконцентрируюсь на всём, что от меня потребуется в Нью-Йорке.

Я не удивился, когда не застал Алистера в офисе, приехав туда следующим утром. Но это было не так важно: я надеялся поговорить с Томом Бакстером.

В предыдущие встречи он впечатлил меня своей рассудительностью и прагматичностью; я не мог поверить, что он поддержал бы замысел Алистера по поводу Фромли, если бы знал о нём, поэтому было интересно услышать, что он мне на это скажет.

Я нашёл его за столом, почти полностью заваленным кипами бумаг.

Он удивлённо поздоровался со мной.

— Доброе утро, Зиль. Не думал, что встречу здесь ещё кого-нибудь в такую рань.

Он повёл рукой над столом и пояснил:

— Я пытаюсь оценить промежуточные экзаменационные работы своих студентов. Надеюсь отдать их им на этой неделе, но продвигаюсь так медленно, что боюсь, они разочаруются во мне.

Том остановился на пару секунд, и я тоже молчал. Казалось, Том пытается угадать, что меня сюда привело, прежде чем я сам это скажу.

— Присаживайтесь, — наконец, произнёс он. — У вас такой вид, словно вы что-то задумали.

— Можно и так сказать, — ответил я с лёгкостью, которой на самом деле не ощущал, и занял стул напротив Тома. — Вообще-то, мне нужно поговорить с вами о случае, произошедшем в октябре 1903 года. Я знаю, что это случилось до вашего прихода сюда, но Алистер мог вам что-то рассказывать.

Я поделился с ним основными деталями, которые выяснил прошлым вечером, не опуская ничего существенного.

Как я и подозревал, Том ничего не знал о предполагаемом признании Фромли. Похоже, он был не намного меньше меня поражён беспечным поступком Алистера и Фреда, решивших утаить информацию.

Том нахмурил брови, и я дал ему время переварить информацию, а потом сказал, что хотел бы изучить любые относящиеся к этому делу и времени записи.

— Толковая идея, — сказал Том, энергично раскаиваясь в кресле. — Заметки, конечно, помогут восполнить информацию, которой у нас не хватает.

Он взглянул на часы: было почти девять часов.

— Миссис Либ, должно быть, уже пришла. Я попрошу её принести нам документы.

В дополнении к готовке и уборке офиса миссис Либ согласовывала встречи всех трёх профессоров, печатала их письма и официальные отчёты и частично заботилась о картотеке документов. Том пошёл за ней, и, уже спустя минуту, они оба вернулись с толстыми папками бумаг в руках.

«ЗАМЕТКИ. ОКТЯБРЬ 1903 ГОДА», — прочитал я ярлык на документах, и из каждс

папки торчали дополнительные закладки с более детальным описанием содержащегося внутри материала. Никаких прямых заметок о деле Майкла Фромли я не заметил, но это и не удивительно.

Том разделил документы на две стопки. Мы читали в тишине, обмениваясь друг с другом бумагами, пока не закончили просмотр всех папок и не ознакомились со всеми отчётами.

Основу документов составляли заметки Алистера по этому делу, но иногда попадались заключения Фреда Эббингса, копии полицейских отчётов об обстоятельствах убийства Мойры Ши и вырезки из газет с упоминанием данного случая.

Я плохо запоминал преступников. Если у них самих или у мест преступлений не было отличительных, запоминающихся особенностей, то детали одного случая смешивались у меня в голове с другими.

Но вот каждую жертву я помню с чёткостью, которая меня самого пугает. Они преследуют меня. Так начало происходить этим утром и с Мойрой Ши, в тот момент, когда она обрела форму и облик из фактов и улик, собранных в рапортах.

Она недавно отучилась в Школе медсестёр Хантер-Бельвью и нашла свою первую работу частной сиделкой у пожилой женщины на Востоке 61-ой улицы. И иногда она в качестве волонтера работала в Центре медсестёр мисс Уолд на Генри-стрит^[49].

Один из офицеров полиции предположил, что её убийство было предумышленным и совершено кем-то, кого она встретила, пока работала в бедных кварталах.

Но мне так не казалось: медсестры, помогающие больным, были так нужны в беднейших кварталах города, что им всегда были рады, и никто не стал бы вредить.

С фотографии Мойры Ши на меня смотрела женщина с сильными чертами. Волосы её были собраны на макушке в узел. Мисс Ши носила очки в простой оправе. По одному взгляду на снимок я понял, что такая женщина не сдастся так просто при нападении убийцы.

Моя догадка подтвердилась, когда я нашёл отчёт coronera: там описывались многочисленные колотые раны, полученные ей в результате попытки защититься. Мойра Ши яростно сражалась с напавшим на неё человеком.

Мойре Ши был двадцать один год, когда её на смерть закололи в пустом складе около Ист-Ривер в августе 1902 года. Вскрытие подтвердило отсутствие изнасилования, хотя некоторые части её одежды отсутствовали, когда нашли тело.

Как и говорил прошлым вечером Алистер, последний раз Мойру видели, когда она спускалась в метро на Второй авеню. Свидетелями были люди, спускавшиеся за ней следом. Они сели в один вагон, и свидетели описывали странно одетого мужчину: несмотря на тёплую летнюю погоду, мужчина был одет в тёплое шерстяное пальто.

Его поведение тоже привлекало внимание: он бормотал что-то себе под нос и пристально разглядывал каждую женщину на платформе. Вышел он на той же станции, что и Мойра, и пошёл за ней, очевидно, соблюдая дистанцию. Больше свидетели не мог ничего рассказать; некоторые переживали, что не забили тогда тревогу или хотя бы не отнеслись к нему тогда серьёзнее.

Я тщательно изучил показания свидетелей и вернулся к признанию Фромли. Я сразу же понял, что, по крайней мере, в одном Алистер был прав: история, рассказанная Фромли, была полна тревожных несоответствий.

Судя по полицейскому рапорту, Мойра Ши была ударена колющим предметом четырнадцать раз; а Фромли утверждал, что «не может вспомнить», один раз он её ударил

или два. Раны были нанесены в область лица, рук и груди; но Фромли заявлял, что сначала бил её кулаками, а потом перерезал горло.

Коронер подтвердил время смерти около шести часов вечера; Фромли же говорил, что убил её ближе к полуночи, после того как полностью «наслаждался её обществом» за вечер. Вероятно, это был эвфемизм для обозначения изнасилования, которое опровергал отчёт коронера.

С точки зрения доказательной базы, Алистер был прав: нельзя было быть уверенным в истинности признаний Фромли. Если бы я был офицером, проводившим опрос Фромли, то подобные многочисленные несоответствия вызвали бы у меня кучу вопросов.

Но всё же, факт оставался фактом: Алистер взял на себя право решать, сообщать или нет. А принимать решение в одиночку, он не имел права.

Но, если в признании Фромли и не хватало твёрдых улик и логичных деталей, то оно всё равно было наполнено чрезвычайно жуткими подробностями, описывающими мотив убийства.

— Мне не нравилось, что она меня избегает, — говорил Фромли. — Она смотрела сквозь меня, словно я был ничем.

Судя по записям Фреда Эббингса, которые я нашёл в отчёте, он сказал Фромли, что, возможно, таких благовоспитанных леди всегда предупреждают не общаться с незнакомцами. Но Фромли отказался принять такую возможность.

Вместо этого он считал, что женщина игнорировала его намеренно. С каждой минутой он становился всё злее и злее, а потом решил, что должен заставить её пожалеть об этом. Чем больше он смотрел на неё, тем больше ему хотелось заставить её увидеть его, Фромли.

— Я продолжал смотреть на её лицо, — объяснял он, — в её глаза. И когда она снова не посмотрела в ответ, я решил, что должен заставить её смотреть.

Его признание продолжалось в подобном ключе, описывая во всех подробностях его намерение, заставить её прочувствовать его истинную силу. Он рассказал, что пошёл за ней следом и оглушил в заброшенном складе, где и произошло само убийство.

Так какова же правда? Я никак не мог решить. Существовала ли вероятность того, что признание Фромли — всего-навсего его фантазии? Его собственная придуманная версия реального убийства, о котором он прочёл в газетах?

Или он всё же виновен в этом преступлении, но мы просто не можем подтвердить это из-за того, что в его признании полно загадок и несоответствий? Возможно, детали убийства были навсегда сокрыты, перемешавшись в его голове с фантазиями.

Я понял, что точно так же, как и Алистер, не могу прийти ни к какому решению.

— Что думаете? — спросил я Тома после того, как мы закончили просматривать записи, и тревожно друг на друга посмотрели.

— Ну, — начал Том, — Фромли всегда был нарушителем правопорядка, и, очевидно, он и есть тот человек, которого вы ищете в связи с убийством Сары Уингейт. Но вот эта девчонка Ши..., — произнёс он и нахмурился, — ни одно веское доказательство на это не указывает. Даже признание самого парня. Лично я верю, что Фромли отчётливо запомнил бы каждую деталь своего предполагаемого первого убийства.

Он на секунду запнулся и продолжил:

— Наверно, вы не совсем понимаете, поскольку ни разу не встречались с Фромли, насколько он резок. Фред считает, что Фромли психопат.

Он на мгновение замолчал, наблюдая за моей реакцией, и спросил:

— Вам известен этот термин?

— Полагаю, это научный термин, означающий сумасшедшего убийцу, — сухо произнёс я.

— Вроде того, — признал Том с грустной улыбкой. — Вообще-то, он означает специфический тип личности. Человек, считающийся психопатом, лжёт просто ради забавы. Фромли часто так делал. Он мог признаться нам в убийстве только ради развлечения. Если помните, мы рассказывали, что Фромли всегда был агрессивен и импульсивен и часто ввязывался в драки. В его психологический портрет психопата это прекрасно вписывается: он никогда не чувствовал раскаяния за то, что совершил. Если он кого-то бил или унижал, ему было абсолютно наплевать на их боль, потому что он до этого уже составил для себя рациональное объяснение, почему эти люди заслуживают такого обращения.

Том внимательно посмотрел на меня, словно желая увидеть подтверждение тому, что я слежу за нитью разговора. Я признал в этом привычку преподавателя: он хотел быть уверен, что слушатель понял сказанное, прежде чем переходить к следующему пункту.

— Я понимаю, — кивнул я, с нетерпением ожидая продолжения.

— Я объясняю вам это, чтобы вы не забывали, насколько он умён. И помните, насколько легко и умело он лжёт. Я не удивлюсь, если окажется, что он придумал всё это признание в убийстве только для того, чтобы оставить Алистера в нерешительности и неуверенности, в которых он и находился. Уверен, Фромли наслаждался бы, наблюдая за колебаниями Алистера, мучающегося сомнениями.

— Но всё же, — продолжил он, — я не сбрасываю со счетов вероятность того, что он виновен в убийстве Мойры Ши и специально допустил в своём признании столько неточностей, что их нельзя признать пригодными. Таким образом, он бы поставил себе в заслугу совершённое убийство, но избежал бы наказания, поскольку любые трезвомыслящие люди подвергли бы его признание сомнению.

— Тогда зачем вообще признаваться? Зачем ему «ставить себе в заслугу» совершённое преступление? — спросил я. Слова Тома были очень убедительными, но вот эта последняя часть анализа для меня была бессмысленной.

— Потому что Фромли хотел, чтобы Алистер признал его планирование преступлений — как реальных, так и воображаемых, — сказал Том. — Какую бы выгоду для научного сообщества мы не извлекли потом из исследований Алистера, профессор добился и очень тревожного эффекта на эго Фромли. Он начал чувствовать собственную значимость, поскольку учёные мужи ловят каждое его слово, всё время проводят рядом и с ним и пытаются его разгадать.

— Похоже, в этом есть смысл. Но пока я не могу разрешить обоснованные сомнения по поводу того, убивал Фромли Мойру Ши или нет, передо мной стоит дилемма, как поступить с Алистером.

Я посмотрел на бумаги, толстым слоем покрывавшие стол Тома.

— В этих материалах я не могу найти веских доказательств для полиции и экспертов Нью-Йорка, особенно если речь идёт об убийстве трёхлетней давности.

Том угрюмо посмотрел на меня и поджал губы:

— И это уничтожит репутацию Алистера. Вы не можете этого не понимать.

— Единственное, что меня сейчас волнует, — ровно ответил я, — это то, как побыстрее разобраться с убийством Сары Уингейт и предотвратить ещё одно подобное. Если я сообщу в городскую полицию о преступном прошлом Фромли, они, по меньшей мере, предоставят

нам дополнительные ресурсы. Но, помимо этого, нам придётся справляться с политическими последствиями и нападками прессы, а и то, и другое может помешать нам, выследить Фромли.

Следующие полчаса мы спорили, как лучше поступить, и, в конце концов, пришли к соглашению.

Том не сдавался и хотел защитить репутацию Алистера. Он и сам честно признавал, что его цель абсолютно эгоистична, учитывая его отношения с Алистером и связь с исследовательским центром. Но поскольку я и сам был против привлечения третьей стороны, мы пришли к выводам, что надо держать всё в тайне. По крайней мере, пока.

— Это только из-за того, что я считаю, что излишнее внимание к принятому Алистером решению может свести на нет наши усилия в деле Уингейт, — сказал я. — А пока нам надо решить, насколько допускать Алистера к дальнейшему расследованию.

— То есть, вы хотите закончить своё с ним сотрудничество? — Том был искренне поражён, несмотря на все наши предыдущие обсуждения.

— Естественно, — произнёс я. — Я ему не доверяю. Просмотрев эти записи, — кивнул я на стопку бумаг на столе Тома, — я осознал, что обвинения против Фромли довольно сомнительны, как и всё его признание в целом. Это же касается и дела Смедли. Но это не меняет того факта, что Алистер поставил собственные исследования превыше всего остального. Вот вы можете, положив руку на сердце, по-другому оценить его поступок?

— Если честно, то такой вывод могли сделать только вы, — откровенно произнёс Том. — Я понимаю, что моральные и этические нормы Алистера могут отличаться от ваших собственных, но они не становятся аморальными только оттого, что вам сложно их понять. Я не сомневаюсь, что если Алистер убедительные доказательства, он сдал бы Фромли полиции. Но учитывая то, что их не было, он решил продолжать начатое.

Том на пару секунд замолчал.

— Знаете, он не настолько не сочувствует вашим целям, как вы, похоже, думаете.

Что-то в его тоне показалось мне странным, и я пристально взглянул на Тома.

— Что вы хотите этим сказать?

— Алистер всю свою жизнь был профессором криминального права. Но долгое время это было просто профессией. Он днями занимался своей работой, завоевал авторитет среди семьи и друзей, и..., — Том слегка улыбнулся, — ...свободное время проводил в светском обществе. Криминология не была его страстью — даже одержимостью — пока не убили его сына Тедди.

— Убили? — резко переспросил я, вспоминая, как Изабелла напряглась при упоминании имени Тедди. — Я слышал лишь то, что Теодор Синклер трагически погиб во время поездки в Грецию.

— Это не совсем так, — ответил Том. — Его убили во время попытки ограбления. Тедди, как и Алистер, верил, что он непобедим. Когда его пытались ограбить, — добавил он, — он решил драться. А в противном случае, он мог бы остаться в живых. Эта потеря, как и некоторые другие последующие обстоятельства, тяжело отразились на Алистере.

«И на Изабелле», — подумал я, чувствуя острый укол сочувствия к девушке. Многие сказали бы, что погибший молодой человек — это просто погибший молодой человек. Ни больше, ни меньше. Играет роль лишь итог. Но я точно знал: убийство и трагическая гибель — разные вещи.

— После смерти Тедди, — продолжал Том, — Алистер стал одержим вопросом

«почему?». Он захотел узнать всё, что мог, о мотивах и мировоззрении тех, кто совершал преступления, особенно убийства. Это нужно было ему лично. И умом он понимал, что если мы многое об этом узнаем, то такие науки как социология, психология и право смогут сделать большее, чтобы в первую предотвратить развитие преступного мышления у человека. Или, по крайней мере, оборвать развитие этого мышления или перенаправить его в иную сторону. Реабилитировать его, как говорит Алистер.

Том на пару секунд замолчал, давая мне переварить информацию:

— Я говорю вам это для того, чтобы вы лучше поняли Алистера. Но вообще это дело Алистера, и если хотите узнать больше, то стоит спросить у него самого. Есть и другие сложности...

— Понял, — задумчиво кивнул я.

Я подозревал, что эти сложности каким-то образом связаны со странным молчанием Изабеллы и отъездом миссис Синклер от Алистера.

Но я не похож на Алистера. Он решил, что может вытянуть на поверхность мои секреты, но я не хотел копаться в его тайнах.

Нас прервал резкий стук в дверь — пришла миссис Либ.

— Детектив, курьер только что передал вам записку.

Я поблагодарил женщину и быстро пробежался глазами по бумаге.

— Это от Джо. Лаборатория полиции Йонкерса, куда я отправлял чашу и помазок для бритья Фромли, подтвердили, что отпечатки на них не совпадают с отпечатками, взятыми в доме Уингейтов.

Я разочарованно вздохнул. Веские улики, которые могли бы связать Фромли с убийством, продолжали ускользать от меня, как и сам Фромли.

Отчёт лаборатории не подтверждал ни его вину, ни его невиновность, поскольку отпечатки в доме Уингейтов мог оставить и кто-то другой. Но отсутствие существенных доказательств меня разочаровывало.

Я поднялся со стула и направился к выходу, но заметил завалившуюся под мой стул бумагу из отчётов по Фромли. Это был документ, касающийся отчёта о вскрытии Мойры Ши.

Он был не очень важен, поскольку содержал лишь информацию о погребении, но я, тем не менее, его изучил.

И когда я прочёл последнюю строку, меня прошиб холодный пот, а руки начали трястись. Я перечитал последний абзац, чтобы удостовериться, что понял всё правильно.

22 августа 1902 года, как раз перед тем, как тело должны были захоронить на городском кладбище для бедняков и бездомных, пришла женщина, утверждавшая, что она является матерью Мойры Ши, и забрала тело для более подходящих похорон.

Имя этой женщины, судя по бумагам, было миссис Джексон Дюран — вдова, жительница Нью-Йорка. Но сама она подписалась как Мама Дюран.

Мысли завертелись в моей голове. Как всё это взаимосвязано? Может, именно из-за этой связи с Мойрой Ши Мама и прервала настолько внезапно наш разговор?

Но тут мне в голову пришла ещё более тревожная мысль: если ни одна улика, известная широкой общественности, никогда не связывала Майкла Фромли с убийством Мойры Ши, то почему Мама Дюран так сильно отреагировала на упоминание имени Фромли?

И она точно знала, где он живёт. Наверно, она чувствовала, что он виновен в убийстве, но откуда она могла это узнать?

Это было ещё одним неприятным напоминанием того, что я до сих пор не знаю, каким образом Фромли и его прошлое связаны с этим делом.

— Так вот вы где, Зиль! — в голосе Алистера слышалось облегчение. Он только что вошёл в здание и начал подниматься по лестнице, перешагивая через ступеньки, когда заметил меня. — Послушайте, мне нужно с вами обсудить недоразумение, возникшее прошлым вечером.

Хоть он и выглядел энергичным, как всегда, но во взгляде было заметно волнение и напряжённость, а лоб испещрили морщинки. Впервые за несколько последних дней я мог сказать по его внешнему виду, что Алистер устал.

— Не стоит, — кашлянув, произнёс я. — Этим утром мы с Томом просмотрели ваши заметки по делу Фромли, и я гораздо лучше понял ваше затруднительное положение. Не считайте, что я не согласен с вашим решением. Но думаю, нам нужно отбросить в сторону разногласия и сконцентрироваться на раскрытии этого убийства.

— Вы абсолютно правы! — он широко, с энтузиазмом улыбнулся, возвращаясь к своему привычному уверенному состоянию. — Я именно об этом и думал. Между Майклом Фромли и Сарой Уингейт должна существовать какая-то связь, которая станет достоверным доказательством и приведёт нас прямо к Фромли. Всё, что нам нужно, это продолжать работать, и мы найдём эту связь.

Я начал рассказывать ему о своих дальнейших планах, когда нас прервал высокий поражённый вскрик, а следом за ним — яростный лай Обана, пса Изабеллы.

Мы бегом бросились в офис Алистера, где увидели дрожащую Изабеллу, сидящую в кресле Алистера. Обан оживлённо нарезал круги вокруг хозяйки, а миссис Либ с ужасом смотрела на большую картонную коробку, стоящую на столе Алистера.

Алистер ворвался в комнату, увидел, что никто не ранен и не пострадал, и подтянул коробку к себе. А когда увидел содержимое, резко обратился к миссис Либ:

— Почему вы позволили Изабелле её раскрыть? Надо было оставить её запечатанной, пока не приду я.

— Но она адресована ей, профессор. Не вам.

Алистер откинул крышку коробки, чтобы удостовериться в этом. Там значилось: миссис Изабелле Синклер, Центр Криминологических Исследований.

— Но зачем ему отправлять это мне? — спросила Изабелла. Первый шок прошёл, и к ней вернулось обычное любопытство.

Я заглянул внутрь и почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Я узнал длинную прядь светлых волос, измазанную кровью.

Я сразу понял её важность: это были пропавшие с места убийства волосы Сары Уингейт.

— Посылка пришла обычной почтой? — уточнил я, тщательно осматривая коробку снаружи в поисках марок. Ни одной.

— Я нашла её на ступеньках снаружи, — сказала миссис Либ. — Она была там, когда я пришла сегодня утром, — её лицо потемнело от беспокойства. — Хочется отмыться от этого.

Алистер кивнул и предложил ей вернуться к работе. Миссис Либ явно было не по себе, оттого что она коснулась посылки с таким отвратительным содержимым.

Я надел белые хлопчатобумажные перчатки.

— А это кто-нибудь видел? — я поднял жёлтый конверт, лежащий под прядью волос.

На нём не было подписи, и он был не запечатан.

Изабелла покачала головой.

Я аккуратно достал сложенный листок бумаги и подошёл ближе к Алистеру. На плотной белой бумаге было написано:

«Ваш ход, профессор. Посылаю вам это маленькое напоминание о себе на случай, если вы скучаете по нашим беседам. Возможно, ваша невестка захочет провести со мной некоторое время».

Под текстом были небрежные каракули — подпись, которую я не мог распознать. Но Алистер моментально узнал в ней руку Майкла Фромли.

Алистер нахмурился и поднёс бумагу к окну, проверяя её на свет.

— Это на него не похоже, — сказал он, внимательно изучая бумагу и поворачивая её то одной, то другой стороной. Он повернулся к своей обширной картотеке и, спустя минуту поисков, вытащил оттуда толстую папку, в которой, очевидно, содержались образцы почерка Фромли.

Он достал для сравнения один листок и пристально взгляделся в тёмные, уверенные линии, написанные чёрными чернилами.

— Это вполне похоже на его почерк, — произнёс Алистер.

— Но? — я заметил, что его беспокойство никуда не делось.

Алистер отложил письмо и повторил предыдущую фразу:

— Это на него не похоже. Я никогда не думал, что он признает собственную вину. И уж точно, не подобным образом.

Алистер был очень категоричен.

— Ну, возможно, вы не знали его настолько хорошо, как думали, — я вспомнил о незаслуженном доверии Алистера по отношению к Майклу Фромли. — И никто из вас не знал.

Алистер предпочёл проигнорировать моё замечание.

— У Тома острый взгляд на почерки, — сказал он. — Это что-то вроде его хобби. Оставим эту записку ему для анализа. Я думаю, данный инцидент в совокупности с нападением на вас и Изабеллу прошлым вечером должен заставить нас изменить направление поисков.

Нас прервала миссис Либ. С тревогой в голосе она сказала Алистеру, что внизу на лестнице собралась группа людей, которые хотят с ним поговорить.

— Людей? — переспросил он.

— Мне кажется, это репортёры из газет.

Мы с Алистером вместе спустились вниз, и стоило нам открыть входную дверь, как на нас накинулся полный, лысеющий мужчина с блокнотом в руках. Он мазнул по мне взглядом и быстро обратился к Алистеру:

— Профессор Синклер, мы слышали, что вы потянули за ниточки, чтобы выпустить на свободу преступника. Это правда?

В мгновение ока Алистера окружила толпа репортёров из местных газет. Они появились из ниоткуда, окружили его и начали быстро-быстро задавать вопросы.

— Шеффилд из газеты «Трибьюн», — поприветствовал его второй мужчина. — Я так понимаю, ваша семья тесно связана с судьёй Хансеном, который снял обвинения в попытке убийства с Майкла Фромли и одобрил передачу его под вашу опеку и ответственность с учётом уменьшения обвинений. Первоначальный прокурор в этом деле, Фрэнк Хогард,

утверждает, что в этом деле замешано взяточничество. Как вы это прокомментируете?

Вперёд начал проталкиваться ещё один мужчина, низкий и толстый, раздвигая стоящих на его пути длинным зонтиком-тростью.

— Йодер из газеты «Таймс». Правда ли то, что тот же человек, освобождению которого вы поспособствовали, теперь замешан в кровавой бойне в городке к северу от Нью-Йорка?

Алистер сделал шаг назад в прихожую, захлопнул дверь и ошеломлённо посмотрел на меня, не веря своим глазам.

— Вы?!

— Нет, Алистер, — сказал я. — Я обсуждал это дело только внутри нашего круга посвящённых.

— Тогда это, должно быть, Уоллингфорды, — пробормотал Алистер. — Пытаются отвлечь всеобщее внимание от собственной семьи, — он устало вздохнул. — Ладно, раз уж они об этом разузнали, придётся с ними как-то справляться. Вы меня простите...

И он вышел наружу, начиная разговор с толпой репортёров.

— Джентльмены, похоже, у вас есть кое-какие вопросы и некоторые серьёзные недопонимания в отношении исследовательского проекта, который мы проводим здесь, в Центре Криминологических Исследований.

Его голос и манера говорить заставили всех замолчать.

— Я уверен, что каждый из вас разделяет высокие стандарты журналистской этики, и никто не захочет печатать необоснованные слухи, которые могут привести только к иску за клевету.

Он замолчал, давая другим возможность, осознать его предостережение.

— Если вы дадите мне пару минут, я буду счастлив, рассказать вам про свой проект и его предпосылки ради ваших читателей.

Я смог пробраться сквозь толпу, и чем дальше я уходил от лестницы, тем тише становился голос Алистера.

Алистер прекрасно справлялся с репортёрами, но нежелательные вопросы и ненужное внимание были именно тем, чего я так надеялся избежать.

Внезапно я заметил рядом с собой Изабеллу. Она слегка задыхалась, пытаясь догнать меня.

— Саймон, подождите, — выдохнула она. — Вы не слышали, как я вас звала?

— Нет, — ответил я, пойманный врасплох. — Что случилось? Похоже, Алистер умело разбирается с репортёрами.

Я видел, что она взволнована, и решил, что её беспокойство вызвано нападками газетчиков, уже повесивших ярлыки на Алистера.

— Нет, нет, я звала вас не из-за этого, — нетерпеливо проговорила она. Я заметил, что она сжимала в правой руке жёлтый листок бумаги. — Только что позвонил друг Алистера — МакГинти — из офиса коронера. Нашли мёртвое тело, которое может относиться к нашему делу, поэтому МакГинти решил...

У меня сжалось сердце. Мы опоздали. Я почувствовал знакомое разочарование: всех наших усилий оказалось недостаточно. Предсказание Алистера сбылось: Фромли снова убил. Мы должны были найти его прежде.

— Кто она? — я с трудом выдохнул эти слова. Я ещё не был готов встретиться с жертвой наподобие Сары Уингейт.

— Не знаю. МакГинти не сказал, — встревоженно ответила Изабелла. — Он упомянул

лишь то, что тело выбросило на берег Гудзона. Его нашёл мужчина, выгуливавший собаку. Вероятно, найденная на теле информация позволила привязать это труп к Майклу Фромли.

— Где тело? Они уже отвезли его в морг? — спросил я.

— Пока нет. МакГинти позвонил сразу, как только получил известие о происшествии. Коронер всё ещё на берегу, куда выбросило тело. Рядом с 79-ой улицей.

Она протянула мне листок бумаги, где был написан адрес.

— Значит, туда я и отправлюсь, — произнёс я. — Вы расскажете об этом Алистеру?

Конечно, она ему расскажет. В любом случае. Я просто пытался дать ей задание, чтобы она не попросила отправиться вместе со мной.

Я не хотел находиться в компании Изабеллы. Не сейчас.

Не тогда, когда я ощущаю такое всепоглощающее разочарование. Не тогда, когда я знаю, какие ужасы ждут меня на берегу Гудзона.

Передо мной холодным серым цветом переливался Гудзон. Морозный холод, казалось, обострил мои чувства и восприятие — от деревьев с последними, опадающими, высохшими листьями до огромной чёрной баржи, рассекающей реку вниз по течению.

Удивительно, как низкая температура может улучшить зрение.

У берега реки на пересечении 79-ой и Риверсайд-драйв стояла группа полицейских. Их прикрывал фургон коронера — разваливающийся на части транспорт, который, непонятно каким образом, смог подобраться так близко к реке по дороге с выбоинами и колдобинами.

Я подозревал, что они не хотели рисковать и тащить тело на длинное расстояние, учитывая его состояние. Даже за несколько часов пребывания в воде тело начинает разлагаться.

Я сразу узнал Дженнингса — коронера, с которым не раз работал в прошлом. Это был невысокий, упитанный мужчина с торчащим животом.

Но я видел его за работой у стола на вскрытии: в отличие от остального его грузного тела, руки Дженнингса двигались быстро и умело, как и его острый ум.

Дежурный офицер — высокий, крепкий ирландец с копной рыжих волос и сильным акцентом — обращался к группе молодых парней, вероятно, новичков.

— Ладно, парни, принимаемся за работу. Надо обыскать периметр и берег вдоль реки.

Один из молодых людей был зеленоватый от тошноты, да и всем остальным, очевидно, было не по себе. Я подозревал, что мало кто из них прежде видел трупы.

Конечно, нельзя сказать, что тем из нас, кто часто с этим встречается, никогда не становится плохо. Я и сам начал чувствовать, как к горлу подступает комок. Но мне нравилось думать, что мы, ветераны, научились это неплохо скрывать.

Офицер широко махнул руками, обозначая территорию поисков вдоль берега реки.

— И помните: обращайте внимание на любую мелочь, которая может показаться важной. Абсолютно на любую.

Я подошёл к Дженнингсу и громко с ним поздоровался — громче, чем обычно. Похоже, его тугоухость лишь усилилась со временем.

Он удивлённо на меня взглянул:

— Зиль! Думал, ты сейчас работаешь на севере штата.

— Не совсем на севере штата — просто чуть к северу от Йонкерса, в одном из прибрежных городков, — ответил я, привыкнув к подобному рода комментариям.

Всё дело было в восприятии. Я и сам ещё недавно думал бы о Добсоне именно так. Даже наше текущее расположение в Верхнем Вест-Сайде считалось некоторыми далёкой северной точкой.

— Я в Добсоне столкнулся со случаем, который привёл меня в Нью-Йорк, — сказал я.

На мгновение мне показалось, что потребуются дополнительные разъяснения. Рыжеволосый офицер двинулся ко мне, спросить, кто я такой, но заметив, что Дженнингс меня знает, отошёл.

— Это может быть связано с твоей работой, — кивнул я на большой укрытый с головой труп, над которым склонился Дженнингс. — Что ты выяснил?

Дженнингс кашлянул:

— Ты же знаешь, вытащенные из рек — сложные случаи.

Это я прекрасно понимал и помнил. Даже если труп находится в воде недолго, то большинство информации, которую мог бы получить коронер, уничтожается.

— Знаю, — кивнул я. — Но ещё я знаю, что у тебя всё равно есть версии, — продолжал я самым уверенным и убедительным тоном. — Я не стану требовать от тебя каких-то официальных выводов, пока ты не проведёшь полное вскрытие.

Дженнингс слегка успокоился и хмыкнул, а затем начал медленно говорить:

— Значит так, нам очень повезло, что холодное течение Гудзона замедлило разложение тела.

Он подошёл к краю фургона, где было бы удобнее осматривать труп, и пошёл следом за ним. Я почувствовал отвратительный запах разлагающейся плоти, хотя то, что мы были на улице, на свежем воздухе очень помогало.

Мы подошли к накрытому толстым чёрным одеялом телу, и я со страхом смотрел, как Дженнингс поднимает край и отбрасывает одеяло в сторону, открывая голову и верхнюю часть туловища трупа.

Я поражённо отшатнулся. Такого просто не могло быть. Но нет, не было никакого сомнения в том, что я увидел перед собой.

— Это мужчина, — только и сумел я выговорить. Слова застряли у меня в горле.

Дженнингс удивлённо на меня воззрился:

— Ну конечно, мужчина.

— А я ожидал женщину, — ответил я, понимая, насколько по-идиотски это звучит.

Дженнингс лишь буркнул в ответ:

— Я собирался объяснить, — начал он. — Поскольку это выловленное в реке тело, то...

Я прервал его:

— Подожди минутку. Прервись. Я так понимаю, существуют доказательства, связывающие этот труп с Майклом Фромли. Но как этот мужчина связан с Фромли?!

Теперь Дженнингс обескуражено на меня уставился.

— Этот мужчина никак не связан с Фромли, — раздражённо ответил он. — Мы считаем, что этот мужчина и есть Майкл Фромли.

Тишина. Время застыло.

Я посмотрел на бесформенную кучу костей и плоти, лежащую передо мной. Человеческие черты за время пребывания в воде изменились до неузнаваемости. Действительно ли это он — человек, за которым мы гонялись и почти отчаялись найти?

До меня начало медленно доходить вполне логическое заключение: если это был Фромли, тогда дело может быть закрыто. Убийца Сары найден, обвинения будут предъявлены на основании улик и свидетельств. Это будет феноменальное завершение дела.

Но сначала мне нужно было получить подтверждение от Дженнингса.

— Можно ли посмотреть на найденные подтверждения его личности? — спросил я, указывая на кучу мокрых личных вещей.

Дженнингс пожал плечами.

— Я не против, если Бобби не против.

Низенький, почти квадратный парнишка вздёрнул голову, услышав своё имя, и кивнул. Как и большинство полицейских-новичков, он слегка побаивался Дженнингса.

— Что у вас тут? — спросил я его. Он отошёл в сторону и позволил мне осмотреть вещи.

— В основном, мокрое барахло, сэр, — ответил он.

Бобби был прав. В куче лежал носок и толстый скруток одежды, скорей всего, пальто.

Из карманов были извлечены какие-то бумажки и аккуратно разложены в сторонке сушиться.

А рядом с бумажками лежала аккуратненькая кучка камешков. Точнее, гальки.

— Эти камни были у него в карманах и во рту, сэр. Возможно, так ему пытались придать дополнительный вес, — пояснил Бобби. — Хотя это и не сработало. Тому, кто хотел, чтобы тело осталось на дне, стоило найти камни потяжелее.

Я заметил пару билетов в театр и что-то наподобие квитанции ростовщика. Но никакого кольца или бумажника, на основании которых можно было бы идентифицировать тело.

— Почему вы считаете, что это труп Майкла Фромли? — озадаченно спросил я. — Я не вижу здесь ничего, что на это бы указывало.

— Простите, сэр, — юноша покраснел от смущения и достал из собственного жилета часы на цепочке. — Из-за вот этого, сэр. Мне сказали, чтобы я это тщательно охранял, и я забыл, что для этого положил их в свой карман.

Я взял в руки протянутые часы. На обратной стороне была чётко выгравированная надпись: «Майклу Дж. Фромли, 11 августа 1898 года, от любящей тётушки Лиззи».

Но я пока не позволял себе ощущать что-то большее, чем первоначальное облегчение. Часы нередко крадут или заимствуют. Только тщательное вскрытие может подтвердить, действительно ли это Майкл Фромли. Я пока не должен обнадеживаться.

— Есть что-нибудь ещё, позволяющее его опознать? — уточнил я.

— Пока нет, — ответил Дженнингс. — Они уже связались с семьёй для получения стоматологической карты, поскольку у этого трупа есть золотой зуб. Если всё совпадёт с картой Фромли, у меня не будет проблем с опознанием тела во время вскрытия. Но пока всё, что у нас есть, это часы. Ну и конечно, тот факт, что Фромли объявлен пропавшим.

Значит, Уоллингфорды подали официальный запрос. Я встречался с Клайдом Уоллингфордом лишь единожды, но сомневался, что он станет так поступать.

Я был уверен, что Уоллингфорд считает Майкла Фромли полностью заботой Алистера.

— Расскажи, как он умер, — попросил я, поворачиваясь к трупу Фромли. Я уже начал признавать потихоньку, что разложившееся тело в фургоне coronera принадлежит Фромли.

— Он был убит до того, как оказался в воде, — произнёс Дженнингс, натягивая перчатки. Он отошёл от меня и приблизился к голове трупа.

— Сначала взгляни на его глаза, — он приподнял одно из век мёртвого мужчины и начал объяснять что-то про полоски. Я не совсем понял, о чём шла речь.

— Во-вторых, видишь, как его голова повёрнута в одну сторону? — продолжил Дженнингс. — Ты никогда не увидишь такую позу у утопленника. Его голова так развёрнута, потому что трупное окоченение настало ещё в тот момент, пока он был на суше.

— Есть признаки насильственной смерти? — спросил я, осознавая, что задал сложный вопрос, бросая быстрый взгляд на растекающееся тело.

Река может как стереть, так и создать следы насилия на теле. Подводные камни и плавающие ветки могут цепляться за всё, что проплывает мимо.

— Здесь тебе повезло, — Дженнингс загадочно блеснул глазами, глядя на меня с гордостью. — Мы считаем, что он стал жертвой огнестрельного ранения. Я смогу сказать больше после вскрытия, но в одежде были дырки, совпадающие с ранами на теле. В том числе и в пальто, которое ты там осматривал.

Он кивнул на кучу тряпья, выловленного из реки.

В моей голове начали выстраиваться версии.

Если это действительно Фромли, то он мог совершить самоубийство, когда его сознание искорёжилось из-за совершённого убийства и жестоких фантазий, преследующих его днём и ночью.

А может, его убили в пылу драки?

Было очевидно, что его вспыльчивый характер не раз доставлял ему неприятности. Если только докажут, что это Фромли...

— А почему ты им интересуешься? — спросил Дженнингс.

Я решил рассказать ему правду, зная, что Дженнингс умеет хранить секреты.

— Вообще-то, он — главный подозреваемый в убийстве, которое я расследую; убийство юной девушки в Добсоне в этот вторник.

— Во вторник? — Дженнингс резко взглянул на меня и выпрямился. — Ты ведь не имеешь в виду вторник этой недели?

— Ну да, именно этот, — ответил я. И почему он так этим заинтересовался?

— Ну, если этот труп действительно Майкла Фромли, — он развернулся к потерявшему форму телу в фургоне и откинул одеяло, предъявляя мне полное состояние выловленного из реки мужчины, — я бы сказал, что ты можешь вычёркивать его из подозреваемых.

Тело было просто чёрной, желеобразной массой, мало напоминающей человека.

Дженнингс продолжил:

— Посмотри на торчащий язык и глазные яблоки навывкате, на вздутый живот и обширную мацерацию кожи. По моему мнению, этот парень мёртв уже, по крайней мере, две, а то и три недели.

Невозможно!

Но я смотрел на лежащий передо мной тёмный, распухший, обезображенный труп и понимал, что Дженнингс не ошибается.

А если это так, осознал я с пугающей ясностью, то всё, что мы разузнали об этом деле, и всё, о чём думали, совершенно глупо, бессмысленно и неправильно.

Мёртв уже две недели.

Я шёл по тропинке вдоль Гудзона, не имея никакой конкретной цели. Мне просто надо было идти и не останавливаться.

Может, Дженнингс ошибся.

Может, труп не принадлежит Фромли.

Может, это какой-то убитый бедняга, благодаря которому Фромли смог инсценировать собственную смерть. Пока Дженнингс не закончит экспертизу, я должен считать, что это возможно.

Но пустота в моём животе говорила мне оставить эти призрачные надежды.

Я, в буквальном смысле, выслеживал привидение. Наверно, это и был план истинного преступника. Пока мы отслеживали передвижения и действия давно погибшего человека, настоящий убийца оставался в безопасности.

Его план разрушили непредсказуемые воды Гудзона, которые слишком быстро выбросили на берег тело Фромли.

Ещё пару месяцев в воде, и мы не смогли бы установить точное время смерти. Хотя скорей всего, мы бы уже не смогли даже точно определить, действительно ли это тело Фромли.

И из-за недостатка улик мы бы продолжали считать Фромли виновным в убийстве.

Я потерял счёт времени, погрузившись в мысли. Размышлял о тех, на кого нам снова придётся обратить пристальное внимание в качестве первых подозреваемых.

Агнус МакДональд. Посвятил всю свою жизнь работе над гипотезой Римана, а потом молодая девчонка-студентка начала обходить его в решении этой загадки. Он первым пришёл мне на ум.

Я хотел верить в невиновность этого пожилого мужчины, но теперь нам придётся снова обратить свой взор на возможность его причастия к преступлению.

Лонни Мур. Студент, пытавшийся опровергнуть успехи Сары Уингейт в учёбе. Тоже возможный подозреваемый. Собственно, как и все остальные мужчины в Колумбийском университете, которые были недовольны феминистской направленностью Сары.

Любой из них мог без труда получить доступ к Фромли и исследовательскому центру. Надо будет утром обсудить эту возможность с Алистером.

Но кто бы ни был убийцей, которого я искал, Фромли оставался зацепкой.

Преступником является кто-то, не только получивший доступ к мыслям и большим фантазиям Фромли об убийстве, но и к самому Фромли — учитывая тот факт, что почерк на письме, присланном Изабелле в посылке, оказался почерком настоящего Фромли.

Поэтому Фромли оставался важной фигурой в расследовании: только уже не как разыскиваемый преступник, а как ниточка к истинному убийце.

Убийца, которого мы разыскиваем, не просто может убивать. Гораздо важнее то, что он способен обставить место происшествия таким образом, что все подозрения моментально падут на Фромли.

И эта мысль привела меня к двум неприятным подозрениям.

Первое — Мама Дюран и её таинственная связь с Майклом Фромли. Она знала, где он живёт, хотя ни Алистер, ни Уоллингфорды не были в курсе этого. Почему?

А второе — Алистер. Его собственные секреты теперь были неразрывно связаны с делом.

Я больше не мог думать о Фромли, не ставя под сомнение сами методы Алистера.

Какую информацию он до сих пор от меня скрывает? И как это связано со странным поворотом в деле Фромли?

Я сел на берегу и начал смотреть на гладкую поверхность реки, наблюдая за игрой света и тени в вечерних сумерках.

Засунув руку в карман, вытащил медальон, который носила Сара Уингейт, и посмотрел на фотографию.

Кто же её убил? И почему?

Я смогу ответить на этот вопрос только в одном случае: если разберусь в загадочной тройной связи между Сарой Уингейт, Майклом Фромли и настоящим убийцей.

Воскресенье, 12 ноября 1905 года.

Результаты вскрытия пришли рано утром и были абсолютно однозначными: записи стоматологической карты подтвердили, что выброшенный на берег труп действительно принадлежит Майклу Фромли.

А учитывая степень его разложения, коронер Дженнингс не сомневался, что тело Фромли провело в воде от двух до трёх недель.

Добавить к этому фрагмент пули, застрявшей в тканях под грудиной, и можно смело предполагать, что Фромли застрелили, а затем выбросили в воды Гудзона. И расследование снова возвращалось к первоначальной точке.

Неважно, что Фромли погиб в городе, а значит, это расследование находилось в юрисдикции местной полиции, а не в нашей. Его смерть поставила под вопрос всё, что мы разузнали об убийстве Уингейт до этого момента.

Я решил лично преподнести Алистеру новости, подтверждающие смерть Фромли, поэтому отправился в его квартиру на Западе 72-ой улицы и Централ-Парк Вест^[50].

Он жил в «Дакоте» — желтом здании из песчаника в готическом стиле. Дом окружала низенькая железная изгородь с массивными украшениями из скульптур, изображающих людей и змей. Это делало дом очень неприветливым, особенно сегодняшним мрачным утром, когда с чёрных туч, полностью скрывающих солнечный свет, сыпал ледяной дождь.

Алистер оказался таким же неприветливым. Когда я передал ему последние новости, он молча отправился в свою библиотеку.

Изабелла, которая явно слышала из своей квартиры за стенкой наши голоса, почти через минуту пришла в квартиру Алистера и предложила мне позавтракать и выпить кофе.

По её просьбе домработница Алистера, почтенная женщина по имени миссис Меллоун, принесла кофе, тосты и яичницу. Я начал есть, а Изабелла пыталась поднять мне настроение.

— Конечно, это неудача, — говорила она. — Но то, что вы узнали за последние несколько дней, обязательно вам поможет.

— Мы больше ничего не знаем о деле Сары Уингейт. Да, это дело с самого начала было сложным. Практически неразрешимым. Но информация, которую передал мне Алистер, дала мне надежду, что его возможно раскрыть. У меня самого меня не было никаких твёрдых улик и зацепок.

— Тогда надо продолжать искать, — твёрдо сказала Изабелла.

— Вы и сами видели, что опыт, эрудиция и широкие познания Алистера не смогли помочь вам разрешить это дело. Теперь сосредоточьтесь на том, что вы знаете, и позвольте вашему здравому смыслу и инстинктам привести вас туда, куда надо.

То, что Изабелла и остальные называли моим «хорошим инстинктом», сам я считал обычными совпадениями и удачей.

Когда все кусочки мозаики становились на свои места, я сразу видел всю картину произошедшего. Но с каждым последующим делом я боялся, что эта удача от меня отвернётся. И этот случай не был исключением.

Наконец, спустя полчаса, из библиотеки вернулся разочарованный и подавленный Алистер. Он выглядел таким же измученным, как и я, а судя по мешкам под глазами, он тоже провёл последнюю ночь без сна в тревоге и беспокойстве.

Нам был нужен крепкий кофе, чтобы пройти ещё раз шаг за шагом по тому, что мы узнали, и понять, где всё пошло не так. Мы закончили завтракать в тишине, и только по оконному стеклу продолжал барабанить дождь.

— Кажется, у нас ещё осталось дело, которое надо раскрыть, — произнёс Алистер, слегка улыбнувшись. — Начнём?

— Всё, что мне нужно, есть в этом городе. Отправимся в исследовательский центр? — спросил я, хотя мысль о том, что придётся выходить наружу под проливной дождь, не внушала восторга.

— Чепуха. Всё есть здесь. Идёмте.

Мы последовали за Алистером в обеденный зал, где миссис Меллоун уже разожгла камин, потрескивающий в углу. Комната была огромной, раскрашенной в белые и жёлтые тона и украшенная экспонатами, которые Алистер привёз из путешествий по Дальнему Востоку.

Гобелены, золотые вазы и даже пара самурайских мечей были расставлены по всему помещению. На двух с половиной метровом обеденном столе стояли две стопки бумаг. Алистер забрал самые значимые документы к себе домой.

Когда Изабелла села, чтобы разложить их в хронологическом порядке, я вспомнил всё, что мы потеряли. Наши усилия последних нескольких долгих дней пошли псу под хвост.

— Конечно, Фромли остаётся зацепкой, — сказал я. — Хотя мы теперь и знаем, что он не является убийцей, но он казался ниточкой, ведущей к настоящему преступнику. Истинный убийца хотел, чтобы мы считали, что всё это — дело рук Фромли. Он даже обставил место преступления таким образом, чтобы это напоминало Фромли. И он послал Изабелле посылку с доказательствами и образцом почерка настоящего Фромли.

Алистер недоверчиво покачал головой.

— Откуда убийца мог знать так много? Сцена убийства Уингейт в точности повторяла фантазии Фромли. Он описывал мне её в красках и очень эмоционально. И не единожды, а раз за разом.

Я побарабанил пальцами по столу, размышляя вслух.

— Как вы и говорите, вопрос в том, как он это сделал. Мне кажется, есть несколько возможных вариантов. Первый: Фромли любил поговорить. Если он описывал детально свои фантазии вам, то мог с лёгкостью описать их и кому-то ещё.

— И судя по тому, что вы говорили раньше, — добавил я, — ему приносило удовольствие, когда он делился с другими своими фантазиями.

Алистер уловил мою мысль.

— Значит, весь вопрос в том, с каким человеком — или людьми — он поделился мыслями об убийстве? С кем-то, у кого в свою очередь был мотив для убийства. И этот «кто-то» решил повторить большие фантазии Фромли, чтобы свалить все подозрения на него.

— Точно, — ответил я. — Этот человек — подражатель. Он хочет, чтобы убийство показалось таким, словно его совершил другой, известный убийца, и тогда расследование пойдёт в ложном направлении. Как наше.

— Значит, нам надо продолжить концентрировать своё внимание на людях, с которыми контактировал Фромли, — сказал Алистер, — потому что, по нашей теории, один из них и

есть настоящий преступник.

— А это значит, что надо присмотреться ко всем, у кого был доступ к Фромли или записям по его делу.

Я внимательно наблюдал за реакцией Алистера. Естественно, ему было неприятно такое предположение, но нужно отдать ему должное — он подошёл к этому вопросу логично и рационально.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — приподняв бровь, сказал Алистер. — У всех нас в исследовательском центре был беспрепятственный доступ к Фромли. Но ни один из нас не знал Сару Уингейт и не имел мотива для её убийства.

— Мотива, о котором мы бы знали, — возразил я.

— Ладно. Давайте взглянем на это с практической точки зрения. Вы исключили возможность, что убийца может быть женщиной, значит, можно вычеркнуть Изабеллу и миссис Либ. Я не могу представить Тома и Фреда в роли убийц. Том честный и искренний человек, вы и сами это знаете. А Фред физически не мог такого совершить, он слишком худой и слабый. А Гораций, пусть он и странный парень, тоже не кажется мне убийцей, — Алистер замолчал, пытаясь подобрать нужные слова.

— Гораций неуклюжий и неуверенный, а убийца — человек сложный и изощрённый, раз он смог повернуть такое непростое дело. К тому же, последнее время Гораций полностью поглощён личными проблемами. Его невеста недавно разорвала помолвку, и он до сих пор ходит обиженный. Поэтому он и работу выполняет абы как, хотя и продолжает приходить вовремя.

— А что насчёт его игровой зависимости? — спросил я. — Вы говорили, что он залез в долги. Давление на должников — особенно, со стороны ничего не желающих слышать букмекеров — может быть громадным.

— Не сомневаюсь, — согласился Алистер. — Но многим молодым людям, попавшим в подобные неприятности, помогают их решить, и они больше не возвращаются на кривую дорожку. Я тоже когда-то помог Горацию с долгами и уверяю вас, он мелкий игрок, и теперь он чист. Он не просил у меня денег уже месяца два точно. К тому же, — добавил Алистер, — мы же всерьёз не считаем, что Сару Уингейт убили из-за денег?

— Вы сами нашли у неё под матрасом значительную сумму денег, — напомнил я.

— Да, но вы рассказали мне о привычке миссис Уингейт прятать деньги по всему дому. Возможно, это были её деньги, а не Сары. К тому же, их не забрали. Ничего в доме не было разбито или украдено. Я не верю, что мотивом в этом деле служат деньги.

Я был склонен согласиться с Алистером.

— А что насчёт других людей? Настолько просто мог другой профессор или студент получить доступ к вашим записям или даже к самому Фромли?

Алистер неуютно передёрнул плечами.

— Ну, у нас здесь нет особой охраны. Она нам просто не была нужна. Мы полагались на сознательность и порядочность, поэтому если кто-то брал документы, он просто должен был записать это в журнал. И посетить Фромли мог любой желающий. До недавнего времени у него была охрана, но он мог приходить и уходить, когда захочет. Хотя я и не помню, чтобы кто-то к нему заглядывал. Люди его боялись и старались избегать походов в наш исследовательский центр.

— Значит, исключить никого нельзя, — вздохнул я. Я подозревал, что так и будет, но надеялся всё же, что в этом месте будут меры предосторожности получше.

Моё шестое чувство убеждало меня, что Алистер до сих пор мне не рассказал всего до конца, и я попробовал ещё раз:

— Может, вы хотите рассказать мне что-нибудь, чего ещё не рассказали?

— Зиль, старина, — воскликнул Алистер, — уверяю вас: я — открытая книга во всём, что вам надо знать.

Он выглядел удручённым, но я по-прежнему не мог полностью ему доверять.

— Итак, — продолжил я, — с этого момента я провожу традиционное расследование, в котором каждый будет подозреваемым, пока я не определю убийцу. Я хочу снова сконцентрировать внимание на нашей жертве и круге её друзей и знакомых. Кто-то хотел, чтобы Сара Уингейт оказалась мертва, причём срочно, именно тогда, — стукнул я на календаре по этому вторнику.

— Почему именно вторник, почему седьмое ноября? В этот день определённая последовательность событий заставила убийцу забрать жизнь Сары Уингейт. Если мы внимательно посмотрим на людей, окружавших Сару, то, возможно, сможем получить ответ. И тогда её связь с Фромли и другие веские улики станут на свои места.

Я достал ручку, вытащил из стопки чистый лист бумаги и нарисовал жирную точку вверху посередине.

— Основное наше внимание должно быть направлено на нашу жертву, — я написал рядом с точкой имя Сары. — Но мы не можем игнорировать тот факт, что метод убийства указывает на Фромли.

Я нарисовал ещё одну точку, в нижнем левом углу, и подписал её «Фромли».

— Фромли — особый случай, — продолжил я объяснять, — потому что его желание убивать, сводится к получаемому от свершившихся фантазий удовольствию. Он станет убивать, потому что ему это нравится. Но у нашего истинного убийцы, — я нарисовал точку справа, напротив Фромли, и подписал «убийца-подражатель», — был определённый мотив для убийства Сары.

Я соединил убийцу-подражателя с Сарой.

— И определённая взаимосвязь с Фромли, которой он и воспользовался, — я соединил Фромли с убийцей-подражателем и сделал два шага назад, окидывая взглядом получившийся у меня большой треугольник. — Что-то связывает этих троих. Но что?

Алистер постучал правым указательным пальцем по надписи «подражатель».

— Кто-нибудь из ваших подозреваемых знал обоих: и Сару, и Фромли?

— Лонни Мур мог знать, — ответил я. — Он, Сара и Фромли часто посещали корпус Колумбийского университета.

Я начал размышлять дальше.

— И Маами Дюран, — продолжил я. — Мы знаем, что она каким-то образом связана с Фромли. И она связана с семейством Уингейт, пусть и не с самой Сарой: служанка миссис Уингейт — Стелла — пришла к ней как раз из-под крыла Маами.

— А как насчёт декана Арнольда? — спросила Изабелла.

Мы с Алистером устали на неё. Изабелла разговаривала в среду с деканом Арнольдом, но из их беседы мы не получили никакой важной информации. Работа Сары в деканате была простой рутинной.

— Я прочла ваши записи, касающиеся разговора с Агнусом МакДональдом, — Изабелла запнулась на секунду, собираясь с мыслями. — Он думал, что Сара была расстроена чем-то, имевшим отношение к её работе в деканате с Арнольдом. Помните? И меня поразила его

уверенность, что Сара упоминала имя Майкла Фромли во время из последнего разговора.

Она выжидательно на меня посмотрела, уверенная, что заметила нечто важное. Но я так не думал.

— Да, я помню, — ответил я, — но поразмышляйте логически. Упоминание Сарой имени Фромли, особенно в контексте её работы в деканате, абсолютно бессмысленно.

Я раскинул руки.

— Когда мы с Алистером это обсуждали, мы оба пришли к выводу, что МакДональд ошибся. Вы же видели, как мужчина был убит горем. Как мы можем полагаться на его показания в таком состоянии?

Изабелла была явно не убеждена и начала сосредоточенно рыться в бумагах. Что она так экстренно может там искать?

А Алистер, похоже, вообще не заметил её поведение и сосредоточился на собственных рассуждениях.

— Да, всё выглядит очень логично. Но я считаю, что мы должны использовать всё, что знаем о поведении преступника, чтобы сузить поиски и определиться, где и как искать этого неизвестного убийцу.

Я резко его перебил:

— У нас нет времени на мистические теории, Алистер...

Он ответил тотчас, не давая себя снова прервать.

— Я предлагаю вам применимую практически теорию, которой вы уже неоднократно пользовались. Во время одной из наших бесед вы сказали, что не считаете, будто Сару могла убить женщина, потому что её убийство было слишком жестоким. Вы говорили, что обычно женщины не совершают подобные преступления и предпочитают яд ножу.

Алистер снова оживился, оказавшись в своей стихии.

— Я могу помочь вам улучшить, расширить эту теорию.

— Хорошо, — согласился я. — Тогда давайте сразу перейдём к практическому применению.

Алистер разложил ещё пару листов бумаги и начал записывать на них черты характера. Только вот говорил он быстрее, чем за ним могла поспевать его рука с ручкой.

— Вы сказали, что считаете это убийство делом рук подражателя. А это, скажу я вам, означает, что нужный нам человек обладает высоким интеллектом и способностью к планированию. Знаете почему?

— Естественно, — я мгновенно понял, куда клонит Алистер. — Убийца, вознамерившийся копировать стиль преступления другого убийцы, должен быть достаточно умён, чтобы изучить привычки другого преступника, и хорошо организован, чтобы претворить их в жизнь. В нашем случае он настолько точно следовал своему плану, что полностью нас одурачил.

— Умён. Организован, — Алистер записал эти черты. — Наш убийца совершает преступление, абсолютно уверенный, что может обманывать и пренебрегать властями, так?

Я согласно кивнул, и он продолжил:

— И эта уверенность растёт тем шире, чем дальше убийцу никто не ловит. Или не допрашивает. Или хотя бы подозревает.

Алистер начал расхаживать по комнате. Его энергия была настолько неуёмной, что он не мог усидеть на месте.

— Более того, я уверен, что мотив для убийцы Сары — это контроль. Мы видели, как он

демонстрирует его нам на месте преступления. В основном, он желает контролировать жертву. Теперь мы понимаем, почему в дыхательных путях и крови Сары был обнаружен хлороформ. Помните, как наши первоначальные инстинкты кричали, что это неправильно? Теперь мы можем объяснить почему.

— В то время как Фромли продолжал бы пытки жертвы, пока она ещё жива, и он может наслаждаться видом её крови, — пояснил Алистер, — нашему настоящему убийце был нужен полный контроль. Он усыпил жертву хлороформом. И, когда она потеряла сознание, он быстро, одним ударом ножа, забрал её жизнь. А потом — и только потом — он начал оформлять место происшествия таким образом, словно это совершил Фромли.

Я подхватил его мысль, высказывая собственные размышления:

— Мы так же видим, что наш убийца убивает подобным образом не потому, что ему нравится жестокое нападение и брызги крови повсюду. Ему просто было необходимо, чтобы сцена убийства полностью повторяла фантазии Фромли.

Я остановился и взглянул на Алистера.

— Полагаю, в этом есть и положительный момент: у нас есть мало причин полагать, что настоящий преступник снова убьёт.

— То, что он убивал по другой причине — правда, — вслух размышлял Алистер, — но вот что меня очень беспокоит: насколько близко он подобрался к нашему расследованию! Он следит за нами, а это значит, что у него остались неразрешённые вопросы. Возможно, убийство Сары не решило его проблем так, как он на это рассчитывал.

— Или наше расследование создало для него новые проблемы, — добавил я. — Я уверен, что он рассчитывал на то, что мы ещё некоторое время не найдём труп Фромли.

— Не похоже, что настоящий убийца знает, что мы уже нашли тело Фромли, — задумчиво произнёс Алистер. — Это может дать нам преимущество во времени. Я боюсь, он может плохо среагировать, когда осознает, что его планы по обвинению Фромли провалились.

Алистер и Изабелла тревожно переглянулись.

— Плохо среагировать? Это как? — спросил я. У меня было чувство, словно они заметили то, что пока не заметил я.

— Хотите сказать, Алистер, это дело похоже на дело Сида Джонса? — обеспокоенно спросила Изабелла.

— Да, похоже, — признал Алистер. — Особенно в этом последнем пункте.

Внезапно голос Алистера стал предостерегающим:

— Человек, для которого сверхважно подобное проявление контроля, часто проявляет этот контроль, следя за расследованием. Так было и в случае с Джонсом, о котором упомянула Изабелла. Джонс убил человека, а затем влился в расследование под видом фотографа, освещающего это дело. Он просто не мог держаться на расстоянии от следствия. И чем ближе органы власти подходили к его обнаружению, тем сильнее он паниковал и тем более жестоким он становился. Поэтому нам стоит быть внимательными ко всем, кто... так сказать, проявляет чрезмерный интерес к нашей работе.

Я был озадачен.

— Но до вчерашнего дня никто не освещал это дело в прессе. Наш подозреваемый — один из репортёров, которые к вам приходили?

— Нет, — ответил Алистер, и по его разочарованному лицу я понял, что не уловил сути рассказанного. — Я упомянул про Сида Джонса только в качестве примера.

Заинтересованность и контроль могут принимать различные формы. В одном случае убийца может притвориться офицером полиции и присутствовать на допросах всех свидетелей. Но в нашем случае заинтересованность убийцы выражается в нападении, которое он организовал на вас, и в посылке, которую прислал Изабелле. Настоящий убийца хотел не просто нас запутать. Он хотел нас раздражить. Он упивается своей возможностью расстраивать наши планы.

Алистер замолчал. Я видел, что он явно что-то скрывает, и это осознание заставило меня непроизвольно содрогнуться.

— Так каким образом ваша уверенность в заинтересованности убийцы нашим расследованием поможет нам его выследить?

Ответ Алистера меня не успокоил.

— Вы слишком прагматичны, Зиль, — ответил он, слегка улыбнувшись, но затем его тон стал резким и обеспокоенным. — Я рассказал об этом не потому, что считаю, будто это поможет нашему дальнейшему расследованию. Я вспомнил об этом для того, чтобы предостеречь вас. Вас обоих, — он серьезно взглянул на Изабеллу. — Будьте очень осторожны. Мне кажется — нет, я почти уверен — что за нашими действиями следят. И это может быть тот, кто находится гораздо ближе к нашему расследованию, чем мы предполагаем.

— Тебя в эти деньки непросто разыскать.

Мой бывший напарник Малвани смог застать меня в доме Алистера этим субботним утром, после того как безуспешно обзвонил ещё несколько мест.

— Джо сказал, что из-за этого расследования ты практически снова переселился в Нью-Йорк.

Это точно. Сюда вели все ниточки, а в Добсоне со всем справлялся Джо из своей комнаты. Хотя, там и справляться было почти не с чем.

В Добсоне не появилось никаких существенных улик. И сам мэр, и жители были мало обеспокоены произошедшим убийством: в конце концов, жертва была приезжей, а не жительницей их городка.

И этим утром Малвани дал мне ещё две зацепки.

Во-первых, Отто Шмидт. Бродяга, ограбивший Сару Уингейт. Его нашли, просящим милостыню у бара в Ист-Сайде, только он был слишком пьян, чтобы что-то рассказать. Полиция задержала его, и теперь они ждали, пока он протрезвеет и сможет отвечать на вопросы.

Следующие новости от Малвани давали мне ещё бóльшую надежду: в мусорном баке на Центральном Вокзале Нью-Йорка были найдены вещи, предположительно связанные с убийством Сары Уингейт.

Уборщик нашёл там дорожную сумку, в которой лежали окровавленная металлическая труба и некоторая одежда — меховая шапка, рубашка, брюки, женская нижняя юбка и дамская сумочка.

У Малвани была отличная память: он вспомнил, как я рассказывал ему о мужчине, которого видели в лесу в день убийства Сары Уингейт.

Но одна вещь точно связывала окровавленную одежду с моим делом: отрывной корешок от билета, найденный в кармане брюк. На нём стояла дата, седьмое ноября. Обратный билет из Добсона, штат Нью-Йорк.

— Как мы можем быть уверены, что эта одежда связана с убийцей Сары Уингейт? — уточнил Алистер.

— А мы и не уверены, — ответил я. — Но каковы шансы, что в день убийства Сары кто-то иной, а не её убийца, возвращался из Добсона на Центральный Вокзал, таща с собой сумку с окровавленным оружием и одеждой? Да, это возможно. Но обстоятельства обязывают предположить связь.

— Точно так же, как обстоятельства указывали на Фромли в качестве убийцы, — сухо заметил Алистер.

— Ну да, — согласился я. — Предположения — это не твёрдые улики. Но иногда они — всё, что у нас есть. И когда мы соединяем их в последовательную цепь событий, они могут оказаться очень убедительными.

— Где были найдены вещи? — спросил Алистер, когда мы спустились в вестибюль и ждали, пока швейцар остановит для нас повозку. Изабелла шла позади нас, вертя в руках огромный зонтик, который ей, похоже, не понадобится.

Хоть день и оставался серым и пасмурным, утренний ливень прекратился.

— Уборщик нашёл их в мусорной корзине в северных пристройках депо, — ответил я и

поправился: — То есть, вокзала.

Недавно Центральное Депо было переименовано, и, как и большинство людей, я ещё не привык к новому названию. Здание находилось на ремонте уже несколько лет.

Сначала к нему пристроили три этажа и обновили фасад.

А теперь строительство обещало быть ещё более амбициозным: к северу от 42-ой улицы собирались разрушить, по меньшей мере, сотню зданий, чтобы проложить подземный тоннель на Парк-Авеню.

И в центре этого хаоса мы и очутились.

— А он огромный, — сказала Изабелла. — Гораздо больше, чем я представляла себе по заметкам в газетах.

— И грязный, — пробормотал Алистер, стряхивая с плеча превосходного шерстяного пальто золу.

Они были правы.

Перед нами открылся вид, сверхъестественным образом связывающий природу и промышленность. Лабиринты железных путей, поезда и строительное оборудование были едва различимы за завесой дыма и гари.

Я видел, как Алистер с Изабеллой прикрыли лица платками, чтобы защититься от загрязнённого воздуха.

У меня же проблем с дыханием не было, но вот грохот и шум — совсем другое дело. Я подозревал, что лязг металлических рельс, которые сваривали рабочие, будет звенеть у меня в ушах ещё несколько часов после того, как я отсюда уйду.

Из завесы дыма к нам вышел высокий человек.

— Вы — Зиль?

Я не мог разобрать, кто это, и видел только чёрное пальто.

— Да, — прокричал я в ответ. Мой голос звучал непривычно хрипло из-за раздражавшего горла смога.

— Малвани говорил, что вы придёте. Идёмте за мной.

Он двинулся мимо вагонов и путей, и мы медленно пошли за ним, внимательно глядя под ноги. Алистер помогал Изабелле, высоко приподнявшей юбку и пробиравшейся через грязь и скользкие рельсы.

— Это Уилл Портер, — произнёс мужчина в чёрном пальто, — уборщик, который нашёл вещи, на которые вы хотите взглянуть. Я должен забрать улики в участок, но у вас есть пару минут для их изучения. Если у вас появятся вопросы, я буду возле девятого пути.

Он развернулся и ушёл. Я не узнал его имя и даже не рассмотрел толком его лицо.

Уилл Портер был худым, сгорбленным мужчиной с морщинистой кожей.

Он подозрительно уставился на нас и удивлённо приподнял брови, заметив Изабеллу, но никак это не прокомментировал.

— У вас ко мне вопросы? — спросил он, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. — Мне нужно ещё вернуться к работе.

Я тоже не был заинтересован в долгих разговорах с ним.

— Расскажите, как вы нашли эти вещи.

Учитывая грязь, гарь и копоть, окружавшие нас, я не мог понять, как этот человек вообще смог заметить тут что-то необычное.

— Ну, — он потоптался на месте и ответил: — Это произошло, когда я возвращался в комнату с мусоросжигательной печью. Тогда я её и увидел. Я засовывал в огонь мусор, когда

заметил набитую вещами дорожную сумку. Я открыл её, и на самом верху лежала дамская сумочка. Мне стало любопытно, что в ней.

Он посмотрел на нас: спросим ли мы про его истинные намерения. Я тотчас понял, что он собирался сделать, и решил пропустить эту часть разговора.

Без всяких сомнений мужчина надеялся найти в сумочке деньги и поэтому решил внимательно её рассмотреть. Я не стал спрашивать, нашёл ли он там что-либо. Пусть он лучше спокойно ответит на более важные вопросы.

— Продолжайте, — сказал я.

— Я заметил на сумочке странное пятно.

Он запнулся, а затем продолжил:

— Это заставило меня посмотреть, что ещё там лежит. Я увидел внутри шапку и железную трубу, завёрнутую в какую-то женскую юбку, всю заляпанную кровью. Вот тогда я и понял, что пятно на сумочке — тоже кровь. Я испугался и вызвал полицию.

— А остальная одежда?

Он покачал головой.

— Можете посмотреть. Она вся там. Я больше ничего не трогал. После того, как я увидел на женской нижней юбке пятна крови, то испугался, что где-то поблизости может лежать труп. Поэтому я позвал полицейских, и они уже разобрали оставшиеся вещи.

— Всё там? — спросил Алистер.

— Да, в комнате с печью, — Уилл показал на лестницу за его спиной с левой стороны.

Я жестом попросил Алистера подождать.

— А вы помните, где именно нашли дорожную сумку? — я окинул взглядом весь железнодорожный двор. Площадь была немалой.

— Видите шесть баков вдоль восточной стены? Вот там? Я нашёл её в одном из них, — ответил Уилл. — И мне ещё надо разобраться вот с теми, — ткнул он пальцем в противоположную сторону двора, — как только вы со мной договорите.

Я кивнул.

— Видели ли вы за последние несколько дней что-нибудь поблизости, что выглядело бы странно?

Уилл непонимающе на меня посмотрел.

— Что значит, «выглядело странно»?

Я попытался конкретизировать.

— Видели ли вы кого-нибудь, кто явно здесь не работал? Возможно, незнакомый человек, который никогда прежде здесь не появлялся?

Мужчина захохотал, открыв рот с несколькими выбитыми зубами.

— Мистер, да здесь каждый день толкутся странные люди. Мужчины в костюмах, проверяющие тот или иной путь и говорящие о планах строительства. И мужчины в робах, которым платят зарплату в конце дня. Иногда они здесь, иногда их нет — всё зависит от того, насколько в данный конкретный день им нужна наличка. Это каторжный труд, да. Хорошо, что это не моя работа.

— А с вами работают другие уборщики? — уточнил я.

— Не-а, только я, — ухмыльнулся он. — Внутри здания работает пару человек, но здесь, снаружи, просто одна большая свалка. Я единственный, кто заботится, чтобы этот мусор попал в баки. А у остальных своя работа.

Мы поблагодарили мужчину, и прежде чем вернуться к своей работе, он снова ткнул

нам пальцем в сторону комнаты для сжигания мусора. Это была относительно небольшое помещение, а из-за стоящих у стен огромных тюков с мусором от пола до потолка она казалась ещё меньше.

Сама печь представляла собой небольшое окошко в кирпичной стене, закрытое в данный момент железной дверцей.

Посреди комнаты стоял ржавый железный стол, на котором была разложена подозрительная одежда. Её охранял молодой полицейский, которому был отдан приказ вернуть улики капитану в участок, как только мы на них взглянем.

— Вы детектив, которого прислал Малвани, сэр?

Я кивнул, и он провёл нас в комнату.

— Прошу вас, не обращайтесь внимания: это мои вещи, — он кивнул на сложенные на дальнем крае стола пальто, шляпу и шарф. — Пришлось их снять. Здесь чертовски душно.

По его лицу катились капельки пота, хотя на парне была только рубашка.

— Это точно, — произнёс я, и мы все тоже сняли пальто. — Давайте быстренько всё осмотрим.

Алистер и Изабелла не возражали.

Сама сумка стояла на дальнем левом углу стола. Когда-то на ней были прорисованы красные и оранжевые листья, но сейчас она была изношенной, да и к тому же покрытой сажей. Я осмотрел сумку и не заметил ничего необычного.

Изабелла тоже подошла к столу, и мы наблюдали, как она внимательно переминает в пальцах каждую вещицу. Наконец, она аккуратно подняла дамскую сумочку, которая привлекла внимание Портера.

— Может ли она принадлежать Саре?

Изабелла осторожно приподняла сумочку. Она была плоской, чёрной и изношенной. Толстые чёрные ручки говорили о предыдущем ремонте. Пальцы Изабеллы нащупали маленькую золотистую застёжку, и она расстегнула сумку.

— Мадам, мы вынули всё содержимое и положили здесь, — сказал молодой офицер.

Изабелла отложила сумочку в сторону, и мы все подошли к кучке, на которую указал полицейский. Я сразу заметил маленький носовой платок, записную книжку в чёрном кожаном переплёте и серебряное карманное зеркальце.

— С.У., - прошептала Изабелла. Вероятно, инициалы на носовом платке означали Сару Уингейт. Это была первая твёрдая улика, указывающая на связь этих вещей с убийством Сары.

— Смотрите. В этой записной книжке вырваны все страницы, — произнесла Изабелла, раскрыв изорванный блокнот в потрёпанной кожаной обложке.

— Что там ещё есть? — спросил я у Изабеллы, которая уже просматривала остальные вещи.

Изабелла нахмурилась.

— Маленький кошелёк. Пустой.

Я подумал о Уилле Портере. Интересно, кошелёк уже был пуст, когда уборщик его нашёл?

Я отогнал эту мысль. В нашем расследовании деньги не имели значения, а Саре они уже больше не понадобятся.

— Это всё? — я был разочарован.

Если не считать денег, которые могли бы находиться в этом кошельке, я вообще не

видел причин носить с собой эту сумочку, а уж тем более красть её.

— Почему он решил забрать у неё эти вещи? — раздражённо спросил я. — В этом нет никакого смысла.

— Фромли любил брать сувениры, чтобы подогреть свои фантазии. Возможно, настоящий убийца решил взять несколько случайных вещей, чтобы это было похоже на Фромли, — произнёс Алистер. — Эта сумочка, скорее всего, лежала в комнате Сары, поэтому он с лёгкостью мог её забрать.

— Тогда зачем от всего этого избавляться? — спросила Изабелла.

— А зачем рисковать и хранить всё это? — парировал я.

Алистер качнул головой и поднял меховую шапку.

— И как он мог носить вот это во время своей поездки из Добсона на Центральный Вокзал и не привлечь ничьё внимание?

Я пожал плечами.

— Множество людей в этом городе одеваются странно, но не привлекают внимания. А эта шляпа частично скрывала его голову и черты лица.

Мы все изучили меховую шапку. При ближайшем рассмотрении мы заметили липкие пятна крови на тёмно-коричневой шерсти. Похоже, мужчина избавился от неё, как только она перестала быть ему нужна, и засунул в сумку, где шапка и испачкалась об окровавленную одежду.

— О женскую юбку, кажется, что-то вытирали. Возможно, эту металлическую трубу, — произнёс я.

— Это орудие, которым нанесены раны на голове Сары? — уточнил Алистер.

— Похоже на то. Доктор Филдс считал, что это был какой-то металлический предмет.

— А что насчёт другой одежды? — спросила Изабелла. — Если его рубашка и брюки, — указала она на две забрызганных кровью детали одежды, — настолько испачканы, тогда вполне логично предположить, что и остальная одежда будет в крови. Пальто? Ботинки?

— Он мог снять пальто, — ответил Алистер.

— И ещё, — заметил я, — я подозреваю, что эта дорожная сумка привлекла внимание уборщика только из-за того, что была битком набита вещами, и он надеялся найти в ней что-нибудь ценное. Если убийца разделил вещи, от которых решил избавиться, то их могли и не заметить.

Я повернулся к молодому офицеру.

— Не могли бы вы попросить, чтобы все те мусорные баки, куда собирали мусор последние пару дней, были сначала тщательно осмотрены, а уже потом утилизированы?

Полицейский кивнул, и Алистер начал проверять все карманы, надев пару белых хлопчатобумажных перчаток, принесённых именно для этой цели. Он молча протянул Изабелле вторую пару, и она быстренько присоединилась к Алистеру.

А я тем временем изучал отрывной корешок билета, найденный ранее в карманах.

Под названием «Нью-Йоркская центральная железная дорога и железная дорога реки Гудзон» стояла отпечатанная дата: седьмое ноября. На обратной стороне кондуктор пробил дыру напротив станции Добсон, чтобы обозначить оплаченный проезд.

Конечно, мы могли опросить всех кондукторов и контролёров, работавших во вторник после обеда. Но я сомневаюсь, что кто-нибудь из них что-нибудь вспомнит, учитывая тысячи пассажиров, проходящих за день через них. К тому же, прошло уже четыре дня.

И если предположить, что эта одежда действительно принадлежит убийце Сары, меня

поражала одна странность. Нет, даже наглость. Он решил поехать поездом сразу после совершения убийства в наиболее оживлённую железнодорожную станцию страны, рассчитывая на то, что никто не заметит беспорядок в его одежде, волосах, и даже странное поведение.

«Безликий в толпе», как говорили люди. «В толпе легко затеряться». Наверно, так оно и есть.

— И что нам с этого? Есть какое-то определённое место, где их продают? — Алистер поднял меховую шапку и насмешливо на неё посмотрел.

Я пожал плечами.

— Не думаю, что для нас это будет полезным. Он мог купить её в одном из десятка мест в Нью-Йорке, в любом районе с большим населением русских иммигрантов.

А самые большие подобные районы были в Нижнем Ист-Сайде и в округе Уильямсберг в Бруклине.

Изабелла снова взяла в руки дамскую сумочку.

— Вы готовы? — спросил я. — Нам надо проверить другие зацепки.

— Ещё минутку, — ответила она, — я хочу кое-что проверить.

Мы удивлённо наблюдали, как она выворачивает сумочку наизнанку и находит маленький, почти скрытый за подкладкой кармашек, застёгивающийся на молнию.

— Внутри что-то есть, — сказала Изабелла, прощупывая контуры предмета через ткань. — Кажется, бумага.

Вывернув её ещё раз, Изабелла расстегнула кармашек и вытащила бумажный конверт, покрытый пятнами крови.

— Письмо, — произнесла Изабелла. — Запечатано, но марки ещё не приклеены.

Она открыла конверт и пробежалась глазами по содержанию письма.

Я ждал несколько секунд, но, в конце концов, не выдержал.

— От кого оно?

Изабелла протянула мне лист бумаги, не успев до конца прочитать письмо.

— Мы сделали ложное предположение — это вообще не сумочка Сары Уингейт! А если её, то значит, она планировала отослать письмо, написанное горничной миссис Уингейт, — она посмотрела на нас с распахнутыми от волнения глазами. — Это письмо написано Стеллой Гибсон шестого ноября. Его так и не отправили. И посмотрите на адресата. Если Стелла ещё жива, то благодаря этому у нас появилась прекрасная возможность определить её местоположение.

Стела Гибсон. Пропавшая горничная Уингейтов, которая исчезла через пару часов после убийства.

«Моя милая Кора, — начиналось письмо. — Я была так рада услышать от тебя последние новости, потому что я была крайне обеспокоена...»

Мои глаза просматривали письмо, не задерживаясь на мелких деталях, а обращая внимание лишь на основную тему письма.

Заботы Стеллы были несущественны. Было важно только одно: очевидно, они с Корой были очень близки.

Я позволил Алистеру ознакомиться с письмом и засунул его в карман пальто. Затем мы быстро вышли из комнаты с мусоросжигательной печью и направились к центральному входу.

— Кажется, мы должны нанести Коре Черни запоздалый визит, — я почувствовал укол

вины после этих слов. Я надеялся поговорить с ней ещё в четверг, после того как Мама дала нам её адрес.

Но обследование квартиры Фромли тогда казалось более важной задачей, а то, что мы нашли в квартире, поставило перед нами более насущные проблемы.

Я был уверен, что скоро мы получим больше ответов. Наш экипаж съезжал с Пятой Авеню на Восток девяностых улиц, далеко к северу от роскошного Ист-Сайда, где построили свои шикарные особняки Вандербильты и Асторы.

Но всю дорогу я думал не о Коре Черни, а о Мама Дюран.

Я не мог избавиться от подозрения, что она сыграет значительную роль в раскрытии этого дела.

Только, скорей всего, отнюдь не добровольно.

— Миссис Ральф Ноланд? Мы ошиблись с адресом?

Мы стояли у дома 135 на 91-ой улице. Изабелла прочла надпись на табличке дома рядом с дверным латунным молоточком, и в её голосе сквозило недоумение.

Судя по письму Стеллы, здесь мы сможем найти Кору Черни.

Это был обычный кирпичный дом, украшенный лишь двумя статуями разъяренных горгулий по бокам от главного входа.

Алистер сделал вид, что внимательно их изучает, и мне самому пришлось объяснять Изабелле про миссис Ноланд.

Я постучал в дверь.

— Полагаю, это псевдоним, который она использует, чтобы у соседей не возникало вопросов.

— Ах да, — покраснела Изабелла, — конечно.

Хоть этот район и не был светским и роскошным, жили здесь только семьи с высокими доходами.

Если кто-то заметит, что к незамужней женщине приходят посторонние мужчины, это привлечёт внимание. И вызовет осуждение.

Псевдоним Кору Черни позволял ей притворяться замужней дамой. Не сомневаюсь, что она объясняла отсутствие мужа дома его постоянными поездками по работе.

Вот такой обман. Многие любовницы богатых мужчин гарантировали себе подобным образом уважение со стороны посторонних.

Дверь отворилась через пару секунд, и нас поприветствовала молодая горничная с рыже-красными волосами, стянутыми сзади в пучок.

На первый взгляд ей было не больше шестнадцати лет, а судя по резкому акценту, я предположил, что она совсем недавно приплыла из Ирландии.

Я показал свою визитную карточку, хотя отношение к полиции всегда делало людей менее разговорчивыми.

Мы около минуты прождали в вестибюле, пока горничная относила мою карточку хозяйке, а затем та же девушка отвела нас в небольшую гостиную. Она предложила принести чай с пирожными, и, зная, что нам сегодня может и не выпасть другой возможности поесть, мы согласились.

Мы ждали горничную, сидя на неудобных стульях с высокими спинками и синей обивкой, и я окинул взглядом голубые обои на стенах с мелким цветочным рисунком.

В отличие от гостиной Мамаи Дюран, выполненной в ярких красных и фиолетовых тонах, эта комната могла послужить образцом сдержанности и приличия.

Пирожные принесли почти сразу же, и только мы с ними покончили, как дверь открылась и вошла Кора. Это была привлекательная женщина с оливковой кожей, тёмными волосами и карими глазами.

Она вежливо нас поприветствовала и села на против, с лёгким беспокойством глядя перед собой.

— Почему вы сюда пришли, детектив? — спросила она. — Если честно, я и представить не могу, какое дело могло вас ко мне привести.

Она разгладила свою строгую синюю юбку.

— Вообще-то, нас интересуете не вы, — ответил я после того, как представил ей Алистера и Изабеллу. — Нас интересует ваша знакомая. Даже, я бы сказал, подруга.

Я на мгновение замолчал и продолжил:

— Мы ищем Стеллу Гибсон. И мы думаем, что вы сможете помочь нам определить её месторасположения.

Кора слегка напряглась, но тон её оставался спокойным:

— И что заставило вас думать, что я знаю что-либо об этой женщине? Как, вы говорите, её звали?

Я не был удивлён тем, что она решила не признаваться нам, но у меня не было времени на игры. И я решил сразу пойти с козыря.

— Ещё до того, как мы нашли это письмо, — произнёс я, вытаскивая из кармана письмо, написанное Стеллой, — Мама Дюран рассказала нам, что вы были очень дружны со Стеллой.

Я положил письмо на низенький кофейный столик между нами. Кора пристально посмотрела сначала на меня, а потом на небольшой, заляпанный кровью конверт.

Спустя мгновение, она взяла его и медленно прочитала, а затем вновь вернула на столик. Её пальцы старались не касаться кровавых пятен, и я понял, что ей противно, но в остальном она не высказала никаких эмоций.

И по этой реакции я понял — она не сомневалась, что Стелла в безопасности.

— Ясно, — Кора резко выдохнула и уставилась в окно, погружённая в свои мысли.

Алистер открыл рот, чтобы что-то сказать, но я лёгким движением головы попросил его помолчать. Я не хотел спугнуть Кору; похоже, ей нужно было пару минут, чтобы взять себя в руки и собраться с мыслями.

— Нам нужна ваша помощь, чтобы её найти, — в конце концов, настойчиво произнёс я. — Семья, на которую работала Стелла, очень обеспокоена. Мы считаем, что она могла стать свидетельнице убийства, а если это так, то она находится в серьёзной опасности.

Кора подняла на меня взгляд и насмешливо произнесла:

— А вы считаете, что можете её защитить? И кто это, «вы»? Детектив из маленького городка, работающий вместе с семейством Уингейтов? Ваша основная забота — убийство девчонки Уингейт, поэтому вы не можете полностью оценить, насколько ваше вмешательство может угрожать Стелле.

Я не упоминал при ней фамилию Уингейтов или то, что юная девушка стала жертвой убийства. Но это не имело значения — Кора и так всё знала.

Мой голос оставался спокойным.

— Я — детектив с опытом работы в этом городе, хотя сейчас и занимаю должность в полиции Добсона в штате Нью-Йорк. А господа Синклеры — частные лица, оказывающие мне консультативную помощь.

Я показал ей удостоверение в качестве доказательства и продолжил:

— Я считаю, что Стелла располагает информацией, которая поможет нам поймать убийцу Сары Уингейт. Только после его поимки все, включая Стеллу, смогут чувствовать себя в безопасности.

— Я смогу её защитить, — упрямо заявила женщина. — Вы не совсем представляете, с чем Стелле приходится справляться. Вы понятия не имеете, на что похожа жизнь Стеллы или моя.

Она замолчала и посмотрела на Изабеллу, но та сидела с ровной спиной и не

изменившимся выражением лица. И Кора продолжила:

— Я знаю, как обстоят дела в этом городе, и как в нём пробиться наверх. Никто не присмотрит за Стеллой лучше, чем я.

— Мисс Черни, вам сколько — лет двадцать четыре-двадцать три? — рискнул я предположить. — Полагаю, вы прячете Стеллу где-то в городе. И вы делаете это уже четыре дня. Думаете, вы готовы к тому, что эти четыре дня могут растянуться на недели или даже месяцы? Раз Стелла скрывается, значит, она не зарабатывает деньги, поэтому расходы на её содержание — ваши расходы — только вырастут. Ни одна из вас не сможет так долго жить.

Я наклонился ближе к Коре, и мой взгляд встретился с её.

Кора презрительно улыбнулась.

— Думаю, вы недооцениваете моё положение в обществе и состояние. Согласна, мужчины вроде мистера Нолада не женятся на девушках вроде меня. Но в ближайшее время он вряд ли женится и на ком-то другом — он просто не сможет себе этого позволить. Он встречается с милыми девушками и наслаждается их компанией. Но он всегда сомневается, что девушка достаточно мила и благовоспитанна, чтобы стать его женой. А пока он колеблется, он тратит своё время — и свои деньги — на меня, — произнесла Кора.

И прищурилась.

— А я знаю, как сберечь потраченные на меня деньги.

Если у меня раньше и закрадывались сомнения, то теперь они развеялись: передо мной сидела истинная протезе Маами Дюран.

Кора только что повторила слово в слово методы своей покровительницы по достижению финансовой независимости. А заодно и её привычку присматривать за теми, кто вызывает у неё жалость.

Я вспомнил о Мойре Ши — жертве убийства, чьё тело забрала и похоронила Маами Дюран по пока неизвестным мне причинам.

Я попробовал подойти с другой стороны, надеясь, что она внимлет разумным доводам.

— Вы ведь знаете, что подвергаете себя опасности, помогая Стелле. Она рассказала вам что-либо об убийстве Сары Уингейт? Это было жуткое преступление, и больше ни одна женщина не должна так пострадать.

Кора пожала плечами.

— Я уже вам сказала: я и сама могу о себе позаботиться, — отрезала она. — И я присмотрю за Стеллой, потому что она во мне нуждается. Она из тех девушек, кто не сможет сам пробить себе дорогу в этой жизни. Слишком слаба и духом, и телом, особенно после нападения. Но больше ей некуда идти, поэтому я буду заботиться о ней, пока она будет жить у меня.

— Какого нападения? — резко переспросил Алистер. — Вы говорите о случае во время убийства Сары Уингейт в этот вторник или о другом инциденте?

— Ну, конечно, я говорю о первом случае, — скептически посмотрела на него Кора. — Но мне кажется, когда снова встречаешь того же нападавшего, роли это уже не играет, не так ли?

Она определённо была раздражена нашей тупостью.

А мы же, в свою очередь, находились в полном недоумении.

Но Кора сказала про «того же нападавшего». Конечно, была вероятность того, что Кора неправильно поняла Стеллу, но если нет — Стелла сможет опознать убийцу Сары Уингейт.

— Простите, мисс Черни, — начал Алистер, — но мы в первый раз слышим о том, что

на Стеллу нападали ранее, как и о том, что того же человека она могла встретить в день убийства Уингейт.

Кора удивлённо на нас взглянула.

— Как такое может быть? — спросила она. — Вы же говорили, что разговаривали с Мами Дюран. Разве Мами не рассказала вам о нападении на Стеллу?

Кора увидела наши непонимающие лица и тяжело вздохнула.

— Ясно. Она явно не хотела показывать себя в дурном свете. Знаете, не столько по поводу самого нападения, сколько из-за последствий и сохранения репутации... Хотя она могла и лучше справиться с произошедшим. У нас многие так считали.

И Кора рассказала нам подробности одного январского вечера почти два года назад, когда Стелла покинула заведение Мами по срочному заказу.

За ней последовал какой-то мужчина, напал на Стеллу в пустынном переулке, а затем затащил в незапертый подвал близлежащего здания.

Стелла узнала нападавшего в лицо, хотя и не знала его имени — несколько месяцев назад этот мужчина посещал заведение Мами.

Тогда он показался Стелле испорченным и властным, но не опасным. Как же она ошибалась! Позже Стелла рассказала, что ей повезло: на крики девушки прибежала помощь, и её жизнь была спасена.

Но она много месяцев приходила в себя после жестокого нападения, боясь выйти на улицу даже днём.

Первое время Мами Дюран даже не впускала в своё заведение адвоката этого мужчины.

Она помогала Стелле выдвинуть обвинения и начать процесс в суде, и на меньшее даже не собиралась соглашаться. По крайней мере, сначала.

Но затем семья нападавшего и их влиятельные знакомые начали на них давить и предлагать деньги. И, в конце концов, Мами уговорила Стеллу отказаться от всех обвинений.

Когда появилась вакансия горничной в доме Уингейтов, вдалеке от Нью-Йорка и ужасных воспоминаний, это показалось Стелле божьим вмешательством.

Мами тоже хотела побыстрее избавиться от мелькавшей перед глазами Стеллы — скорее, из-за чувства вины, чем из-за чего-то другого.

— Лично я не думаю, что Мами сделала это только ради денег, — сказала Кора. — Дело в том, что у семьи нападавшего были отличные связи, и он мог задействовать нужных людей быстрее, чем Мами. А их вмешательство угрожало бы Мами закрытием её заведения.

— Хотя мне хочется думать, — продолжила она, — что Мами потом было стыдно. Она сама взялась за устройство Стеллы у Уингейтов, а это было для неё нетипично. Наверно, она больше не могла смотреть Стелле в глаза после того, что сделала. Точнее, после того, что не сделала.

Когда Кора закончила рассказ, мы не знали, что сказать. Алистер, судя по выражению его лица, пытался решить, что делать с этой новой информацией.

— Но вы не знаете имя того мужчины? — настойчиво переспросил он.

— Нет, — ответила Кора. — Стелла мне не говорила.

— И вы никогда не слышали, чтобы при вас упоминали имя Майкла Фромли? — уточнил он.

Кора начала раздражаться.

— Если и слышала, то не помню этого.

Но Стелла бы его узнала. И миссис Дюран. И каким-то образом всё это было связано с

тем, что Мама Дюран моментально выставила нас за дверь, стоило ей увидеть фотографию Майкла Фромли.

Может, Майкл Фромли и не был напавшим на Стеллу мужчиной — а так оно и было, если Кора не ошибается насчёт «того же человека», что убил Сару. Но он всё равно каким-то образом во всём этом замешан. Я был в этом уверен.

— Вы говорили, что Стелла в обоих случаях опознала одного и того же мужчину, — сказал я Коре. — Вы ведь понимаете, что теперь нам точно нужно с ней поговорить как можно быстрее.

— Нет, — решительно заявила Кора. — Она в безопасности. Я не стану рисковать и раскрывать её месторасположения. И ещё я не буду заставлять её вспоминать вещи, которые ей хотелось бы забыть.

— Я сомневаюсь, что Стелла сможет это забыть, как бы она не избегала разговора о нападении, — произнесла Изабелла мягко, но настойчиво. — Но она может помочь нам убедиться, что больше ни одна женщина не пострадает от руки этого мужчины.

Алистер подхватил мысль Изабеллы.

— Где она, Кора? Если вы нам не расскажете, то очень многих подвергнете опасности. Вы осуждаете поведение Мама Дюран после первого происшествия. Только представьте, насколько всё могло бы сегодня сложиться по-иному, если бы она поддержала Стеллу, и они выдвинули обвинения. Стелла бы сейчас не пряталась. Сара Уингейт была бы жива. А мужчина, который сотворил это с ними, находился бы за решёткой и уже не мог бы никому причинить вред.

Кора упрямо молчала.

— Отведите нас к ней, — произнёс я. — Или... устройте встречу, если хотите. Как вам удобней. Но нам надо с ней увидеться.

Мне показалось, прошла вечность, прежде чем Кора подняла на нас глаза. В её взгляде не читалось ни одной эмоции.

— Завтра утром в девять. Быстро и коротко. Не дольше, скажем, пятнадцати-двадцати минут, — её губы сжались в тонкую линию. — И встреча будет в месте, где много людей. Фонтан Бетесда в Центральном парке как раз подойдёт^[51].

Это было не лучшее место для встречи, которое пришло бы мне на ум, но мне не хотелось спорить.

— Почему мы не можем встретиться с ней пораньше? — спросил я. — Может, вы сможете привести Стеллу в Центральный парк сегодня вечером?

— Нет, — Кора показала головой и взглянула на часы. — У меня сегодня вечером встреча. И я не могу её перенести.

Она делала всё, что хотела сама, и слушать не желала о другом плане, поэтому мы вышли обратно на 91-ую улицу и пошли в сторону Пятой Авеню и Центрального парка.

— Предлагаю разделиться, чтобы сэкономить время, — сказал я. — Сейчас почти три часа. Я отправлюсь и допрошу Отто Шмидта. Уверен, он уже протрезвел. А вы, может быть, вернётесь в Колумбийский университет и порасспрашиваете там парочку-другую людей?

Алистер согласно кивнул:

— Думаю, вы хотите, чтобы мы поговорили с Лонни Муром, если получится.

— Вы правы, — ответил я. — И ещё у нас есть имена двух девушек, тесно общавшихся с Сарой по поводу получения женщинами права голоса — Дженни Уэллер и Рут Кэбот. Поговорите с ними, если они дома.

— А как насчёт декана Арнольда? — спросила Изабелла. — Помните, что Агнус...

— Помним, — перебил я её. — Конечно, поговорите с деканом Арнольдом — если вы, конечно, сможете найти его в кампусе в субботу вечером.

— Я его найду, — улыбнулась Изабелла.

— Тогда встретимся за ужином и там поделимся полученной информацией, — решил Алистер. — Как вы смотрите на китайскую кухню? Я знаю прекрасное местечко на Пелл-стрит. Ходят слухи, что это просто китайский Дельмонико^[52].

Дельмонико был самым изысканным рестораном в Нью-Йорке и располагался на Пятой Авеню. Думаю, им не очень нравилось такое сравнение.

Зная любовь Алистера к превосходной еде, я не сомневался, что в настоящем Дельмонико он был постоянным гостем.

Сначала его желание отправиться в Китайский квартал меня удивило, но когда он продолжил говорить, с восхищением отзываясь об их меню, я понял, что в его просьбе была и нотка авантюризма.

— Во сколько? — спросил я.

— Соберёмся на ужин, значит, в шесть часов вечера, — ответил Алистер. — У нас будет достаточно времени.

Алистер и Изабелла поймали экипаж, а я развернулся, чтобы спуститься в подземку на Третьей Авеню.

— Пелл-стрит, 24, — крикнул мне вслед Алистер.

Но я едва расслышал его, потому что все мои мысли вернулись к Отто Шмидту и нашему расследованию.

Я потратил около часа, чтобы найти Отто Шмидта, потому что из-за переполненности камер его перевели в отделение в Верхнем Ист-сайде.

Я съездил на станцию Оук-стрит на окраине города, а потом вернулся подземкой обратно в центр. Сплошная пустая трата времени.

Когда я, наконец, приехал в нужное отделение, меня отправили в камеру в дальнем конце коридора — самую последнюю от главного кабинета.

Наверно, офицеры хотели оказаться как можно дальше от Шмидта, чья одежда вся провоняла алкоголем и рвотными массами.

Отто Шмидт оказался худым, жилистым мужчиной с седой не стриженной бородой. Он сидел на простом металлическом стуле в дальнем углу камеры и плотно кутался в тонкое, изношенное серое одеяло.

Как только я вошёл в камеру, взгляд его чуть безумных глаз остановился на мне.

— Убирайтесь! — закричал он. — Сейчас же! Убирайтесь!

Он вжался в спинку стула, будто пытаясь в нём раствориться, и начал размахивать руками и ногами. После очередного рывка он, похоже, повредил правую руку и начал кричать от боли.

— Вы — Отто Шмидт? — для порядка спросил я, хотя мужчина на меня, кажется, совсем не обращал внимания.

Какое-то время он ещё рычал от боли, а потом сильно зажмурился, отказываясь даже на меня смотреть.

— Я сказал: убирайтесь. Я не стану с вами разговаривать. Я обещал, что уйду и не буду ни с кем говорить. Я ему поклялся.

Шмидт распахнул глаза и бешено посмотрел перед собой.

Может, до этого он и был пьян, но сейчас его поведение отличалось от обычного поведения пьянчуг. Не алкоголь сделал его таким беспокойным. Это был страх.

Я снова обратился к нему, на этот раз, говоря громче:

— Мистер Шмидт, вы знаете, почему здесь находитесь?

Он дёрнул головой.

— Клянусь, я уберусь из города, как и обещал. Но мне было так больно. Нужно было что-то, чтобы приглушить эту боль. А после этого я собирался уехать. Но они пришли и забрали меня. Поэтому я и не сдержал обещание. Потому что они пришли и забрали меня.

— Кто пришёл? — спросил я. — Полицейские?

— Да, — яростно закивал мужчина. — Поэтому я и не смог уехать. Я не могу с вами разговаривать. Вам нужно уйти.

— Мистер Шмидт, куда вы направлялись до того, как вас задержала полиция? — поинтересовался я.

Он посмотрел на меня пустыми глазами.

— Я ещё не решил. Может, в Балтимор. У меня там есть друзья. Ему было всё равно главное, чтобы я уехал из Нью-Йорка.

— Кому было всё равно, мистер Шмидт? — уточнил я. — Кто заставил вас пообещать, что вы покинете город?

— Я не знаю, не знаю, — слабо ответил он. — Я никогда прежде не видел этого мужчину. Но он меня избил, — Шмидт плотнее закутался в одеяло, — и заставил пообещать, что я уеду и ни с кем не буду разговаривать.

— Мистер Шмидт, — я пытался говорить спокойно и простыми словами, будто разговаривал с ребёнком, — я могу помочь вам уехать. Я могу помочь защитить вас от мужчины, который вас избил. Но сперва, вам надо рассказать мне, что произошло.

— Нет, нет, — начал он повторять в приступе паники. — Он говорил, что вы такое скажете, но я не должен с вами общаться. Я должен уехать, — его взгляд заметался по комнате.

Я разочарованно вздохнул. Разговор начал идти по кругу, и, похоже, никуда нас не приведёт.

— Вас арестовали по моей просьбе, — произнёс я, — и только я могу вас освободить. Я оплачу вам билет на поезд до Балтимора. Но я смогу это сделать лишь в том случае, если вы станете со мной сотрудничать.

Отто Шмидт впервые за наш разговор посмотрел мне прямо в глаза, но продолжал кутаться в одеяло:

— Вы обещаете, что поможет мне уехать? И не расскажете тому человеку, что я вами разговаривал?

— Обещаю.

Мы пришли к соглашению, и я узнал необходимые нам подробности происшествия.

Я уже знал, что Отто Шмидт не был человеком, ответственным за убийство Сары Уингейт.

Он её не помнил — только вещи, что украл у девушки и из-за которых загремел в первый раз в тюрьму. Это преступление оказалось спонтанным: ему представилась отличная возможность — комната Сары была первой незапертой комнатой, которую он нашёл, войдя в общежитие миссис Гарднер.

Сбежав из тюрьмы, он поехал в Бостон, где и провёл большую часть времени, а в Нью-

Йорк вернулся лишь месяцев шесть назад. Здесь он нашёл подходящую работу на кухне немецкого ресторана в районе Бауэри.

С его слов, всё шло прекрасно, пока сегодня ранним утром на него не напал мужчина и не приказал покинуть город.

Шмидт был явно напуган жестоким нападением, но смог вспомнить некоторые детали внешности мужчины: грузного телосложения, с каштановыми волосами, на голове он носил странную шапку и избивал Шмидта металлической трубой.

Отто понятия не имел, почему этот мужчина захотел, чтобы он уехал из города, и запретил ему говорить с полицией или кем-либо ещё.

Я не сомневался, что если бы Отто Шмидту не нужна была бутылка, чтобы заглушить боль от побоев, то он моментально покинул бы город.

Какая насмешка судьбы: если бы он не привлёк к себе сегодня утром внимание, пытаясь раздобыть выпивку, то мы бы никогда его и не нашли.

Я достал из кошелька деньги, но не отдал их Шмидту.

— Я обещал, что оплачу вам билет на поезд, — сказал я, — но я не хочу, чтобы вы потратили деньги на очередную бутылку. Мужчина, который выпустит вас отсюда, сам купит вам билет.

Шмидт снова оцепенел, и я не дождался ответа.

— Приведите к нему врача, — сказал я дежурному офицеру, вернувшись в кабинет. — Кажется, он сломал руку и нуждается в помощи. Счёт можете прислать по этому адресу.

Я оставил на столе визитку Алистера, затем протянул офицеру конверт с написанным на нём именем Малвани. В конверте была записка и деньги на билет для Отто Шмидта.

— Проследите, пожалуйста, чтобы Деклан Малвани это получил. Спасибо.

Я позже свяжусь с Малвани и объясню ему, что для наших целей лучше будет отпустить Шмидта. И я точно знал, что он посадит Шмидта на поезд.

Я снова спустился в подземку на Третьей Авеню на этот раз, направляясь в Китайский квартал.

Значительную часть второй половины дня я провёл в разъездах, и хоть и понимал, что веду себя нерационально, злился теперь на Алистера за то, что он выбрал для ужина такое неудобное место.

Хотя я сам на это согласился, в основном из-за того, что мне было бы удобно добираться туда с Оук-стрит, куда первоначально привезли Шмидта, и где он должен был находиться.

Ситуация с Отто Шмидтом продолжала меня беспокоить.

Каким образом убийца Сары Уингейт узнал, что Шмидт находится в нашем списке возможных подозреваемых? Единственный логичный вариант заключался в том, что убийца хотел, чтобы Шмидт уехал из города, и мы не смогли бы с ним поговорить.

Это было важно — не потому что Шмидт что-то знал, а именно потому, что он не знал ничего.

Если бы мы не смогли найти Шмидта, то не смогли бы и официально вычеркнуть его из списка подозреваемых в убийстве Сары Уингейт.

Это был хорошо просчитанный ход. Таким образом, убийца мог бы быть уверен, что наше расследование затянется из-за множества подозреваемых, которых мы не можем исключить.

Но напавший на Шмидта мужчина нашёл его ещё раньше, чем мы. Как такое возможно?

Я подозревал, что когда Малвани начал расспрашивать всех о местонахождении Шмидта, к делу были привлечены многие люди. Если честно, даже слишком многие.

И меня очень сильно беспокоили слова Алистера о том, что убийца следит за нашим расследованием — либо лично, либо притворяясь полицейским или журналистом.

И кем бы он ни был, он всегда оказывался на шаг впереди нас. И это сводило меня с ума.

Я вышел из подземки на Чатем-сквер и двинулся по Бауэри в направлении Дойерс-стрит и Китайского квартала.

Этим воскресным вечером толпы людей входили и выходили из магазинов, мясных и овощных лавок, ресторанов и куда более опасных для проведения времени баров.

На Дойерс-стрит уже прикрыли клуб «Мандарин», принадлежавший Джимми Келли, и напротив него открылась христианская миссия.

Я повернул на Пелл-стрит и увидел заведение Майка Солтера. В нём всегда было полно посетителей, как и положено типичному ресторану с названием «Восток». Он находился в самом сердце Китайского квартала, и здесь сосуществовали всевозможные пороки, религии и кухни.

Ресторан Мон Лай Вон — или, как назвал его Алистер, «китайский Дельмонико» — находился на верхнем этаже здания. Я поднялся по узким ступеням и очутился в небольшом зале с красными коврами, декоративными ширмами из рисовой бумаги и несколькими столиками.

После хаоса, царящего на улицах Китайского квартала, этот зал казался оазисом тишины и спокойствия.

Алистер и Изабелла уже ждали меня за одним из столиков. Окинув взглядом помещение, я сразу понял, почему Алистер решил собраться именно здесь (если, конечно, не принимать в расчёт его любовь к китайской кухне).

Это было тихое местечко, в зале стояло всего несколько столиков, поэтому здесь нам никто не должен помешать поговорить.

— Закажем их коронное блюдо, — сказал Алистер. — Чоп суй^[53] у них просто великолепен, а фаршированные куриные крылышки без косточек — лучшие, что я пробовал за пределами Гонконга.

Я глянул в меню. Крылышки были самым дорогим блюдом в списке — два с половиной доллара. За такую стоимость они обязаны быть лучшими.

— А ещё я неравнодушен к их жареным лобстерам в рисе, — добавил Алистер.

У столика появился официант, готовый принять наш заказ.

— Начнём с чайника чая Линь Сом, — сказал ему Алистер, — а также китайский водяных орехов с даньхуатан^[54].

Затем он продолжил заказывать различные блюда, а в конце поблагодарил официанта на китайском. Как только мужчина отошёл на приличное расстояние, Алистер пожаловался, что в городе нет китайских ресторанов за пределами Китайского квартала.

— Думаю, люди боятся перенести к себе неприятностей, с которыми у них ассоциируется Китайский квартал.

Это была большая тема для всех. Я знал, что полиция в начале этого года закрыла китайский ресторан рядом с Юнион-сквер из-за жалоб соседей.

Спустя две недели расследования, оказалось, что ресторан не занимался ничем, кроме продажи еды. Но две недели простоя обанкротили его владельца.

Нам принесли чай в чайничке.

— Что вы сегодня узнали, Саймон? — спросила Изабелла, разливая всем троим чай в чашки.

Я передал им рассказ Отто Шмидта. Как я и ожидал, Алистер в первую очередь обеспокоился тем, что на Шмидта напали и угрожали.

— Убийца опережает нас каждый раз, как мы добиваемся прогресса в расследовании, пусть и небольшого, — угрюмо заявил Алистер. — Это означает, что он нервничает и очень пристально следит за нашими действиями. Мне это не нравится.

— Мне тоже, — кивнул я и сделал глоток чая. — А вы что сегодня узнали?

Алистер оживился и начал рассказывать о встрече с приверженками равноправия для женщин.

— Сначала мы нашли дома Дженни Уэллер. Они с Сарой не были близкими подругами в колледже Барнард, но обе участвовали в суфражистском движении.

Алистер дёрнул плечом.

— Между прочим, ужасная женщина. Слишком нервная и без намёка на чувство юмора. Всю нашу беседу я готов был сорваться. Но мы узнали от неё кое-что интересное: она подтвердила, что Сара была активной сторонницей равноправия женщин и тяжело работала. И ещё она вспомнила про случай, произошедший две или три недели назад: она видела, как Сара спорит с неким молодым человеком на станции подземки на 116-ой улице.

Нам принесли водяные орехи, и Алистер схватил один из них китайскими палочками. Изабелла тоже управлялась палочками почти профессионально. А я же, напротив, не мог удержать и одну.

— Саймон, давайте преподам вам урок владения китайскими палочками, пока не принесли лобстера и цыплят, — рассмеялась Изабелла. — Это довольно просто, когда знаешь, что делать. Так, большой палец положите сюда, а указательный — сюда.

Она несколько раз показала мне правильную технику, пока у меня не начало получаться. Может и не так умело, как у неё, но я, по крайней мере, постиг базовые навыки.

Алистер продолжил рассказ.

— Потом я поговорил с тремя другими бывшими однокурсницами Сары, которые жили на этаж выше Дженни Уэллер — Каролиной Браун, Тилли Мэддокс и Рут Кэбот. Каролина говорила за всех троих; двое других открывали рот редко и только, когда их спрашивала Каролина. Поэтому я придал большее значение тому, что сказала мне Рут Кэбот. Последний раз они видели Сару на встрече женского общества в доме миссис Ллевеллин. Это было..., - Алистер вытащил из кармана пиджака записную книжку в чёрном переплёте и открыл нужную страницу, — ...в среду, восемнадцатого октября. Собрание было посвящено обсуждению избирательной платформы на выборах мэра. Полагаю, они собирались предоставить на рассмотрение свои идеи непосредственно Херсту.

Он покончил с последним водяным орехом и принялся за даньхуатан, который мы с Изабеллой уже давно начали есть.

— Рут заметила, что Сара была расстроена и не участвовала в обсуждении, как обычно. И выглядела она ужасно: глаза были мутными, у девушки раскальвалась голова. И когда Рут подошла к ней с вопросом, Сара сказала, что собирается отказываться от работы в деканате, как только закончится семестр.

Алистер сделал паузу и съел ложку супа.

— Продолжайте, — нетерпеливо произнёс я.

— Сара заявила, что хочет доделать перед уходом один проект, с которым никто, кроме неё, больше не справится. И сказала Рут ни о чём не беспокоиться.

— Значит, Рут, как и Мэри Бонэм с Агнусом МакДональдом, считала, что за пару дней

до своего убийства Сара была чем-то серьёзно обеспокоена? — размышлял я вслух. — Возможно, Изабелла права, и это каким-то образом связано с работой у декана Арнольда. Лонни Мур подавал на неё ещё жалобы в деканат?

— Если и подавал, то мы о них не знаем, — ответил Алистер. — Позвольте, я продолжу и расскажу о своей беседе с Лонни. У него неплохие связи, Зиль. Помните об этом, если он станет вашим основным подозреваемым. Его отец — крупный банкир с кучей акций «Дж. П. Морган»^[55] и влиятельными друзьями по всему городу. Я и сам знаком с некоторыми из них.

Алистер пытался сказать, что семья Лонни являлась одной из богатейших в Нью-Йорке, и они обладали полезными знакомствами среди финансистов и специалистов в области права.

Тем временем Алистер продолжал.

— Он живёт в одноместной комнате в Уоллах-холл с видом на двор университета. Его друзья — если помните, Изабелла и Гораций уже говорили с ними прежде — живут на том же этаже. Они и подтвердили алиби Лонни на момент убийства Сары Уингейт. Они сказали, что они все вместе были в комнате Сэма Бейкера и играли там в карты. Но вы же знаете: алиби, предоставленные друзьями, иногда разваливаются, как карточный домик.

Алистер откинулся на спинку стула и переплёл пальцы.

— У Лонни были напряжённые отношения с Сарой — причём, и до, и после его жалобы по поводу занятий органической химией. Я сказал ему быть в своей комнате завтра около одиннадцати, на случай, если после нашей встречи со Стеллой вы захотите сами с ним поговорить и составить собственное мнение.

Я минуту помолчал, раздумывая над предложением.

— Как вы считаете, он тот, кого мы ищем? — в конце концов, спросил я Алистера.

— Я пока не могу решить окончательно, — ответил Алистер. — Он достаточно умён для этого и зол на Сару. И очевидно, ему постоянно нужны деньги — а это очень важный момент, и Изабелла сейчас объяснит почему. Лучше вы завтра утром сами посмотрите и решите.

— И ещё одно, — спохватился Алистер. — Может, Лонни и не убийца, но он вор. Есть доказательства. Когда я пришёл, вместе с Лонни был научный руководитель Сары, Калев Мюллер. Похоже, юноша принёс Мюллеру статью, которую Сара готовила для публикации в известном математическом журнале, и надеялся выдать эту работу за свою.

— А вот это интересно, — протянул я. Завтра утром я сам сделаю выводы. Я повернулся к Изабелле. — Я так понял, вы узнали кое-что от декана Арнольда.

Волнение Изабеллы было очевидным, но она сначала разлила всем чай, а потом уже приступила к рассказу.

— Декан Арнольд был сегодня днём в своём кабинете, воспользовавшись выходными, чтобы подчистить хвосты с бумажной работой со своим секретарём-помощником — юношей по имени Сэмюэль Коэн, — начала она.

— Я узнала, что Сара начала работать в деканате в январе прошлого года. Она приходила туда по средам и пятницам с часа дня до пяти часов вечера.

— Он рассказал, над какими проектами работала Сара? — уточнил я.

Я взял одно из фаршированных куриных крылышек палочками. Надо признать, Алистер был прав: они были восхитительны.

И пахло от них непередаваемой смесью специй. Для моего невзыскательного вкуса это было в новинку.

— Она помогала декану со встречами и собраниями; проверяла, соответствуют ли готовые диссертации необходимым параметрам оформления; а также работала над грантами и бюджетом. Деканат руководил распределением бюджета для отдельных кафедр и отвечал за предоставление субсидий из отдельного фонда деканата, — глаза Изабелла загорелись. — Сам декан ничего не заметил, но Сэм вспомнил, что две-три недели назад Сара была чем-то встревожена. То есть, именно в то же время, о котором упоминали и остальные свидетели.

— Он знает, что её встревожило? — нетерпеливо спросил я, потому что возбуждение Изабеллы было почти осязаемым.

— Не знает, — ответила она, — но он вспомнил, что в последнее время Сара работала над бюджетом для исследовательского центра Алистера. Декан отдал мне бумаги, которыми она занималась, и я их просмотрела, как только вернулась в офис Алистера.

— И?

— Если вкратце: кто-то в наглую обворовывает Алистера, — сказала Изабелла. — Если поподробней, то всё немного сложнее.

Она достала из сумочки записки и протянула мне.

— Сначала вам нужно понять, как распределяется бюджет для Центра Криминологических Исследований. По сути, Алистер сам спонсирует собственную работу только через университет, а не через собственный банковский счёт.

— А почему не за счёт личных средств? — поинтересовался я. — Это ведь было бы проще, не так ли?

— Да, было бы проще, — согласился Алистер. — Но хуже для университета. Моя принадлежность Колумбийскому университету даёт мне много преимуществ, так что я захотел помочь им хоть так. Фактически, когда я передаю деньги на собственный исследовательский центр через деканат, это можно расценивать, как пожертвование. Это поднимает ежегодные показатели по сбору средств среди университетов и привлекает новых спонсоров — люди любят жертвовать деньги на успешные проекты.

Нас прервало появление хозяина заведения — китайца, взявшего себе английское имя «Джимми». Он хотел удостовериться, что нам всё понравилось, а также предложить выкурить после ужина пару сигар с новым сортом табака.

— Нам привезли отличные новые сигары. Попробуете? — спросил он.

Он протянул меню, озаглавленное «Сигары и Сигареты Лучшего Качества».

— Спасибо, Джимми, но не сегодня. Видишь ли, мы сегодня ограничены во времени, — ответил Алистер.

— Тогда я принесу ваш десерт.

Очевидно, у нас не было выбора.

Он направился к официанту, и спустя полминуты перед нами уже стоял десерт.

— Карамбола, фрукт личи и юэбин^[56], — провозгласил он и добавил: — И не забудьте про предсказания судьбы внутри. Это распространённая китайская традиция ещё со времён династии Мин.

Алистер разломал печенье и достал изнутри маленький свёрнутый кусочек бумаги.

— «Ваш грядущий успех затмит все ваши предыдущие успехи». Хм, будем надеяться. А у вас, Зиль?

— «Первый шаг к лучшему будущему — вообразить себе его», — вслух прочёл я.

Я откусил кусок юэбина. Станный вкус. Мне больше понравились фрукты.

Изабелла рассмеялась и открыла своё предсказание.

— «Великие приключения ожидают тех, кто готов сделать шаг в сторону и повернуть за угол». Если бы всё было так просто.

Я вернулся к нашему обсуждению.

— Я понял, почему финансирование исследовательского центра Алистера происходит путём его же пожертвований. И что из этого следует?

Алистер пожал плечами:

— Деньги остаются в деканате с пометкой «для исследовательского центра», пока я не отправлю официальный запрос.

— Обычно этим занималась миссис Либ, — добавила Изабелла, — Алистер диктовал ей текст запроса и ставил на бумаге подпись. Проблема в том, что за последний год с этого помеченного счёта декана Арнольда пропала значительная сумма денег. Чеки выдавались со счёта, используемого исследовательским центром, но ни разу не попадали к миссис Либ. Кто-то смог обналить их, используя имя Алистера.

— И вы не замечали пропажи денег? — спросил я у Алистера.

Алистер неуютно передёрнул плечами:

— Очевидно, нет. Мы же говорим о сумме, которую я не запрашивал. Я получал всегда все деньги, которые стояли в запросе. Не было причин проверять, что остаётся на счету в резерве.

— И какую точно сумму мы жертвуете каждый год? — уточнил я.

Мне казалось невероятным, что человек может не следить за передвижением такой значительной суммы денег.

Но отношение Алистера к деньгам отличалось от такового у других людей. У него было гораздо больше денег, чем нужно было для удовлетворения его потребностей, поэтому ему не надо было внимательно следить за счетами. И его ответ подтвердил мои размышления.

— Мне нужно уточнить у моего бухгалтера, — сказал Алистер. — Для университета в целом я жертвовал несколько раз всю годовую зарплату. Но мы же говорим о той части, что шла именно на исследования.

Изабелла обхватила чашку чая руками, просматривая документы из деканата, в которых значились разделения бюджета на различные факультеты.

— Сара заметила эту проблему, потому что все, кто получает деньги из фонда деканата, должны задокументировать, на что именно были эти деньги потрачены, и приложить чеки. Это делается раз в три месяца, — пояснила Изабелла. — Сара заметила, что огромная сумма денег, предназначенных для исследовательского центра — а это около пятнадцати тысяч долларов — не была задокументирована.

Изабелла отодвинула в сторону тарелку, чтобы освободить место для бумаг. В ту же секунду из ниоткуда выскочил официант и убрал посуду со стола.

— Первым делом я спросил бы, мог ли кто-то из исследовательского центра обналить чек самостоятельно?

— Я тоже об этом подумала, — кивнула Изабелла. — Но посмотрите сюда, — она повернула бумагу к нам с Алистером. — Я сравнила этот запрос на две тысячи долларов с образцами почерка всех в исследовательском центре — Тома, Фреда, Горация и даже миссис Либ. Никаких совпадений.

— Этот человек мог изменить свой почерк, — возразил я.

— Мог, — ответил Алистер, — но большинство из нас, учёных, пошло в эту профессию не ради денег. Нами движет страсть в нашей области деятельности. Поэтому мне сложно

представить любого из моих коллег одержимым жадностью и проворачивающим подобную схему.

То, что сказал Алистер, без сомнения было правдой. Но я не мог не думать о том, что коллеги Алистера не были такими же финансово независимыми. И их точка зрения могла отличаться от точки зрения Алистера.

— Вы говорили, что Лонни постоянно нуждается в деньгах. Это стоит проверить, — задумчиво произнёс я. — Лучше всего будет связаться с банком в понедельник утром. Чек обналичили, значит, деньги куда-то ушли. Возможно, мы сможем найти новые зацепки, отследив этот чек.

Алистер отодвинул в сторону тарелку из-под десерта.

— Самая главная сейчас проблема заключается в том, как выяснение этих махинаций затронуло Сару Уингейт. Она могла и сама определить человека, укравшего деньги. Но все упоминали, что она была расстроена. Кража... деньги... расхождения в бюджете... всё это должно было быть неприятным, но не расстраивать до такой степени, что это заметили и Агнус МакДональд, и Рут Кэбот.

— Особенно, если учесть, что украли не её деньги, — добавила Изабелла.

— И не стоит забывать, что человек, укравший мои деньги, может не иметь никакого отношения к убийству Сары, — сказал Алистер. — Кража и убийство могут быть различными, абсолютно не связанными друг с другом преступлениями.

— Помните деньги, найденные вами на месте убийства под матрасом Сары? — спросил я у Алистера. — Это была та же сумма, что стоит в этом запросе.

Я указал на одну из пропавших сумм денег, которую вычислила Изабелла.

— Довольно странное совпадение: у неё находят столько же денег, сколько она недавно запросила со счёта. Может, её убили ради денег. Но не ради её собственных денег, а ради денег Алистера.

Никто из нас не мог дать ответ.

В конце концов, Эбигейл Уингейт была убеждена, что деньги принадлежали её тёте. Но я был рад, что мы, наконец, вернулись к настоящей детективной работе — мы проверяем каждую ниточку, чтобы удостовериться, что понимаем все аспекты жизни Сары Уингейт как можно лучше.

Я чувствовал, что мы приближаемся к раскрытию дела, внимательно рассматривая все детали её жизни.

Один вопрос не давал мне покоя: как со всем этим связан Фромли? Потому что я не забыл ни на секунду, что подражатель, которого мы ищем, связан как с Сарой Уингейт, так и с Фромли.

— А сейчас я должен извиниться, друзья мои, — сказал Алистер, начиная собирать вещи, — но мне пора. У меня билеты на новый мюзикл в «Маджестик»^[57]. Называется «Страна чудес».

И он положил на столик деньги, более чем сполна покрывая расходы на ужин.

— Зиль, вы не проводите Изабеллу до дома? А с вами мы увидимся завтра утром у фонтана Бетесда в Центральном парке.

— Мы сейчас как раз недалеко от одного из моих самых любимых кафе — «Феррара». Не против, если мы сначала заглянем туда? — спросил я у Изабеллы.

— Звучит заманчиво, Саймон, — ответила девушка.

— Это всего в четырёх кварталах отсюда по Центральной улице между Мотт-стрит и

Малберри. У них самый лучший кофе в городе.

Мы двинулись в сторону Мотт-стрит, и вскоре яркая иллюминация и огромные толпы Китайского квартала сменились многочисленными ресторанчиками и музыкой Маленькой Италии.

Мы прошли мимо ресторана, изнутри которого на улицу доносились звуки скрипки. «O mio babbino caro»^[58].

Мы дошли до кафе-пекарни Феррара раньше, чем я ожидал, задержались у стеклянной витрины с печеньями, выпечкой и другими восхитительными на вид сладостями и заняли столик у окна, откуда прекрасно были видны прогуливающиеся люди.

Я выбрал эспрессо, Изабелла предпочла чай, и мы решили заказать один канноли^[59] на двоих.

Взгляд её карих глаз неотрывно следил за кофе-машиной, которая булькала, шумела, а в конце выпустила в воздух облако пара.

Я заметил её заинтересованность.

— Никто в городе не делает кофе так, как они. Наверно, Феррара был первым в Нью-Йорке, кто приобрёл кофе-машину для эспрессо. Хороший кофе — это искусство: молотые зёрна и количество пара должны находиться к идеальной пропорции.

— Осторожней, а то станете таким же гурманом, как Алистер, — рассмеялась Изабелла.

— Из-за еды? Никогда! Но вот кофе... Да, отличный кофе — моя слабость.

Официант принёс наш заказ. Изабелла пристально посмотрела на чашку чёрного-чёрного кофе.

— Вы же не заснёте всю ночь, — предупредила она.

— Я и так почти не сплю во время расследования, — пожал я плечами. Если сон ко мне и приходил, то был обрывочным и редким. Как бы тело не нуждалось отчаянно в отдыхе, мой мозг отказывался расслабляться.

— У вас здесь есть семья? — спросила Изабелла.

— Больше нет, — ответил я, пробуя канноли. — Я остался один.

Потом рассказал, как прошлой зимой умерла моя мать, а сестра давным-давно вышла замуж и переехала. Не стал только упоминать своего давно отсутствовавшего отца: понятия не имею, может, он вообще уже мёртв.

— И никакой возлюбленной или миссис Зиль, с которой вы могли бы провести субботний вечер? — спросила Изабелла. Её голос был лёгким и слегка подтрунивающим. — Хотя думаю, что её нет, иначе вы не стали бы проводить этот вечер в нашей с Алистером компании.

— Была, — я отхлебнул кофе. — Она умерла.

Фраза получилась более резкой, чем я намеревался.

Изабелла помрачнела.

— Простите, — она на пару секунд замолчала. — Какой она была?

И я рассказал ей о Ханне.

Я рассказал об остроумии и заразительном чувстве юмора Ханны. Как тёплыми летними деньками мы могли часами напролёт сидеть на ступеньках её крыльца и разговаривать. Как она, кажется, понимала меня, как никто другой.

Как я собирался жениться на ней и забрать из Нижнего Ист-Сайда, как только выпущусь из Колумбийского университета и стану адвокатом. Но ничего из этого так и не произошло.

Сначала мой отец бросил нашу семью после ночи игры в казино, вышедшей из-под

контроля. А с ним развеялись, как дым, и мои мечты закончить Колумбийский. А вскоре после того, как меня повысили до детектива, и я накопил достаточно денег, чтобы снова задуматься о женитьбе, Ханну забрала у меня ужасная катастрофа на «Слокаме».

— Люди говорят, что со временем горе проходит. Так и есть, — я спокойно посмотрел на Изабеллу. — Но меня до сих пор не отпускает чувство вины.

— И кого вы обвиняете, Саймон? — спросила она. — Я, конечно же, читала заметки в газетах и знаю, что команда корабля за ним практически не следила.

— Нет, я виню не команду, хотя они ничем не помогли спасти выживших. Я виню тех, кто обладал властью предотвратить катастрофу, но был ослеплён выручкой и платой из-под полы. Они её убили, — с горечью произнёс я, — хотя любой из них мог её спасти. Лундберг, проверявший корабль, мог отстранить их из-за неисправных спасательных жилетов и надувных лодок. Барнаби, владелец, мог закупить новое оборудование. А у капитана Ван Шайка была куча возможностей выбрать для перевоза более надёжный корабль. Но я сомневаюсь, что окружной прокурор сможет добиться того, чтобы хоть один из них поплатился за содеянное. В мае над Лундбергом был уже третий суд, но и он закончился ничем. И я уже перестаю надеяться, что Ван Шайк получит по заслугам.

— А вам станет легче, если кто-нибудь из них попадёт в тюрьму? — спросила Изабелла. — Это не вернёт вам Ханну.

— Нет, — честно ответил я. — Но, когда столько людей потеряли так много, ответственные за это люди тоже должны хоть что-то потерять.

Мы минуту посидели в тишине, а потом я продолжил:

— В самом конце её убил другой пассажир. Она должна была спрыгнуть. Возможно, пламя было слишком близко, и какой-то мужчина не смог выдержать его жара, но он прыгнул сразу за ней. Слишком близко и слишком рано. Веса его тела хватило. Чтобы она потеряла сознание и утонула.

— Вы не можете быть в этом уверены, Саймон, — прошептала Изабелла. — Вас там не было.

Конечно, я там был.

Я был одним из нескольких полицейских, направлявшихся к горящему кораблю. Когда мы приблизились, в Ист-Ривер посыпались доски обгоревшей палубы.

Вода кишмя кишела людьми: кто-то плакал и молил о помощи, кто-то отчаянно пытался доплыть до берега. Они группами прыгали с корабля — иногда по двое-трое, а иногда и целым десятком.

Ханна в тот день была в красном — новое платье, которое прекрасно оттеняло её кожу и золотисто-каштановые волосы.

Я еле-еле мог дышать в густом чаду от горевшего корабля. Наша лодка подплывала всё ближе и ближе, по пути собирая выживших.

Я помогал им всем. Но даже не замечал этого. Я тщетно пытался разыскать Ханну в водах реки. «Ближе, ближе!» — кричал я человеку за штурвалом, заставляя его плыть к носу корабля, где стояла, прижавшись к борту корабля, женщина в красном платье.

Я не мог разглядеть её лицо... Не мог сказать, она это или нет... И, когда мы подошли ближе, всё поглотила стена огня.

Позже мне рассказали, что горящая древесина от разваливающейся палубы «Слокама» опрокинула нашу лодку, и мы сами чудом остались в живых.

Я провалялся двое суток в госпитале, а, когда вышел, забрал из огромного

импровизированного морга её тело.

Соседи из лучших побуждений решили в общих чертах рассказать мне о последних минутах жизни Ханны и уверили, что у неё не было никаких шансов.

Но я знал, что они не правы. Меня всегда будет преследовать одна и та же картинка в голове: девушка в красном платье. Девушка, которая могла быть, а могла и не быть Ханной. Девушка, до которой я пытался добраться, но не успел.

— Я был там, но опоздал, — мрачно признался я Изабелле и рассказал всё.

Она наклонилась вперёд и открыла рот, чтобы что-то сказать, но я её прервал:

— Не говорите этого, — я быстро сжал её ладонь. — Я понимаю.

И я так же быстро отпустил её руку.

Я не был готов услышать чуть не произнесённые ею слова. Пока ещё нет. Не от неё.

— Ваш муж тоже умер, — это было утверждение, а не вопрос.

— Два года назад, — кивнула Изабелла. — Он был археологом и входил в состав команды, работавшей в Греции. Они сделали важное, но довольно противоречивое открытие, касающееся очень ценных артефактов. А потом из-за этих артефактов убили Тедди и его напарника.

Её лицо замкнулось, и я решил сменить тему. Том говорил, что смерть Тедди окружали необычные обстоятельства. И я пока не хотел в них вникать.

— Вот чего я не могу понять: почему вы так интересуетесь работой Алистера? — спросил я. — В последние два года вы сосредоточились на помощи не самому морально чистому человеку.

Изабелла посмотрела мне прямо в глаза.

— Я считаю, что зло не так пугает, когда его понимаешь. Я никогда не разделяла оптимизм Алистера по поводу реабилитации людей вроде Фромли. Но после того, как я узнала о нём больше, узнала, почему он так ведёт себя и так думает, я перестала бояться его и таких, как он. Включая напавших на Тедди людей, — добавила она.

Изабелла в этом была очень похожа на Алистера: её желание разобраться в мышлении преступника тоже было своеобразным способом, как справиться с горем после жестокой гибели Теодора Синклера.

— А вы сами? — поинтересовалась Изабелла. — Ваша работа состоит в том, чтобы находить и арестовывать преступников.

— Ну, я это делаю не из-за того, что хочу понять мысли убийц, — задумчиво произнёс я. — Но я умею понимать жертв. После происшествия никто не присмотрит за ними...

— ...Никто, кроме таких людей, как вы, — мягко закончила мою мысль Изабелла. — Вы хороший человек, Саймон.

Мы продолжили болтать, стараясь не касаться тяжёлых тем, и мне даже удалось насладиться этим вечером и забыть о разочаровании, преследующем меня с начала этого дела.

Но после того, как я проследил, чтобы Изабелла безопасно поднялась на крыльцо своего дома, и сел на поезд в Добсон, меня снова накрыла мрачная пелена.

Я стал думать о том, что, несмотря на все наши усилия в раскрытии этого убийства, у нас может ничего не получиться.

Это дело может так и остаться нераскрытым. Это было бы моим личным провалом, но кроме всего прочего я не мог вынести мысли о том, что жизнь Сары Уингейт оборвалась так рано. Как и жизнь Ханны.

Эти две девушки и обстоятельства их преждевременных смертей преследовали меня во снах всю ночь, не давая покоя. Кто-то мог бы сказать, что всё дело в кофе. Но я знал точно: это не так.

Понедельник, 13 ноября 1905 года.

Я читал «Таймс», пока поезд нёс меня обратно в город этим утром понедельника на встречу со Стеллой Гибсон в Центральном парке.

Заголовки газеты пестрели информацией о провале на выборах мэра в этот вторник. В статьях говорилось о том, что Херст передал вопрос о победе мэра МакКеллана в Верховный Суд города Нью-Йорк, но редакция «Таймс» сходилась во мнении, что шансы у него невелики.

Остальные новости тоже были мрачными: на фондовых рынках царил сумятица из-за тревоги по поводу беспорядков в Санкт-Петербурге и Одессе; а известнейший баритон «Оперы Метрополитен», Эмиль Гредер, совершил попытку суицида из-за долга перед ростовщиками.

Последнее сообщение вернуло меня мыслями к вчерашнему открытию Изабеллы.

Некто настолько хорошо был осведомлён о привычках Алистера, что не сомневался: пожертвования Алистера были настолько велики, что он не заметит снимаемой суммы.

И ещё вор обладал достаточной информацией о выделении средств деканатом, чтобы отправить запрос и забрать деньги, не вызывая подозрений.

Но он допустил ошибку, считая, что суммы денег, выдаваемые деканатом — это пустые чеки, которые нигде не документируются. Никто из наших текущих подозреваемых не подходил под этот профиль. По крайней мере, пока мы не получим от Стеллы новую информацию.

Я вышел из здания Центрального вокзала и направился к парку. Морозный воздух заставил меня ускорить шаг, и я оказался у фонтана раньше остальных.

Хоть парк и был далеко расположен от места, где я жил, я часто сюда приходил. Особенно в первое время после смерти Ханны.

Это место в целом и Ангел Вод^[60], возвышающийся над фонтаном, в частности всегда поражали меня своим спокойным величием.

Алистер приехал почти сразу после меня. Тёмные круги под глазами сказали мне о том, что он тоже мало спал этой ночью.

— Как театр? — спросил я.

— Ничего особенного. Лучше бы я сходил на «Питера Пена», отзывы на него превосходные. Но Китти... в общем, забудьте. Я просто хотел угодить моим знакомым.

— Изабелла сегодня утром не придёт? — уточнил я.

Алистер покачал головой.

— Она отправилась в исследовательский центр, хочет изучить и другие финансовые отчёты. Фред и Том планируют сегодня присоединиться к нам и помочь с бумагами.

Мы оборвали разговор, заметив двух женщин на верхней террасе, направлявшихся в нашу сторону по ступеням.

Женщиной пониже была Кора. Стелла же возвышалась над ней, как скала, и меня это удивило.

И Уингейты, и Кора описывали мне эмоциональную хрупкость Стеллы, поэтому я

представлял её миниатюрной и слабой девушкой.

Но она была высокой, с сильными чертами лица, острым орлиным носом, необычно светлыми — почти серебристыми — волосами и аквамариновыми глазами.

Её движения напомнили мне пугливого жеребёнка, шарахающегося от каждого звука и шороха, и я тотчас вспомнил слова Кору.

Она говорила, что после нападения в январе Стелла не хотела выходить на улицу. И даже сейчас, в людном месте, ей явно не было комфортно.

Она подошла к нам, слабо улыбнулась и смущённо поприветствовала. Когда я услышал её акцент, сразу вспомнил, что девушка росла в округе Бостона — она иногда теряла окончания в словах.

Кора поприветствовала нас кивком головы и встала в шаге от Стеллы, будто охраняя.

— Мы рады видеть, что вы целы, — сказал я. — Семейство Уингейтов очень переживало за вас.

В глазах Стеллы промелькнуло чувство вины.

— Пожалуйста, скажите им, что со мной всё в порядке. Я не хотела их тревожить.

— И мы тоже переживали, особенно после того, как нашли на Центральном вокзале окровавленную дамскую сумочку с вашим неотправленным письмом Коре.

Девушка на мгновение была озадачена.

— Наверно, это сумочка мисс Сары, — наконец произнесла она. — Она предложила отправить моё письмо, когда поехала на прошлой неделе в город. Интересно, почему же она его не отправила? Забыла? Это на неё не похоже.

Я же не сомневался, что у Сары на уме было нечто более важное, и оно её и отвлекло.

— Думаю, вы знаете, почему мы хотели с вами встретиться, — мягко произнёс я. — Мы должны знать, что вы видели в день убийства Сары.

Она кивнула и медленно начала рассказывать. С каждой произнесённой фразой мы начинали понимать, какой ужас произошёл в доме Уингейтов в тот злополучный вторник.

— Я была в саду, помогала миссис Уингейт, когда услышала звук, от которого у меня кровь застыла в жилах. Этот звук был похож на кошачью драку — только вот у нас не было котов, и доносился он из дома.

Она сделала глубокий вдох и засунула руки в карманы.

— Я сказала миссис Уингейт, что мне надо кое-что проверить, и направилась в сторону кухни, чтобы проверить, что ничего не случилось. Я знала, что мисс Эбигейл гуляет с собаками, но мисс Сара работала в своей комнате.

Она замолчала, опустила взгляд и начала поддевать носком чёрной туфли камешек на тротуаре.

— Продолжайте, — попросил я.

Она тяжело сглотнула.

— Я не стала звать её. Не знаю почему. Я была в полуметре от лестницы наверх, когда услышала странный булькающий звук. Я забеспокоилась, что Саре стало плохо, и начала подниматься на второй этаж.

Стелла крепко сжала свой голубой шарф и плотнее обмоталась им.

— Наверно, я поняла, что что-то не так, когда поднялась на полпролёта. Я слышала странные звуки, словно кто-то задыхался, — она непроизвольно вздрогнула. — Я всё поняла, но не могла остановиться и поднималась наверх. Я должна была увидеть, что происходит.

Её голос становился всё тише, пока не опустился до шёпота.

— Я как раз поднялась на верхнюю ступеньку, когда услышала бормотание. Это был мужской голос. Он повторял что-то каждые пару секунд, а потом появился глухой звук, похожий на тот, когда мы с Мод выбивали на улице ковры миссис Уингейт.

Стелла запнулась.

— Я тихонько двинулась по коридору. Я старалась держаться ближе к стене, чтобы в любой момент нырнуть в открытую комнату, как только прекратится мужское бормотание. И дошла до гостевой спальни, заглянула внутрь. И тогда я и осознала, какую чудовищную ошибку совершила.

Мы несколько секунд стояли в тишине.

Наконец, Стелла сделала ещё один глубокий вдох и описала увиденную сцену. Её худшие кошмары превратились в реальность.

— Кровь была везде: на стенах, на кровати, на полу. Я в жизни не видела такого количества крови. Но тот человек не останавливался. Он методично наносил удары металлической трубой, раз за разом.

Стелла впервые посмотрела прямо на нас.

— Я видела только его спину. Но я знала, что это он. Я узнала эти широкие плечи и толстую шею. Он делал с ней то же, чем угрожал мне. В тот день, когда он на меня напал, он рассказывал, что выпустит из меня всю кровь до последней капли и раскрасит ею комнату. Он говорил, что я красавица, но после того, как он закончит, никто не сможет меня опознать. И что он не дарует мне смерть — это его слова, «дарует мне смерть», — пока он не решит, что страданий хватит.

Стелла задрожала и прикусила губу.

— Но я видела, что Сара уже была мертва. Я так испугалась. Я заставила себя сдвинуться с места и забраться в шкаф для белья у противоположной стены коридора. Шкаф был узким, мне было тяжело в нём уместиться, и не могла плотно прикрыть дверцу, но я делала всё, что могла. Я еле могла двигаться.

Дыхание Стеллы участилось.

— Мне казалось, прошла вечность, прежде чем он вышел. Я слышала звуки, словно он запикивал что-то в сумку, а потом его приближающиеся шаги, когда он выходил из комнаты. Если бы он повернул голову влево, то заметил бы меня. И на мгновение мне показалось, что сейчас он на меня посмотрит. Он долго-долго стоял на пороге гостевой спальни и прислушивался, а я боялась, что дышу слишком громко, и всё пыталась затаить дыхание, пока чуть не потеряла сознание. И тогда он, наконец, развернулся и начал спускаться по лестнице. Когда он ушёл, я зашла в свою комнату, схватила пальто и кое-какие деньги и убежала в город к ближайшему поезду.

Стелла еле сдерживала слёзы.

— Знаю, мне надо было предупредить миссис Уингейт. Всё, о чём я потом могла думать, так это о том, что он и им мог навредить. Но я так испугалась, что просто сбежала.

— Но вы не видели лицо убийцы Сары? — уточнил я.

— Нет, — покачала она головой.

— Но я его узнала, — добавила Стелла. — Это был тот же мужчина, что напал на меня в январе. Я его никогда не забуду. Его звали Майкл Фромли.

Её голос был тихим, но решительным, и не оставлял места для сомнений.

«Но этого не может быть. Просто не может быть».

У меня внутри всё оборвалось, когда я почувствовал, что дело снова разваливается.

Призрак мёртвого Фромли уже однажды смог запутать нас. И теперь он снова вернулся, чтобы заставить нас сомневаться в том, что мы знаем.

Когда мы объяснили Стелле, что непричастность Фромли не вызывает сомнений, потому что к моменту убийства Сары Уингейт он сам был уже мёртв несколько недель, она не могла в это поверить.

— Это невозможно, — настаивала Стелла. — Убийца Сары сделал с ней то же самое, что намеревался сделать со мной. Я знаю это, потому что это чудовище описывало мне каждую деталь в тот день, когда на меня напало. Ему нравилось видеть, как его слова вселяют в меня ужас.

В этом я не сомневался.

И только после того, как мы рассказали ей о результатах вскрытия и их полной достоверности, она, наконец, приняла правду.

— Иисус, Мария и Иосиф, — тихо произнесла Стелла, осознав сказанное нами. — Не каким образом, кто-то другой мог...

— Мог всё знать? — закончил я за неё. — Нас тоже мучает это вопрос. Как и другой: как тогда объяснить то, что вы видели?

Самое логичное объяснение тому, что Стелла видела во вторник Майкла Фромли, предложил Алистер.

Она видела мужчину лишь со спины. Сцена убийства пробудила в ней прежние страхи. И тогда воображение девушки, распаленное ужасом и насилием, заполнило недостающие пробелы.

— У кого-нибудь из вас, — спросил я, поворачиваясь к Коре, в течение всего разговора маячившей за спиной Стеллы, — есть идеи, кто ещё мог знать детали нападения на Стеллу в январе?

Женщины переглянулись.

— Возможно, одна из девушек из заведения Маами знала об этом, — произнесла Стелла. — Думаю, многие знали, что произошло, но лишь несколько девушек знакомы со мной настолько, чтобы слышать подробности.

— Вообще-то, — влился в разговор Алистер, — нас больше интересует, знал ли об этом кто-то из посетителей? Возможно, кто-то из девушек слишком свободно обо всём рассказывал?

Я разделил напополам стопку уже успевших потрепаться фотографий подозреваемых и передал одну часть Коре, а вторую — Стелле.

Кора замерла, взглянув на один из снимков.

— А почему у вас здесь фотография Лонни?

Мы достали её из выпускного альбома в университете.

— Вы его знаете? — спросил я.

— Конечно, — настороженно ответила она. — Он часто к нам заходит; точнее, навещается периодически: то приходит постоянно, а то исчезает на пару месяцев.

Я почти почувствовал облегчение, когда услышал о связи с Лонни. Благодаря Изабелле, мы теперь стали его подозревать. И похоже, у него на данный момент был самый сильный мотив для нападения на Сару.

— Он приходил к вам в то время, когда на вас напали? — уточнил Алистер.

— Не знаю, — наконец, ответила Стелла. — Я плохо помню детали того времени.

— А у Маами могли остаться какие-нибудь записи? — спросил я.

Кора ответила не задумываясь.

— О, нет, Мами никогда не оставила бы записи. Это означало бы конец её бизнеса.

— Но могло ли случиться так, что он приходил туда, и одна из девушек рассказала ему о случившемся? — предложил Алистер другой вариант.

— Могло. Но я сомневаюсь, — сказал я Алистеру. — Для того, чтобы настолько тщательно передать фантазии Фромли, ему надо было видеть или слышать самые подробные детали, а не то, что можно узнать из вторых и третьих рук.

— Знаете, возможно, Майкл и Лонни были знакомы, — сказала Кора. — Они оба приходили в последние годы к Мами. И я бы сказала, что они были слеплены из одного теста — слишком много денег, и оба без царя в голове.

Это было одним из всех возможных объяснений.

— А что насчёт самой Мами? — поинтересовался я. — Уверен, она знала подробности. Могла ли она рассказать их не тому человеку?

Кора рассмеялась.

— Только не Мами. Если вы так думаете, значит, вы не знаете Мами. У неё нет близких друзей. Да и простых друзей тоже нет. Она сама делает выводы, сама принимает решения.

— Довольно одинокая у неё, выходит, жизнь, — предположил я.

— Может быть, — ответила Кора. — Но такой образ жизни — её защита. Она никому не доверяет. И, если честно, никто не доверяет ей.

Вспомнив, как Мами вела себя с нами, я понял почему.

— Мы закончили? — спросила Стелла. Она была выжата, как лимон, и явно хотела вернуться домой.

— Мисс Гибсон, мы можем хоть как-то вам помочь? — спросил я. — Пока с этим делом не будет покончено, мы можем предоставить вам защиту. А если хотите, поможем вам скрыться из города.

Она поблагодарила нас, но уверила, что полностью довольная своим текущим положением.

— У меня есть квартира на 73-ей улице. Она меня полностью устраивает.

Я смотрел, как она уходит прочь, а её синий шарф развевается за спиной на ветру. Судя по тому, что я узнал, жизнь Стеллы не была простой и до того, как на неё зимой напал Майкл Фромли.

Она этого не заслуживала — в этом нет никаких сомнений. Я лишь надеялся, что со временем, благодаря заботе своих друзей вроде Кору, Стелла снова сможет жить нормальной жизнью.

Мы направились обратно в центр города, обсуждая полученную информацию, и я предложил новое направление расследования: может, мы ищем не там? Сначала, Майкла Фромли, а затем — неизвестного убийцу Сары?

Мы искали связь с Сарой и её окружением в Колумбийском университете. Но моё подозрение, что Мами Дюран каким-то образом сыграла во всём этом значительную роль, только усилилось.

И это раскрыло перед нами новые возможности, которые мы до сих пор не учли: что если убийца приехал в Добсон за Стеллой, но вместо этого наткнулся на Сару?

Если это так, то нам придётся изменить направление расследования. Я поделился своими размышлениями с Алистером, когда мы спускались в подземку на 72-ой улице.

— Мне кажется, — ответил мне Алистер, — что убийца Сары прекрасно рассчитал

время, когда девушка останется в доме одна. Если бы целью убийцы была Стелла, то её гораздо легче было бы застать одну во время работы по дому — в леднике, подвале, на кухне или даже во дворе.

Он на мгновение замолчал.

— Меня гораздо больше тревожит то, что Лонни Мур так не похож на человека, которого описали нам в день нападения и Эбигейл, и Стелла. Они сказали, что видели крепкого мужчину среднего роста, а Лонни низенький и толстый.

Я был вынужден не согласиться.

— Хотя мне и хотелось бы думать иначе, — заметил я, — но мне кажется, что свидетельства и Эбигейл Уингейт, и Стеллы Гибсон не очень надёжны. Память Эбигейл заиклилась на единственном мужчине, которого она заметила в тот день. А Стелла вообще до последнего была свято уверена, что мужчина, которого она видела в комнате Сары во время убийства — это сам Фромли.

Никаких серьёзных зацепок.

Но учитывая то, что нам было известно, наиболее вероятным подозреваемым был Лонни Мур. Он ненавидел Сару, а зависть толкнула его на кражу её работы.

Он должен был пересекаться с Фромли. Либо в Колумбийском университете, либо у Мама Дюран.

Мне будет о чём с ним сейчас поговорить, но после всех неудач в расследовании я бы не стал возлагать большие надежды на Лонни. Пока.

По возвращении в исследовательский центр Алистера ждали неприятные известия: две крупнейшие газеты — «Трибьюн» и «Пост» — собирались запустить расследование о возможных нарушениях со стороны судьи Хансена в деле Майкла Фромли.

Имя Алистера пока не упоминалось, но он был уверен, что это только из-за того, что вчера он основательно запугал журналистов иском за клевету, если они напечатают непроверенные данные.

Я задался вопросом: а может журналистов сдержало не только это, но и существенная денежная выплата? Это было бы неудивительно. Я знал, что многие репортёры сейчас были не прочь получить взятку, чтобы замять какой-нибудь скандал.

Но тут на кону стояла репутация Алистера, поэтому он начал звонить своим влиятельным знакомым. Хотя, учитывая то, что я слышал о представителях жёлтой прессы, я сильно сомневался, что деньги или связи Алистера помогут ему надолго сдержать в тайне собственное участие.

И поскольку Алистер оказался занят, я встретился с Лонни один.

Он находился в комнате на втором этаж, и, когда я вошёл, хмуро и насуплено на меня взглянул.

Одет он был хорошо, даже, я бы сказал, дорого: зелёный кашемировый свитер и плотные коричневые твидовые брюки. Я также заметил, что из кармана жилетки свисают золотые карманные часы, на которые он как раз смотрел, когда я зашёл в комнату.

Хоть парень и пытался казаться человеком, который опаздывает на важную встречу, но мне он напоминал скорее школьника, ожидающего наказания возле кабинета директора.

Он вообще понимает, что я собираюсь допрашивать его по подозрению в убийстве? Хотя насколько разумны подобные подозрения?

Я задавался этим вопросом, разглядывая парня, пытаюсь понять по его глазам, достаточно ли он жесток и умён для подобного кровавого убийства.

Я поздоровался, он ответил на моё приветствие, и я сразу перешёл к делу.

— Расскажите, где вы были в прошлый вторник седьмого ноября.

— А вы разве не разговаривали со своими коллегами? Я уже всё рассказал профессору, с которым вы работаете. Мы играли в карты в комнате Сэма, — ответил Лонни, явно раздражённый, что приходится повторять одно и то же несколько раз. — Сэма Бейкера, моего друга. Он и ещё пару парней могут подтвердить, что я был там с двух часов пополудни.

— Полицейские, вроде меня, предпочитают самостоятельно проверять алиби несколько раз, — спокойно ответил я. — Так мы определяем, правду ли вы говорите. Мне нужны имена тех, кто играл с вами во вторник в карты.

Лонни был настроен агрессивно.

— У вас на меня ничего нет.

— Профессор Синклер сказал мне, что вы хотите сотрудничать и заинтересованы помочь нам в раскрытии этого дела, — сказал я.

Он мгновение на меня посмотрел, а потом над чем-то задумался.

— Скажите, — он наклонился вперёд, и его глаза заблестели от любопытства, — я вот до сих пор не слышал, как её убили. Задушили? Застрелили? Зарезали?

— Здесь я задаю вопросы, а не вы, — резко ответил я.

Его вопрос заставил меня окаменеть внутри. Либо он настолько ярко желал её смерти, что теперь хотел посмаковать детали, либо — что гораздо хуже — он был убийцей, которого мы ищем, и хотел, чтобы я раскрыл подробности нашего расследования. В любом случае, я не собирался ему потакать.

— Надеюсь, вы понимаете, что все детали расследования строго конфиденциальны.

Он разочарованно откинулся на спинку стула.

— Несколько людей упомянули ваше имя в связи с Сарой Уингейт, — сказал я. — Насколько хорошо вы её знали?

— Моё имя связали с ней? — он практически выплюнул эту фразу. — Меня ничего не связывало с этой женщиной.

— Ничего? — вскинул я брови, притворяясь удивлённым. — Судя по тому, что мне рассказали, вы посещали вместе по меньшей мере два предмета.

Я заглянул в свои заметки, чтобы удостовериться, что не ошибся.

— Это была органическая химия и углубленный курс математики. Фактически, вы были достаточно хорошо знакомы с ней и осведомлены об её работе, чтобы бросить Саре вызов на занятии по органической химии.

Лицо Лонни ещё больше покраснело, если такое вообще возможно. Он не был расстроен или смущён. Он злился. Одно упоминание о том инциденте пробудило всю его затаённую враждебность.

— Но мы же не были связаны, — буркнул он. — Таким образом, я пытался добиться равного отношения ко всем нам. Она обманула профессора, внушила ему, что она прекрасная студентка, и умудрилась украсть то, что принадлежало другим. Я пытался им рассказать, но меня никто не слушал. Они полностью приняли её сторону, — мрачно посмотрел он на меня исподлобья.

— Ваши отношения с мисс Уингейт когда-либо выходили за пределы класса?

— Нет, я никогда не встречался с Сарой Уингейт за пределами класса. Мы виделись только на занятиях, как вы и сказали. Просто однокурсники, ничего больше.

Потом он снова попытался задать вопрос:

— А кого ещё из её группы вы опрашивали?

— А зачем вам это знать? — поинтересовался я.

— Если вы не разговаривали с нужными людьми, я могу указать в правильном направлении. Вы говорили с Джоном Нельсоном?

— А почему мне так важно с ним поговорить? — холодно уточнил я. Я помнил, что Джон Нельсон ранее упоминался в списке друзей Лонни.

— Он знал, кто такая Сара на самом деле, — ответил Лонни. — Он написал статью в местной газете о ней и о её толпе подруг, которые вечно бастуют у кампуса. А с Кириллом МакГи?

Это имя я тоже вспомнил: оно было в списке, который дал нам профессор Мюллер.

Я вытащил записную книжку, пометил это имя и оставил себе напоминание, самолично просмотреть все статьи в местной газете, где упоминалась Сара Уингейт.

Когда я закончил, то выжидательно посмотрел на Лонни.

— Увидите, у него тоже есть полезная информация, — произнёс Лонни в ответ на мой взгляд, начиная чувствовать себя важным свидетелем.

— А как насчёт имени Майкла Фромли? — спросил я. — Вы его знаете?

Кора подозревала, что они были знакомы, и мне стало интересно, признается ли в этом

Лонни.

— Он тоже подозреваемый?

Я вытащил снимок и показал его Лонни.

— Вы его знаете?

Он покачал головой.

— Посмотрите внимательней, — сказал я. — Возможно, вы его где-то видели. Может, здесь, в университете. А может в городе, у Маами Дюран.

Лонни вытаращился на меня.

— Такова уж моя работа, мистер Мур, знать о таких вещах, — произнёс я. — Вы же не думали, что сможете сохранить это в секрете?

— Но как вы узнали? — прошептал он.

Я проигнорировал его вопрос и задал свой:

— Как давно вы его знаете?

Лонни пожал плечами:

— Пару раз сталкивались, вот и всё. Я не настолько хорошо с ним знаком, чтобы узнать о имени. Как вы сказали его зовут? Майкл?

Я не поверил ни единому слову.

— Где ещё, кроме заведения Маами, вы его встречали?

Лонни покраснел и начал тяжело дышать. Я явно попал в больное место.

— В игорном клубе, — ответил он наконец. — Но лишь один раз.

— В каком именно клубе?

— В «Доме с Бронзовой Дверью». На 33-ей улице.

Я записал название клуба, о котором знал понаслышке. Это был высококлассный игровой салон, обслуживающий лишь богатых джентльменов.

Тем, у кого было достаточно связей и денег, клуб предлагал исключительно высококачественные услуги. Они защищали клиентов от мошенничества, разносили еду, напитки и сигары во время игр, а также обеспечивали своим посетителям сохранение анонимности.

— А у вас хороший вкус, — произнёс я. — Когда вы видели его там в последний раз?

Я знал, что у Фромли были проблемы с деньгами, и, если верить словам моего друга Никки, ему даже запретили вход в низкопробные игорные дома.

Похоже, поведение Фромли и закончившиеся деньги сыграли с ним ту же дурную шутку и в более высококлассных клубах.

Конечно, для Фромли это уже не имело значения. Но вот для выяснения связи с ним Лонни — очень даже.

Лонни на мгновение задумался.

— Да уж, наверно, год прошёл с тех пор, как я его видел. Мы вообще встречались лишь раз или два. Хотя это произошло из-за меня, а не из-за него. Я однажды вечером проигрался в пух и прах. Отец помог мне, но запретил снова там показываться.

Лонни вздохнул.

— Это был лучший клуб, в котором я когда-либо играл. Но отец сказал, что мы не настолько богаты, чтобы я делал такие ставки.

Я подозревал, что были и другие причины.

У Алонсо Мура-старшего просто не было другого выбора, кроме как расплатиться с долгами сына в таком заведении, как «Дом с Бронзовой Дверью».

Клиенты этого заведения и бизнес-партнёры мистера Мура были одними и теми же людьми, а если сын не оплатит свои долги, то это может плохо сказаться на его отце.

— Откуда у студента деньги для игры в клубе? — спросил я.

Естественно, я знал ответ на свой вопрос: многие игорные дома легко предоставляли кредит своим посетителям. Но я пытался связать Лонни с пропавшими деньгами Алистера, предназначенными для исследовательского центра.

Лонни ответил резко:

— У меня на счету денег больше, чем вы за пять лет заработаете. По крайней мере, они станут моими, как только мне исполнится двадцать один год. А вам какое дело?

— Просто пытаюсь всё тщательно проверить, — мой тон оставался спокойным. — А вам приходилось просить у отца деньги в других случаях, кроме инцидента с «Бронзовой Дверью»?

— Не-а. Мне последнее время везло. Я много не проигрывал, всего от двадцати пяти до пятидесяти долларов за ночь.

«Точно, всего лишь». Сумма, о которой говорил Лонни, была огромной. Двадцать пять долларов — сумма месячной аренды неплохой квартиры в соседнем квартале.

Но всё же, если он говорил правду, эта сумма была в десятки раз меньше той, что украли их фонда деканата.

В дверь резко постучали, и прежде чем я ответил, в комнату вошёл седой мужчина в тёмном костюме и очках в металлической оправе.

— Я приехал, как только смог. Лонни, не говори больше ни слова. А вы, — он бросил на меня разозлённый взгляд, — кто вы такой, и какое у вас дело к моему клиенту?

Я поднялся со стула, не протягивая руку.

— Детектив Саймон Зиль. А с кем имею честь...?

— Джон Бульвер, адвокат по уголовным делам. Меня нанял отец мистера Мура, и я буду представлять его дела.

— Как мой отец..., - начал Лонни пристыженно.

— Сынок, тебе повезло, что у тебя есть друзья, которые о тебе беспокоятся. Они сразу сделали нужный звонок, который, на самом деле, должен был сделать ты сам, — жёстко сказал адвокат.

Он рассказал, что друг Лонни, Сэм Бейкер, сразу позвонил Алонсо-старшему, как только узнал о встрече Лонни сегодня утром со мной.

Я был впечатлён: отцу Лонни понадобилось меньше часа, чтобы найти мистера Бульвера и договориться, что он приедет по нужному адресу.

Адвокат повернулся ко мне.

— Так какое у вас дело к Лонни?

— Лонни был знаком с девушкой, тоже студенткой Колумбийского университета, которая была убита на прошлой неделе в городе Добсон, штат Нью-Йорк. Это убийство входит в мою юрисдикцию. У меня есть пару вопросов к вашему клиенту, если он будет так добр ответить на них.

Я старался, чтобы мой голос звучал доброжелательно.

— Он арестован?

— Конечно, нет, мистер..., - я сделал вид, что забыл его имя.

— Бульвер. Джон Бульвер, — скривился он. — Раз Лонни не арестован, значит, он может уйти в любой момент.

— Вы абсолютно правы, — я продолжил говорить вежливо, но тон стал жёстким. — Конечно, я мог бы вызвать его на допрос в полицейский участок Добсона. Но Лонни, скорее всего, предпочтёт продолжить отвечать на мои вопросы здесь. Уверен, это гораздо удобнее и приятнее.

Джон Бульвер был недоволен, но не рискнул больше со мной спорить.

— Что вы уже успели обсудить?

Я заглянул в заметки.

— Посмотрим. Мы поговорили об алиби Лонни на момент убийства, о его отношениях с жертвой и мужчиной, который до некоторого времени являлся нашим главным подозреваемым. И я как раз собирался задать ему ещё один вопрос, — я вытащил бумаги, которые мне оставил Алистер.

Бумаги, которые Лонни украл у Сары. Я показал адвокату и Лонни несколько страниц, исписанных аккуратным бисерным почерком, который и отдалённо не был похож на каракули Лонни Мура. В глаза бросились несколько фраз: «...симметрично относительно так называемой «критической линии» $\text{Re}(s) = \frac{1}{2}$... Недоказанная гипотеза Римана утверждает, что все нетривиальные нули... распределение простых чисел... Дзета-функция Римана определена для всех комплексных s ...»

— Это ваша работа, Лонни?

Парень бросил взгляд на мистера Бульвера, и тот моментально произнёс:

— Ты не обязан отвечать.

— А что насчёт этого письма?

Я пролистал бумаги и вытащил ещё несколько листов. Это было письмо, адресованное в редакцию Американского Математического Сообщества. В нём говорилось, что если редакция будет заинтересована, то автор сможет немедленно предоставить им доказательство гипотезы Римана вместе с пояснительными записками.

Подписано письмо было Алонсо Муром-младшим.

— Похоже, это письмо написал ты. Но вот эта работа, как мне кажется, — легонько коснулся я стопки бумаг, — принадлежит Саре Уингейт. Очевидно, она закончила доказательство гипотезы незадолго до смерти.

Лицо Лонни побелело, и он глубоко вжался в кресло.

— Ни слова, сынок, — резко предупредил мистер Бульвер.

— У вас долгая история враждебных отношений с Сарой Уингейт, — наклонился я к парню. — И это письмо показывает, — постучал я по листу пальцем, — что вы хотели выдать её работу за свою.

Лонни уставился на меня широко распахнутыми глазами.

— Вы... Вы ошибаетесь, — заикаясь, сказал он. — Я не убивал Сару.

— Ты выкрал её записи и доказательства гипотезы и планировал опубликовать их, как свои собственные, — сказал я. — Ты ждёшь, что я поверю, будто ты украл их, но никак не навредил Саре Уингейт?

— Мы уходим, — мистер Бульвер поднялся с кресла и попытался потянуть за собой Лонни, но тот отпихнул руку адвоката и так сильно вцепился края сиденья, что побелели костяшки пальцев.

— Нет... Я отвечу, — повернулся Лонни ко мне.

Его поведение изменилось радикально: вот теперь он был напуган.

— Я клянусь вам: я её не убивал. Я украл её бумаги. Но я этого не планировал. Я был в

библиотеке, когда услышал, что её убили, поэтому пошёл в её кабинку для индивидуальной работы, чтобы посмотреть, что там осталось интересного. И тогда нашёл её заметки. Я решил, что она мертва, и ей уже не нужны её исследования, так почему тогда мне ими не воспользоваться?

Наступила тишина.

— Но ваши профессора разобрались бы, что работа не ваша, — наконец произнёс я. — Они бы поняли, что вы мошенник.

Лонни покачал головой.

— Может, да, а, может, и нет. Вы должны мне поверить, — снова повторил он. — Я признаю, что украл её работу, но я не убивал из-за неё Сару.

Я пристально посмотрел на парнишку. У меня теперь есть достаточно косвенных улик, чтобы выдвинуть обвинение — Лонни сильно ненавидел Сару, и это могло толкнуть его на убийство.

Она закончила доказывать гипотезу Римана, а он собрался выдать её исследования за свои. Он был знаком с Фромли, поэтому я могу поспорить: он был в курсе жестоких преступных фантазий Фромли.

А поскольку алиби ему обеспечивали двое его лучших друзей, то я начал сомневаться в этом алиби ещё как только о нём услышал. Я раз за разом становился свидетелем того, как трещат по швам алиби, предоставленные близкими людьми.

И всё же...

Пока у меня ничего на него не было в плане украденных из фонда деканата денег. Хотя, как говорил Алистер, это могло оказаться совсем не связанное с убийством Сары преступление.

Мне не нравился Лонни Мур. И, наблюдая сейчас за ним, мне хотелось верить, что он и есть убийца, виновный в смерти Сары Уингейт.

Это было бы простым решением. Но что-то меня не устраивало. И я не стал его арестовывать.

Я отпустил его, предупредив, чтобы он не выезжал из города и готовился к новому допросу, если мне таковой понадобится.

После того, как Лонни и мистер Бульвер ушли, я заглянул в несколько кабинетов, чтобы найти занятую работой Изабеллу, но её нигде не было.

— Вы не видели Изабеллу? — спросил я у Фреда, который выходил из кухни на первом этаже с чашкой чая.

Он пожал плечами:

— Она была здесь недавно. Но она сегодня пришла со своим псом, поэтому, скорее всего, вывела его на прогулку.

Я решил сам посмотреть финансовые отчёты, когда сверху по ступенькам начал спускаться Том. Увидев меня, он замер.

— Что случилось? — спросил я. — Вы словно привидение увидели.

И я не приукрашивал. Кожа Тома была пепельно-бледной, и он не мог выговорить ни слова, что было для него нетипично.

— Ещё одно убийство, — произнёс он со страдальческим выражением лица.

— Кто?

Предательский холодок пробежал по моему позвоночнику. Я точно знал, что не хочу слышать имя, которое сейчас назовёт Том.

— Стелла Гибсон. Только что позвонила Кора. Обвиняла нас. Она считает, что за вами следили сегодня утром, и поэтому Стелла теперь мертва.

Новости меня ошарашили. Мы встречались со Стеллой всего пару часов назад, и она была жива и здорова. Хотя и напугана, признал я с острым чувством вины, вспоминая её тревожность.

— Как её убили? — спросил я, почти отказываясь верить в произошедшее.

— Выстрелом в голову.

«Выстрелом в голову».

Слова Тома эхом отдавались в моей голове, пока мы вдвоём шли к непримечательному зданию из известняка на 73-ей улице, где находилось временное убежище Стеллы.

До 72-ой улицы мы доехали на подземке, но теперь нам нужно было остановить экипаж. Я направился к одному из них, стоявшему у следующего перекрёстка, и Том тяжело затопал за мной следом, пытаясь не отстать.

Он не хотел идти, но поскольку я не смог найти Алистера, пришлось попросить Тома последовать за мной.

Я понятия не имел, что мы можем найти на месте преступления, и пара дополнительных рук вполне могла оказаться кстати.

Меня мучило чувство вины. А может, Кора права?

Может, Алистер или я невольно привели преследователя на встречу со Стеллой?

Если это так, то мы просто отдали Стеллу в руки её убийцы. Я не хотел спешить с выводами, но угрызения совести были неумолимы.

А ещё хуже было от ощущения провала и профессиональной безграмотности. Из-за того, что мы вовремя не разыскали убийцу Сары Уингейт, умерла ещё одна юная девушка.

Наш экипаж ехал по парку. Лошадиные копыта отбивали мерный ритм.

Том был бледен и горестно морщился. Наверно, нервничает. Его опыт с преступлениями был ограничен исследованиями, статистикой и иногда беседами с преступниками.

А сегодня он столкнулся с реальным убийством.

Когда мы добрались до 73-ей улице, меня поразила царящая здесь оживлённость.

Хоть улица и не была многолюдна, но здесь постоянно проезжали не только случайные повозки, но и транспорт по регулярному расписанию. А в церкви всего в квартале от здания, где жила Стелла, как раз закончила утренняя служба.

Это убийство было дерзким. На этот раз метод убийцы — выстрел — был очень громким и должен был привлечь чьё-нибудь внимание.

Он рисковал. Я начал опасаться, что наша невозможность до сих пор его отыскать придала ему уверенности.

Смерть Стеллы заставила меня снова задаться вопросом: может, именно она, а не Сара, всё это время была целью убийцы? Или её убили только из-за того, что она стала свидетельницей преступления?

Обе возможности на данный момент казались вполне разумными. И мой список потенциальных убийц снова никто не возглавлял, потому что время убийства Стеллы полностью оправдывало Лонни Мура — на этот раз я сам мог подтвердить его местонахождение.

Когда мы входили в дом Стеллы, нам показалось, что он кишел городскими полицейскими.

Шестеро мужчины стояли снаружи, и ещё четверо — внутри здания, где было тесно и душно.

Я окинул взглядом полицейских в поисках знакомых лиц и громко выдохнул от облегчения, когда узнал Роя Гудмана. Я знал его прежде: он заведовал хранилищем улик на

окраине города.

Большинство сотрудников департамента считали его грубым и несносным, но все, кто на него жаловался, не умели должным образом работать с уликами. А с теми, кто читил протокол, Рой был очень даже вежлив.

Теперь он выезжал на место происшествий, а значит, с тех пор как я видел его в последний раз, он получил повышение. Но я даже не сомневался, что к новой работе он подходит с той же тщательностью.

Когда я подошёл к нему, он изучал какой-то окровавленный предмет, держа его через хлопчатобумажные перчатки. Том за моей спиной вздрогнул и окинул взглядом комнату.

— Зиль, — без малейшего удивления поприветствовал меня Рой, словно прошло три дня, а не три года, с тех пор, как мы встречались в последний раз.

— Давно не виделись, Рой, — кивнул я. — Ты здесь главный?

Я сомневался в этом, поскольку вряд ли он перепрыгнул за это время несколько званий, но в таких вопросах всегда лучше оставаться дипломатичным.

— Нет. Мэллой. Он, наверно, снаружи, — Рой ткнул пальцем в собравшуюся снаружи группу офицеров.

Но я не сдвинулся с места. Я помнил Тимми Мэллоя: придурковатый лейтенант, наслаждавшийся любой крупницей доставшейся ему власти. Поэтому лучше я добуду информацию у Роя.

Я представил Рою Тома и объяснил, каким образом убийство Стеллы Гибсон тесно связано с моим расследованием убийства в Добсоне на прошлой неделе.

И чувствуя некоторые угрызения совести, я не стал упоминать (по крайней мере, пока), что мы всего пару часов назад разговаривали со Стеллой.

Если Кора сказала им об этом — хотя я сильно сомневался, учитывая её недоверие к полиции и склонность к секретности — они и сами меня спросят. А если нет, то я предпочту узнать как можно больше информации, прежде чем придётся поделиться своей.

— Что вы нашли? — спросил я, глядя на полностью покрытую кровью кожаную сумку в руках Роя. Меня начало подташнивать, когда я учуял запах крови. Его не спутаешь ни с чем.

— Коронер забрал её тело минут десять назад, — ответил мужчина. — Застрелена выстрелом в голову. Пуля вошла через левый висок. Смерть была мгновенной.

Я снова почувствовал укол совести. Может, мы действительно стали причиной смерти Стеллы, сами того не желая?

— Либо у убийцы твёрдая рука, либо ему крупно повезло так метко попасть, — сказал Рой. — Она, скорей всего, даже ничего не почувствовала. Всё закончилось за секунду.

Он пару мгновений смотрел на нас.

— У вас есть перчатки? Твой друг знает, что нельзя ни к чему притрагиваться, Зиль?

— Конечно, есть, — ответил я, доставая пару из саквояжа. Я всегда носил их с собой. — А мой коллега будет просто наблюдать.

Я бросил взгляд на Тома. Он уже успокоился, а к лицу вернулись прежние краски. Я подозревал, что ему помогло справиться известие о том, что тело Стеллы уже увезли.

— Её убили здесь, — подвёл нас Рой к огромной печи, вокруг которой разлилась лужа крови. — Мы считаем, что он вынудил прийти её сюда, на цокольный этаж.

— И никто ничего не слышал? — уточнил я.

— Кроме Стеллы в доме находилась лишь домовладелица, миссис Логан. Она живёт на первом этаже, а второй и третий сдаёт в аренду. Она утверждает, что ничего не слышала,

пока не прозвучал выстрел. А к тому моменту, как она спустилась посмотреть, что произошло, убийца уже скрылся.

— Мы можем с ней поговорить?

— Вы опоздали, — ответил Рой. — Её забрали в больницу с болями в груди. Она сказала, что это от перенапряжения. Да вы ничего и не потеряли: пока мы с ней говорили, она болтала без умолку, но почти не сказала ничего путного.

Он откашлялся и продолжил:

— Я так понимаю, вы разговаривали с Корой Черни, подругой жертвы. Она появилась здесь с покупками как раз после того, как миссис Логан нашла тело Стеллы. Мы её кратко опросили, — Рой бросил на меня быстрый взгляд. — Мисс Черни упомянула, что они со Стеллой помогали вам в расследовании.

— Помогали, — признал я, — но я сейчас в такой же растерянности, как и вы. В момент смерти Стеллы я как раз вёл допрос одного из подозреваемых в моём убийстве в Добсоне. — А если учесть, что оба происшествия связаны, — легко добавил я, — то, похоже, мне нужен новый главный подозреваемый.

Мои объяснения удовлетворили Роя, и он протянул мне кожаную сумку, заляпанную кровью, которую до сих пор держал в руках.

— Это самая интересная вещь, которую мы нашли на месте происшествия, — сказал он. — Часть целого набора.

Он показал мне, как открыть сумку, и внутри я нашёл целую коллекцию бритвенных лезвий парикмахера.

Я услышал, как Том за моей спиной резко втянул воздух. Это были как раз те орудия убийства, о которых мы говорили в первый день расследования, когда Алистер ещё был полностью уверен, что убийцей является Фромли.

Именно такими лезвиями было перерезано горло Сары и нанесены удары по телу.

— И с ними лежала вот эта бумажка, — продолжил Рой, протягивая нам схему, которая лежала на полу рядом с лезвиями.

— Пошаговая инструкция осквернения трупа, — поражённо прокомментировал Том. — Только взгляните на это, — протянул он мне схему.

— Это более или менее отражает состояние найденного нами тела Сары Уингейт. Вы знаете почерк Фромли. Это он? — уточнил я.

Надписи были сделаны карандашом с наклоном вправо. По тёмным линиям было видно, с какой силой давили на карандаш.

Том изумлённо качнул головой:

— Я бы сказал, да. Как видите, почерк весьма характерный. Поэтому либо Фромли сам отдал это убийце, либо эти записи каким-то образом попали не в те руки.

— Да кто такой этот Фромли? — раздражённо спросил Рой. — Подозреваемый, о котором я должен знать?

— Нет, — ответил Том. — Он уже мёртв, но, тем не менее, продолжает играть ключевую роль в расследуемом нами деле.

— Но Стелла была застрелена. Лезвия ведь не использовались? — решил я уточнить.

Рой утвердительно кивнул.

— Я не понимаю, — произнёс Том. — Фромли мёртв. Зачем убийце подражать мертвецу?

— Но убийца может быть не в курсе, что мы знаем о смерти Фромли, — рискнул я

выдвинуть теорию. — Это же возможно.

«Возможно, — подумал я, — но маловероятно». Убийца всегда находился на шаг впереди нас, показывая, что знает почти столько же, сколько и мы.

— Эта схема и бритвы предполагают, что он собирался смоделировать убийство Сары на Стелле. Но что-то произошло. Что-то, что заставило его отказаться от своего плана и убить её быстро.

— Хозяйка дома, миссис Логан, была на кухне, когда убийца вёл Стеллу сюда. Она наверняка грохотала сковородками и кастрюлями, — сказал Рой. — Возможно, поблизости ошивался кто-нибудь ещё, и убийца не смог выкроить время.

— И ещё я подозреваю, — добавил я, — что он не планировал оставлять здесь свои схемы и лезвия. Возможно, его кто-то или что-то спугнуло. И это даёт нам важную информацию. Без неё мы бы подозревали, что убийства связаны удивительными совпадениями.

Я на мгновение замолчал.

— Но меня больше заботит другой вопрос: как убийца заполучил записи Фромли? Есть только два правдоподобных варианта: он либо украл заметки у самого Фромли, либо вытащил их из ваших папок с делами в исследовательском центре.

Том вскинул брови:

— Не припомню, чтобы видел что-то подобное в материалах дела у Алистера.

Мы провели ещё минут двадцать на месте происшествия, пытаясь добыть всю возможную информацию. Офицерам, официально назначенным на дело Стеллы, нужно было закончить работу.

Я поблагодарил Роя за помощь и сказал, как со мной можно связаться. Я пообещал себе, что через день-два расскажу Рою всё, что знаю о Стелле.

— Как он — кем бы он ни был — смог найти Стеллу? — спросил Том, когда мы направлялись обратно в центр города. — Вы уверены, что за вами никто не следил?

Я покачал головой.

— В парке этим утром было тихо. Я встретил только Алистера, Стеллу и Кору, — ответил я. — Если за нами и шли, то я это упустил. Но убийца точно за нами следовал, иначе как бы он узнал о нашей встрече со Стеллой?

— Он пристально за нами наблюдает, — произнёс Том.

Да, Алистер тоже об этом меня предупреждал в тот день, когда мы узнали, что Фромли мёртв. Настоящий убийца находился рядом, следил за нами и подрывал результаты нашего расследования, как только мог.

Но почему? Из-за того, что ему нравится чувство превосходства над нами? Или из-за того, что наше расследование начало ему угрожать и заставило потерять контроль над ситуацией?

— Главный вопрос: зачем убивать Стеллу? — громко спросил я. — Если он убил её из-за Сары, значит, он воспринимал её, как угрозу? Она же не видела его лицо. Она вообще приняла его за мертвеца.

— Но откуда убийце об этом знать? — напомнил мне Том. — Вы и сами не знали до этого утра. Скорей всего, убийца решил от неё избавиться, потому что предположил, что она может его опознать.

— Если, конечно, целью убийцы всё это время не была сама Стелла, — заметил я. — Тогда мотив убийства кроется в её прошлом.

— Если бы я не был уверен, что Фромли мёртв, то не стал бы сомневаться, кого нам искать, — сказал Том.

— В этом и состоит его цель — сбить нас с толку, — хмуро ответил я. — Поэтому мы должны это игнорировать, насколько возможно. Что бы Алистер ни говорил, но убийство не всегда обусловлено лишь способом убийства и поведением преступника. В конце концов, основную роль в расследовании играет мотив. Поэтому нам надо взглянуть на дело с другой стороны: у кого был мотив убивать обеих женщин?

Я произнёс эти слова очень уверенно, хотя, на самом деле, такой уверенности не чувствовал.

Мне не нравилось, как Майкл Фромли продолжал везде следовать тенью в нашем расследовании.

А отсутствие прогресса в деле, пусть даже и ценой расстраивания планов убийцы, вообще приводило меня в бешенство.

— Её с вами нет? — Алистер поджидал нас у входа в исследовательский центр, и в его голосе явно слышалась паника.

Мы с Томом застыли и смотрели на взволнованного Алистера с бешеными глазами.

— Кого с нами нет? — спросил я. Но внутри меня всё перевернулось. Я уже знал ответ.

Голос Алистера был неестественно высоким, когда он нам ответил:

— Изабеллы. Она пропала.

Паника — заразная вещь. Её опасность заключается в способности распространяться быстро, без предупреждения.

Она уже захватила Алистера, и ему нужно постараться вернуть чувство самоконтроля, пока все наши усилия не пошли прахом.

— Она пропала, — повторил он.

— Она должна была быть здесь, но её нет.

Я постарался мыслить здраво.

— Может, она пошла на прогулку, — сказал я. — Или закончила работу и отправилась домой.

— Нет, нет. Фред сказал, что она повела на прогулку пса, но это было несколько часов назад. Обан вернулся, значит, должна была вернуться и она.

Обан моментально оказался в комнате, лишь услышав своё имя, и бешено вилял хвостом, подбегая по очереди к каждому из нас.

Мы с Алистером встретились взглядом, и меня накрыло осознание произошедшего, а тревога доросла до уровня, который мог сравниться только с паникой Алистера.

— Всё верно, — произнёс он. — Изабелла никогда не оставила бы его на столь долгий срок. По крайней мере, не попросив меня или миссис Либ позаботиться о псе.

Алистер начал вышагивать по комнате.

— Она хотела мне что-то рассказать. Я говорил по телефону с одним из этих дьявольских журналистов и попросил её подождать. А теперь она пропала.

— Я её тоже не видела, — произнесла миссис Либ, вытирая руки о полотенце для посуды. — Профессор попросил меня прийти к одиннадцати. Её уже не было.

— Чего вы так переживаете, Алистер? — спросил Том. — Я, конечно, не утверждаю, что все ваши тревоги беспочвенны, но вы обычно не следите настолько пристально за своей невесткой. Да, я понимаю, что убийство Стеллы Гибсон всех нас расстроило, но не вижу стоящей причины для беспокойства.

Алистер замер, и в тот миг я понял, что сейчас он впервые услышал об убийстве Стеллы. Я рассказал ему о случившемся, и он начал метать по кабинету ещё яростнее.

— Когда её видели в последний раз? — спросил я.

Алистер мученически скривился:

— Фред видел её около одиннадцати часов.

— Где он? — поинтересовался я.

— Он пару минут назад ушёл на её поиски, — ответил Алистер.

Я повернулся к Тому:

— А вы её сегодня утром видели?

Том нахмурился:

— Нет, не видел. Но, когда я пришёл в половине одиннадцатого, в её кабинете горел свет.

Мы бросились по коридору в небольшую комнату, которую Изабелла с Горацием использовали в качестве кабинета. Там стояли два стола и шкаф с документами.

— Гораций в эти выходные приходил? — спросил я, разглядывая разбросанные по столу бумаги.

— Нет, — ответил Алистер и сухо добавил: — Гораций никогда не работает по выходным.

Я не обратил внимания на его комментарий. Сейчас надо было сконцентрироваться на поисках Изабеллы. Я пролистал пару документов, лежащих на столе.

— Проверьте стол Горация, — попросил я Тома.

— Это, скорее всего, её бумаги, — сказал Том. — Наверно, она разложила их по всему свободному пространству.

Я начал внимательнее изучать кипу бумаг, с которой работала Изабелла.

Алистер прошёлся в другой конец комнаты.

— Где она может быть?

— Ей ведь ничего не угрожает? — спросила миссис Либ, и голос её дрогнул.

Это было последнее, что я услышал.

Изабелла прилежно вела все дела, поэтому я заметил несколько записок, которые она набросала этим утром.

На одном листе она аккуратным округлым почерком тщательно переписала все денежные средства, выдаваемые Алистеру фондом деканата.

Суммы, предположительно выдаваемые на дело Фромли.

Суммы с чужими подписями на чеке и обналиченные непонятно кем.

Рядом с этим листом было написано название — «Золотой Дракон» — одно из самых известных игорных заведений в Китайском квартале.

В Нью-Йорке были сотни игорных клубов, но они все различались между собой.

Когда мы изучали пристрастия Майкла Фромли и Лонни Мура, всплыли такие названия, как «Дом с Бронзовой Дверью» и клуб «Фортуна». Первый посещали богатые джентльмены, а второй скорее предназначался для рабочего класса.

Но «Золотой Дракон» был совсем иного рода. Руководил им Лу «Ботлер»^[61] Оукс. Это было заведение самого высокого уровня, и посещали его только самые пристрастившиеся к игре люди.

В «Золотом Драконе» потакали любому пороку, будь то азартные игры, опиум или проституция.

И что ещё отличало «Золотой Дракон» от всех подобных заведений, даже вроде клуба Солтера, это их система кредитов. Там всегда ошивались ростовщики, готовые и желающие одолжить деньги, чтобы клиенты смогли проиграть ещё больше.

Ссуды в «Золотом Драконе» давались под сумасшедший процент, поэтому сумма большинства клиентов в сто долларов быстро перерастала в тысячедолларовый долг. А если кому-то не повезет пропустить очередную выплату, то он может лишиться сначала конечностей, а потом и жизни.

И вот теперь огромные суммы, украденные из фонда Алистера, становились на свои места.

Если Изабелла смогла определить каким-то образом, кто забирал эти деньги, и почему, то это открытие могло поставить её под удар.

Но каким образом кто-то мог узнать о её находке, если только она сама не рассказала?

Она хотела поговорить с Алистером. Скорее всего, по этому поводу. И когда ей не удалось это обсудить, что она сделала?

У меня снова всё похолодело внутри, и я с тревогой взглянул на Алистера. За всё это время он был не слишком со мной честен и откровенен, но я знал, что он не станет

рисковать Изабеллой.

— Изабелла может быть в смертельной опасности, — произнёс я. — Нам надо как можно быстрее её найти.

— Почему она в опасности? Зиль, эти разговоры бесполезны, если вы не можете сказать нам, где искать! — Алистера разрывало беспокойство.

— Изабелла записала тут название, «Золотой Дракон», — начал я, поясняя. — Она его не выдумала; она нашла его где-то в записях, которые изучала.

— Тогда давайте разделим эти документы и посмотрим, — предложил Том.

Вскоре мы закончили просмотр бумаг. Безрезультатно.

— Что бы она не нашла, она, скорее всего, забрала это с собой, — я взволнованно постучал по документам пальцами.

— А значит, вероятнее того, что мы можем определить, куда она направилась, приближается к нулю, — Алистер был подавлен.

Том не выражал эмоций вслух, но потёр лоб, словно у него болела голова.

— Нет смысла думать о том, чего мы не знаем, — отрезал я. — Мы должны сконцентрироваться на том, что мы узнали, и что можем узнать. Но мне надо, чтобы вы, Алистер, хорошо подумали. Перестаньте паниковать и подумайте.

Я подошёл к доске, стоящей у одной из стен маленького кабинета, и перерисовал на ней свой треугольник, обозначавший Сару Уингейт, Майкла Фромли и неизвестного убийцу.

А под каждым именем вкратце записал то, что мы узнали. Например, что Сара узнала об исчезновении денег из фонда деканата.

Майкл Фромли был частым посетителем у Мамаи Дюран, а так же наведывался и многочисленные игорные дома, пока его не занесли в «чёрный список» за его поведение.

А под убийцей я написал, что он имел доступ к Фромли. Что он задолжал значительную сумму денег, которую украл из фонда Алистера, чтобы расплатиться с долгами. Как ему удавалось ставить под угрозу наше расследование и жизни тех, кто нам помогал.

— Что ещё? — постучал я мелом по доске.

Алистер ничего не ответил, и пришлось на него надавить.

— Вам надо сконцентрироваться, Алистер. Вспомните обо всём, что узнали, потому что сейчас пригодится любая мелочь. Сейчас дело не в понимании типологии преступника и даже не в выслеживании убийцы. Речь идёт о спасении Изабеллы. У неё не так много времени. Если вообще ещё есть.

Алистер неуверенно на меня взглянул и сглотнул.

— Наш убийца — загадка, — его голос охрип, Алистеру пришлось откашляться. — С каждым днём он становится всё более отчаянным и жестоким. Судя по тому, что вы рассказали мне о «Золотом Драконе» и учитывая, что Изабелле удалось верно определить связь убийцы с этим заведением, я бы сказал, что наш преступник зависим. Скорей всего, от опиума. Если его запас заканчивается, и ему не удаётся заполучить нужную для удовлетворения тяги дозу, то он становится раздражительным и доведённым до отчаяния.

— Значит, его странное и жестокое поведение может быть следствием синдрома отмены препарата в совокупности с давлением со стороны нашего расследования? — уточнил я.

Алистер кивнул.

— Но мы ведь не можем исключить и зависимость от азартных игр, — добавил я.

Люди мало знакомы с симптомами игровой зависимости, но большинство из признаков

схожи с таковыми при наркотической зависимости: беспокойство и тревожность, иногда настолько сильные, что человек испытывает жар или озноб.

Постоянная ложь. Необходимость увеличивать ставки, чтобы удовлетворить растущую привычку. Сначала человеку хватает ставки в доллар, потом в десять, и наконец — только в пятьдесят долларов.

Я прекрасно знал эти симптомы.

— Кем бы ни был убийца, он не пытается просто нас запугать, — сказал я. — Он убил Сару Уингейт. И только что избавился от свидетельницы. Он не станет колебаться и убьёт Изабеллу, если мы первыми не доберёмся до него и не остановим.

— И каковы наши шансы? — спросил Алистер, проводя руками по лицу. За последние полчаса он будто постарел на десяток лет.

— Никаких, если мы не приложим все усилия, — отрезал я. — Он рядом с нами. Он следит за каждым нашим шагом. А это значит, что и мы рядом с ним, просто об этом ещё не знаем.

Алистер вытащил из бумаг Изабеллы один лист и перечитал его.

Я посмотрел через его плечо. У меня в голове зароились сотни мыслей, и наконец, разум привёл меня к одной очень перспективной идее.

Я схватил список денежных сумм, расписанных Изабеллой, и извинился перед окружающими.

— Продолжайте искать то, что сможет помочь. А мне нужно сделать звонок, — последние слова я пробормотал еле слышно. Мне не хотелось сейчас выслушивать кучу вопросов.

— Соедините, пожалуйста, с Декланом Малвани.

Я нетерпеливо ждал, когда трубку поднимет мой бывший напарник. Мне показалось, прошла вечность, хотя, по сути, не прошло и нескольких минут, прежде чем я услышал знакомый уверенный голос на другом конце провода.

— Зиль! Как ты, старина?

— Бывало и лучше, — напряжённо ответил я, быстро рассказал о безотлагательности ситуации и перешёл к делу. — Ты знаешь «Золотой Дракон»?

— Игровой притон?

— Точно.

— Самое жёсткое игорное заведение в городе, — Малвани не стеснялся в выражениях. — А что?

— У тебя есть что-нибудь на владельца? Мне нужна информация, — ответил я.

Малвани надолго задумался.

Ни для кого не было секретом, что полиция города и игровые заведения заключали порой соглашения.

Если полицейскому участку отдавать ежемесячно определённую сумму, то можно быть уверенным, что к тебе не нагрянут с внеочередным обыском.

И пока будут продолжаться выплаты, полиция закроет глаза на любую незаконную деятельность. Но если выплаты задержаться, то в клуб ворвутся вооружённые сотрудники, разгромят его и закроют на неопределённый срок.

— Это место под контролем, Зиль, — наконец ответил Малвани. — Если ты подождёшь следующего месяца и их выплаты, то, возможно, я смогу что-нибудь нарыть. Но пока на них ничего нет.

— И никаких связей? — отчаянно цеплялся я за последнюю надежду. — Кто-нибудь, кто сможет по-дружески задать им парочку вопросов?

— Это крутые парни, Зиль. Я не могу тебе в этом помочь.

— Тогда может хоть совет дашь? — спросил я и объяснил ему ситуацию: мне нужно определить клиента, который взял в долг крупную сумму и до сих пор не расплатился.

Я не знал, кто этот клиент, но, благодаря тщательно проработанному Изабеллой материалу и найденным доказательствам, у меня появились даты, в которые этот человек брал ссуду, а также суммы, которые он задолжал «Золотому Дракону».

— А что насчёт Никки из клуба «Фортуна»? — спросил я с глубоким вздохом. — У него есть связи, которые помогут определить нужного посетителя?

Малвани захохотал.

— Только ты, Зиль, мог такое придумать — найти человека, основываясь только на суммах денег! Только ты! — Малвани отсмеялся и стал серьёзен. — Думаю, Никки может это сделать. Тут ты прав, — он надолго замолчал. — Если ты пойдёшь этим путём, ты же знаешь, чем рискуешь, правда?

— Что ты имеешь в виду? — я был начеку.

— Никки всегда заботился о тебе из-за глубокого уважения — я бы даже сказал, привязанности к твоей матери, — вздохнул Малвани.

Он ожидал моей реакции, но не дождался. Я знал о слухах, которые вились вокруг Никки Скарпетта и моей матери. Но я никогда не считал их достойными обсуждения, и не стал комментировать и сейчас.

Спустя пару секунд Малвани продолжил:

— Будь осторожен, Зиль. Ты имеешь дело с дьяволом. И лишь вопрос времени, когда дьявол захочет забрать своё.

— Никки — не дьявол, — ответил я, — решительно опровергая такую характеристику.

— Нет, — ответил Малвани и добавил с умным видом: — Но услуги Никки не бесплатны для большинства людей. И, когда он выставит цену, она не будет низкой.

— Думаешь, меня это должно волновать? — серьёзно спросил я у бывшего напарника.

Он на мгновение задумался.

— Думаю, да. Но опять же, ты ведь хочешь спасти эту девочку? Это не худший вариант. Если тебя будут мучать угрызения совести, то надо было становиться раввином или священником. Только у них бывают в этой жизни угрызения совести, — Малвани на миг замолчал. — Хотя и на счёт них я не очень уверен.

На этом наш разговор закончился.

Я поблагодарил напарника, повесил трубку и ещё какое-то время просто смотрел на неё. Затем сделал глубокий вдох и снова поднял трубку.

— Четыре, семь, шесть, Франклин, — сказал я оператору и стал ждать, когда кто-нибудь в клубе «Фортуна» снимет трубку.

* * *

Пока я ждал, когда Никки перезвонит мне с нужной информацией, я посвятил Алистера и Тома в свой план. Никки согласился мне помочь, как я и ожидал.

— Хорошо, — сказал мне Скарпетта. — Ботлер как раз задолжал мне кое-что. Я ему

позвоню.

Мы сидели в мучительной тишине, но ожидать пришлось недолго — Никки перезвонил быстро.

Я поднял трубку.

— У меня есть имя, — без предисловий сказал Никки.

— Кто это? — моё сердце колотилось так гулко, что, казалось, его стук слышали все.

— Теодор Синклер, — ответил Никки. — Никаких сомнений. Все даты и суммы идеально совпали.

Я раздражённо выдохнул.

— Это не настоящее имя. Теодор Синклер — сын моего коллеги. Он умер два года назад.

Услышав это, Алистер уронил голову на руки.

— Можешь узнать кое-что ещё? — спросил я у Никки. — Может, описание внешности, адрес, где он живёт? Если этот парень задолжал тысячи долларов, как говорится в том списке, то парни Ботлера точно знают, где его найти.

Мы подождали ещё какое-то время.

— Он будто хочет вас уничтожить, Алистер, — произнёс Том. — Кем бы он ни был, он украл ваши деньги; воспользовался именем вашего сына; похитил вашу невестку. Вы точно представления не имеете, кто это?

Том задал последний вопрос со всевозможной осторожностью. Его надо было задать.

— Я... — Алистера прервал телефонный звонок.

Я снял трубку после первой же трели:

— Зиль слушает.

— Готово, — сказал Никки. — У меня есть адрес и описание внешности. Правда, внешность мало чем поможет; посетитель выглядел, как половина парней в Нью-Йорке. Но вот адрес у нас есть. Готов?

— Диктуй, — сказал я, сжимая в руке карандаш.

Том и Алистер нетерпеливо следили, как я записываю описание: карие глаза, тёмно-русые волосы, коренастый, среднего роста, квадратная челюсть, видимые раны на теле.

— Его избили на прошлой неделе, когда он отказался платить, — пояснил Никки.

— И адрес: 112-ая улица, дом 508, квартира 5Б.

Я снова поблагодарил Никки и повесил трубку.

Мы с Алистером посмотрели друг на друга. Его лицо было мертвенно-серым.

— Вы знаете, кто это? — спросил я.

В его льдисто-голубых глазах отражалось замешательство.

— Надеюсь, я не прав.

— Так пойдёмте выясним. У нас есть адрес, — решительно сказал я, и тут в голову пришла мысль: — Том, вы подождёте здесь, на случай, если Изабелла вернётся?

— Стойте, — произнёс Том. — Я всё ещё не понимаю. Кто это?

Алистер отвёл взгляд и вышел из крошечного кабинета, оставив меня отвечать на вопросы Тома.

— Под это описание подходит множество мужчин в Нью-Йорке, — постукал я пальцем по листку бумаги. — Я надеюсь, что мои собственные подозрения не оправдаются.

Мы с Алистером думали каждый о своём, пока направлялись по Амстердам Авеню к 112-ой улице.

Мой собственный разум был заполнен разрозненными образами, которые, хоть и не были до некоторых пор соединены вместе, теперь сложились в прекрасную полную картину.

Фиолетовый синяк на его лице, когда я впервые его встретил.

Как мы увидели его краем глаза на Бауэри и убедили себя, что ошиблись.

Его беспокойство.

Его ложь.

Его потливость.

Все эти картинки сложились в моей голове, и я увидел всю картину целиком.

У него были средства и возможность: ему доверяли и предоставляли доступ ко всему в исследовательском центре — от документов и финансов до самого Фромли.

У него была уникальная возможность следить за расследованием и тормозить его, даже притворяясь, будто помогает нам.

И у него был мотив: невероятные долги из-за его пристрастия к картам или наркотикам — вскоре мы выясним, к чему именно.

И хоть его связь с Сарой Уингейт пока оставалась неясной, всё остальное было предельно понятно. И картинку в моей голове подтвердило имя на табличке рядом со звонком возле двери в 508-ом доме по 112-ой улице.

Гораций Дж. Вуд.

— Вы, должно быть, подозревали его с тех пор, как я рассказал вам о «Золотом Драконе». Вы видели его недалеко от бара Никки в наш первый день расследования, помните?

Я постарался говорить мягким тоном, но мне было жутко любопытно. Я познакомился с Горацием всего пять дней назад, а Алистер работал с ним уже семь лет.

Как он мог быть столь слеп?

Хотя, конечно же, он упустил это именно из-за того, что знал Горация. Мы никогда так тщательно не всматриваемся в знакомых людей, как в незнакомцев.

Алистер, казалось, погрузился в свой собственный мир. Лицо было изнурённым и обеспокоенным. Он произнёс лишь, что «адрес это подтверждает».

Моё сердце забилося сильнее, когда мы подошли к двери квартиры Горация.

— Мы не знаем, у него ли она, — сказал я, — но в таком предположении есть смысл.

Я резко постучал в дверь.

— Изабелла работала этим утром за его столом, когда нашла взаимосвязь между украденными деньгами и задолженностями в «Золотом Драконе». Возможно, она даже спросила об этом у Горация.

Я снова постучал, и, когда и на этот раз нам никто не ответил, я достал из кармана тонкую металлическую отмычку.

Алистер вскинул брови.

— Возможно, моё знание четвертой поправки^[62] и проведения полицейских обысков несколько устарело, но разве нам не нужен для этого ордер?

Я качнул головой.

— Всё в порядке, — я чуть сильнее надавил на штифт замка, — если бы мы вламывались лишь с целью поиска улики, то вы были бы правы. Но если чьей-то жизни угрожает опасность — как, например, жизни Изабеллы — то наши действия полностью оправданы.

Я не стал говорить Алистеру, но ради Изабеллы выбил бы эту дверь и без всяких дозволений со стороны закона.

Отмычка щёлкнула, и замок открылся.

— Получилось, — я хмуро кивнул Алистеру, и он зашёл за мной в квартиру.

— Изабелла? Гораций? — позвал я, но мне никто не ответил.

Квартира Горация представляла собой несколько узких длинных комнат с окнами на одну сторону, соединённых коридором.

Сначала мы прошли мимо комнаты, которую он использовал в качестве либо рабочего кабинета, либо гостиной; затем — кухню, и наконец, вошли в спальню. Здесь было грязно, и всё забросано бумагами, но я не заметил ничего необычного.

— Я проверю передние комнаты, а вы посмотрите тут, — сказал я Алистеру. Хоть я и не надеялся найти здесь Изабеллу, но мы точно сможем найти в квартире что-нибудь, что приведёт нас к ней.

Я как раз обыскивал кучу бумаг в одном из углов комнаты, когда меня привлек какой-то шум и треск.

Я вернулся в другую комнату, и увидел Алистера посреди осколков стекла и пустых

бутылок.

Вероятно, он сорвал со стены шкафчик Горация с лекарствами и бросил его на пол спальни, разбивая в мелкое стеклянное крошево.

Слова Алистера, казалось, вырывались глубоко изнутри.

— Я знал его много лет. Предоставлял столько возможностей. Одалживал деньги. И посмотрите, как он мне отплатил! — У Алистера сдавило горло от эмоций. — Он совершил непростительное и предал меня самого.

Он выплеснул гнев и теперь опустошённо упал на кровать, уронив голову на руки.

А через пару секунд он посмотрел на меня, и меня поразило отчаяние в его глазах.

— Он ведь не может навредить Изабелле. Они столько знакомы!

Я не дрогнул и не отвёл взгляд.

— Я понимаю, что предательство Горация стало болезненным ударом. Но не дайте ему затмить ваш разум. Вы сейчас очень нужны Изабелле.

Я наклонился и начал перебирать содержимое аптечного шкафчика Горация.

— Давайте думать вместе.

Алистер начал расставлять пузырьки с лекарствами на тумбочку Горация.

— Оглядываясь назад, я полагаю, его поведение за последние несколько недель должно было меня насторожить. Он был беспокойным, и, несмотря на прохладную погоду, постоянно потел.

— Но вы никогда не замечали за ним склонности к совершению преступлений?

Алистер ответил сухо:

— Можете мне не верить, Зиль, но я не сижу днями и не рассуждаю о склонности своих коллег к совершению преступлений.

Я поднял две бутылочки с отбитыми горлышками. Названия оставались различимы.

— Здесь много лекарств, содержащих опий, — я протянул Алистеру разбитую бутылочку. — Сироп от кашля, успокоительная микстура, сердечное средство и даже настойка чистого опия.

Алистер пожал плечами.

— Обычный набор для аптечки среднестатистического жителя. Если он пристрастился к опиуму в прямой пропорциональности его долгам, то ему надо гораздо большая доза. Такая, которую получить можно только в опиумном притоне или курильне.

— Давайте двигаться дальше. Проверим остальные комнаты, — сказал я. Мы работали в тишине, пока Алистер не прокричал, что что-то нашёл.

— Что вы нашли? — спросил я, врываясь на кухню.

— Его ежедневник, — ответил Алистер. — Смотрите, за пару недель до смерти Сары Уингейт у него была назначена с ней встреча, — Алистер тряхнул головой. — Если она узнала, что он крадёт деньги, почему не сообщила?

— Не знаю. Возможно, они решили договориться.

Я внимательно изучил остальные страницы ежедневника. Там тоже были записи встреч, все недели до смерти Сары, но они были зашифрованы — Гораций проставлял только инициалы.

Ф.А.Э. каждый вторник. И Г.Р.Э. каждую пятницу.

Я засунул ежедневник в карман. Изучу позже. Любая улика, которая не сможет указать нам на местонахождение Изабеллы, может пока подождать. Даже то, что укажет на несомненную вину Горация судье и присяжным.

Мы нашли в столе Горация обувную коробку с бланками депозитов на чеки, суммы которых были украдены из фонда деканата.

— Теперь ясно, почему у него не было проблем с их обналичиванием, — произнёс я. — Хоть они и были все адресованы «Алистеру Синклеру, Центр криминологических исследований», но гляньте, какую он сделал приписку: «Разрешено выдавать Теодору Синклеру». И, используя подобный псевдоним, он без труда забирал суммы. Словно вы отдавали деньги своему сыну.

Алистер ничего не ответил, но зеленоватый оттенок его лица заставил меня беспокоиться.

— Вы в порядке?

— Буду в порядке, — ответил он, не желая, чтобы я беспокоился за него.

В той же коробке мы наши копии закладных, подписанные на сотни долларов. На бумаге не значилось имя, кому Гораций задолжал деньги, но на обратной стороне каждого бланка был нарисован странный символ.

Наверно, символ Ботлера.

— Теперь у нас есть множество доказательств преступления, — произнёс я, забрасывая бумаги обратно в коробку. — Но мы до сих пор понятия не имеем, куда он отвёз Изабеллу.

Я сел на диван в гостиной Горация, опёрся подбородком о руки и посмотрел на Алистера.

— Вы знаете о мышлении преступников больше, чем кто-либо другой, Алистер. И вы знаете Горация Вуда. Помогите мне. Куда он мог её отвезти?

— Ему комфортно в том районе, где он живёт и работает, — начал размышлять вслух Алистер.

Он присел на кресло с выцветшей цветочной обивкой, стоящее рядом с диваном.

Я поймал его мысль.

— Точно. Значит, она удерживается где-то поблизости. Уединённое место, где сейчас будет тихо и безлюдно.

Алистер поднялся и начал выхаживать по комнате.

— Да, и в этом месте он держит всё под контролем. Он не захочет, чтобы его прервали.

— Может, какое-то административное здание? — спросил я. — Закрытое сегодня? Пустые неработающие офисы.

Алистер покачал головой:

— Не похоже. В административном здании есть сигнализация и собственная система пропусков, нацеленная на защиту хранящихся там документов.

— Тогда как насчёт пустых классных комнат? Аудитории в научном корпусе? Многие студенты выбирают пустые классы, чтобы спокойно позаниматься по вечерам.

— Идея неплохая, но не даёт Горацию нужного уединения. Что ещё?

— Часовня, — ответил я. — Она всегда открыта для тех, кто в ней нуждается.

— Вот это больше похоже на правду. Оно больше соответствует тому, что я знаю — точнее, думал, что знаю, — о Горации, — сказал Алистер. — Ещё приходит на ум какое-нибудь место?

Мы оба задумались. Заходящее солнце поблёскивало на оконном стекле, отсвечивая от чего-то блестящего на кресле. Я наклонился, протянул руку и поднял женскую серёжку. Серёжку Изабеллы.

— Она была здесь, Алистер, — мой голос задрожал от волнения. — Посмотрите, это же

её серёжка, так?

— Кажется, да.

В голосе Алистера промелькнуло сомнение, но это не имело никакого значения — я был полностью уверен, что серёжка принадлежит Изабелле.

Я точно помнил, что эти серьги были на Изабелле прошлым вечером: небольшие рубины в тонком оплетении золотого листка. И содрогнулся от мысли, что с ней могло случиться, но заставил себя сконцентрироваться на её поисках.

Я не смогу помочь Изабелле, если не буду рассуждать трезво.

— Если она недавно была здесь, — заметил Алистер, — то он не мог увести её далеко.

Мне пришла в голову новая идея.

— Мы рядом с Морнингсайд-парк.

Алистер покачал головой:

— Слишком открытое и многолюдное место.

Я выглянул в окно.

Из квартиры Горация открывался прекрасный вид на тянущиеся к небу каменные арки собора Святого Иоанна Богослова; хотя, по общему мнению, пока это здание больше походило на стройплощадку, чем на функционирующий храм.

Подкрадывались сумерки, и в пылающем багровом закате Собор отбрасывал тень на...

И я всё понял. Конечно же, Собор Святого Иоанна. Как раз напротив, через улицу, и сегодня вечером там точно никого не будет.

Алистер согласился, что в этом есть смысл.

— Быстрей, — я бросился вниз по ступенькам. — Будем молиться, чтобы мы не ошиблись. И не опоздали.

В Соборе святого Иоанна Богослова свет не горел.

Мы шли быстро и внимательно смотрели под ноги: даже на тротуарах валялись куски камня и рабочий инструментарий — видимое свидетельство того, как недавнее пожертвование Дж. П. Моргана помогло возобновить работу по реконструкции самого великого собора в нашей стране, который способен конкурировать с лучшими зданиями в Европе.

Сложно было представить, что эти горы камней, песка и дерева смогут превратиться во что-то хоть отдалённо напоминающее здание, но говоря уже о соборе.

Мы выходили на Амстердам Авеню, когда к нам быстрым шагом направилась тёмная сгорбленная фигура, застав нас врасплох. Я только начал её узнавать, как Алистер уже заговорил:

— Фред, слава богу, это всего лишь вы, — Алистер облегчённо выдохнул. — Вы нас напугали, появившись из ниоткуда. Я так понимаю, Изабеллу вы не встретили. У нас появилась идея, где она может быть.

Фред недоверчиво на нас взглянул, но согласился составить компанию. Он тяжело шёл за нами, опираясь на деревянную трость. Мы вошли в здание.

Сначала всё, что мы слышали, было постукивание трости Фреда. На каменном полу она звучала даже громче, чем обычно.

— Мы ошиблись, тут никого нет, — выдохнул Алистер.

Мы прошли под массивными балками и последовали за надписями от руки на листках, призванными помочь верующим найти пока единственное отремонтированное помещение, где проходят службы.

— Вот это может нам помочь, — произнёс я, поднимая стоящий у стены фонарь. — У вас есть спички?

Спички были у Алистера, но, когда он зажжёт фонарь, оказалось, что он освещает круг всего метр радиусом, может, чуть больше.

Мы двинулись в направлении стрелок к маленькой часовне.

Цок-цок. Стук трости и звук наших собственных шагов громким эхом разнёсся по каменному, похожему на пещеру залу.

— Тссс, — я показал Алистеру и Фреду, чтобы они не издавали ни звука.

Нам потребовалось несколько секунд, чтобы наши уши привыкли к странному эху, отражающемуся от стен и потолка, и чтобы осознать, что слышимый нами звук — это человеческий голос.

У меня в груди всё сжалось, когда я осознал, что это женский голос, зовущий на помощь.

Изабелла.

Она нас услышала. Её голос давал понять, что она ещё жива, что мы не опоздали.

— Сюда, — я жестом показал всем следовать за мной на узкую, тесную лестницу, ведущую вниз, в склеп, как в преисподнюю.

Это была единственная на сегодняшний день часть собора, где закончился ремонт. Я заставил себя выбросить из головы все суеверные мысли и напомнил себе, что помещение, в которое мы сейчас спустимся, лишь называется склепом.

Прошло слишком мало времени, чтобы там успели кого-то похоронить. Но следом пришла непрощенная и неприятная мысль: но умереть там кто-то может в любое время.

Мы дошли до нижних ступеней. Перед нами валялись такие же кучи камня, песка и дерева, как и в наружных помещениях.

Здесь также было хранилище для рабочих, где содержался камень и цемент, и еще два сложных витража, которые предстояло установить.

Я пока не видел Изабеллу. Мой взгляд сначала пробежался по стройным рядам деревянных скамеек. Обычно их занимали молящиеся граждане, но сейчас тут было пусто.

Я услышал всхлипывание и тотчас увидел её: она сидела на деревянном стуле в начале комнаты, а руки и ноги её были связаны верёвкой.

Рядом с ней стоял маленький столик, на котором мерцали шесть небольших свечей.

Я открыл рот, чтобы заговорить с ней, но не успели слова сорваться с языка, как по комнате пронёсся порыв ветра, Изабелла громко вскрикнула, и весь свет внезапно потух.

А это значит, он где-то рядом.

Он всполошился. Всё, что сейчас происходит, не соответствует его планам. Он не ожидал, что его смогут поймать. Тем более, не сейчас.

С гораздо большей уверенностью, чем я на самом деле чувствовал, я обратился в темноту:

— Гораций, всё кончено. Вы арестованы за убийство Майкла Фромли, Сары Уингейт и Стеллы Гибсон, — я на пару секунд замолчал. — Отпустите Изабеллу и не усугубляйте ваше и так непростое положение.

Тишина.

Я не слышал ни звука, по которому можно было бы сказать о его местонахождении. Мои пальцы сжимали кольт. Я был наготове.

Я чувствовал, как Алистер рядом со мной ищет ещё одну спичку. Наконец, ему удалось снова зажечь фонарь, потухший пару минут назад.

В его свете мы увидели Изабеллу, но на этот раз над ней нависла тёмная фигура Горация Вуда, целящегося ей в голову из пистолета.

Я мрачно скомандовал:

— Бросайте оружие, Гораций.

Он смотрел на нас и не двигался.

Я сделал шаг вперёд и показал собственный револьвер.

— Я стреляю гораздо лучше вас, Гораций. Будьте благоразумны и бросайте пистолет.

— Не так быстро, — послышался голос за нашими спинами.

Я обернулся. Прямо в лицо мне смотрело дуло «Смит и Вессон», который держал Фред. Гораций дико, страшно загоготал.

Я никогда не забуду жуткую печаль на лице Алистера, когда он тоже обернулся и произнёс:

— Я не понимаю.

— А чего же тут непонятного, старина? — Фред наклонил голову и криво усмехнулся. — Что тебя одурачили? Или что я добился... ну, назовём это «более высокооплачиваемой работы»?

Алистер был поражён до глубины души и смог выдавить лишь одно слово:

— Почему?

Фред пожал плечами.

— Не надо так удивляться, профессор. Думаешь, ты единственный, кто жаждет хорошей жизни? Роскоши, которую можно купить за деньги, за огромную кучу денег? Конечно, нет. У Горация были собственные причины, но вот лично мои, должен сказать, весьма просты.

— Ты сделал это всё лишь из-за алчности? — в голосе Алистера сквозило осуждение.

— Скажем так: мы с Горацием пришли к мнению, что ресурсы твоего целевого фонда используются не так, как должны, — легко ответил Фред. — Зачем тратить такие огромные суммы на испорченных социопатов, если можно найти этим деньгам куда лучшее применение?

Алистер начал осознавать всю серьёзность ситуации, и его лицо решительно изменилось. Он выпрямился и резко скомандовал:

— Гораций. Фред. Вам обоим лучше бросить оружие.

Я поморщился. Хотя я и оценил силу духа Алистера, подход он выбрал неправильный. Все знания и опыт, которыми он мог бы воспользоваться в данной ситуации, были погребены под эмоциями.

Его жестоко предали двое ближайших соратников.

И удерживали в заложниках они не незнакомого человека, а Изабеллу.

— Всё ещё пытаетесь мне указывать, профессор? — агрессивно хмыкнул Гораций. — Оглянитесь. Не думаю, что вы сейчас в том положении, чтобы отдавать приказы.

Гораций волновался и сильно потел, несмотря на то, что под каменными сводами собора было прохладно.

У меня не было большого опыта в ситуациях с захватом заложников, но всё, что я когда-либо читал, указывало на то, что нам нужно заставить обоих мужчин говорить и дать почувствовать, что они контролируют ситуацию.

А когда мы этого добьёмся, следует натравить их друг на друга, и тогда наши шансы станут выше.

Я заговорил спокойно, словно вообще не чувствовал угрозы:

— Вы правы, Гораций. Алистер явно не в том положении, чтобы командовать. А вот вы...

Я убрал револьвер и медленно двинулся в его сторону, засунув руки в карманы, чтобы он увидел, что я расслаблен и непринуждён.

— Неприятный симптом — беспокойство, не так ли? Не даёт заснуть по ночам. Да и постоянная потливость заставляет чувствовать себя неловко, — я понизил голос и сделал ещё два шага в направлении Горация. — Но хуже всего то, насколько сильно вам этого хочется.

Ещё один шаг вперёд. Мой голос стал резче.

— Чем же вас зацепили, Гораций? Наркотиками? — я на мгновение замолчал. — Или азартными играми?

Гораций бросил взгляд на Изабеллу и ткнул в неё пистолетом:

— Сдвинетесь ещё на сантиметр — и она умрёт.

Я повернулся к Фреду:

— А вы знали, что ему постоянно нужно потворствовать своей мерзкой привычке, когда брали его в долю?

Фред злобно усмехнулся:

— Мой милый мальчик, да если бы не досадное пристрастие Горация к картам, он бы никогда не пошёл на такое дело. Для него это было истинным вдохновением.

— А вы? — спросил я.

— Всего лишь невинный свидетель, который заметил проблему Горация и нашёл способ её разрешения, — Фред преувеличенно громко вздохнул. — Горацию казалось несправедливым забрать все трофеи себе — особенно, когда их вполне могло хватить на двоих. Поэтому я предложил ему сотрудничество.

— Вы говорите о том, — перебил его Гораций, — что начали шантажировать меня половиной всей суммы?

Вот оно: трещина в их отношениях, которой я мог бы воспользоваться. В подобных альянсах всегда есть недоговорённости.

Я принял взвешенное решение.

— Бьюсь об заклад, — сказал я Горацию, — что он даже не помог, когда на прошлой неделе к вам пришли жлобы из «Золотого Дракона» и потребовали вернуть долг, а потом разбили вам лицо.

Гораций только хмыкнул в ответ, но стал слушать внимательнее, поэтому я продолжил. Я наспех продумывал свою теорию, но стоило мне только начать её рассказывать, как я понял, что попал в точку.

— Не сомневаюсь, что началось всё достаточно невинно. Игра на деньги делает саму игру гораздо веселее и оживлённее. А игра в притоне делает её ещё и более захватывающей.

Фред перебил меня:

— Гораций подсел на «фараона», который сейчас жутко популярен во всех игровых домах. Но, когда она стала для него слишком дорого обходиться, он нашёл его более дешёвый аналог в Нижнем Ист-Сайде.

— Но играть на гроши вам было мало. Вы желали больших ставок, — продолжал я. — И вот тогда вы обнаружили, что некоторые дома в Нижнем Ист-Сайде дают деньги в кредит — правда, на своих условиях. Вы взяли в долг у безжалостного ростовщика — и проиграли. Вы начали отчаянно нуждаться в новой сумме, чтобы рассчитаться с ростовщиками и вернуться в игру. И поскольку никакой законный способ вам в голову не пришёл, вы нашли другой. Естественно, вы знали, что Алистер постоянно переводит определённые суммы денег из собственных средств в фонд исследовательского центра. Вы продумали схему и воспользовались ею.

— Но я же раз за разом давал тебе деньги, — обратился Алистер к Горацию. — Я помогал тебе.

— Но вы помогали ему с определённым условием, — быстро ответил я за Горация. — Вы хотели, чтобы он бросил играть.

Фред не замедлил вступить в разговор.

— Было очень интересно наблюдать за этим с психологической точки зрения. Гораций рушил свою жизнь. Он почти полностью забросил работу, заставил свою невесту разорвать помолвку и задолжал тысячи долларов ростовщикам. И, тем не менее, он не мог думать ни о чём, кроме игры. Он ощущал власть, когда сидел за столом и делал ставки. Это было настолько пьянящим чувством, что он совершал одну кражу за другой. А потом кража переросла в убийство.

Я знал эту историю, как свои пять пальцев. Сколько жизней было загублено подобным образом, включая и жизнь моего отца.

Он всегда хотел оставаться в игре и для этого пользовался помощью женщин.

Но тем, кто не обладал красотой и очарованием моего отца, приходилось прибегать к

преступлениям. Как, например, Горацію.

— Значит, Сару убил Гораций? — тихо спросил я.

Никто не ответил.

— Почему бы вам обоим не отойти к стене? — Фред махнул пистолетом в направлении Изабеллы.

Нам нужно было держаться порознь, пока я не придумаю лучший план. Я встретился взглядом с Алистером, и он понял меня без слов: сделал несколько крохотных шагов, чтобы показать, что мы подчинились, но на самом деле практически не сдвинуться с места.

Алистер кашлянул.

— Может, Гораций и убил Сару, но спланировал всё явно Фред. Гораций просто для такого не слишком умён.

Гораций что-то неразборчиво пробурчал.

Я подхватил мысль Алистера.

— Да, частично план был просто блестящий. Например, когда вы заставили Майкла Фромли написать письмо и признаться в убийстве Сары. Наверно, вы приказали ему это сделать перед тем, как застрелили. А когда вы отправили это письмо вместе с реальными уликами с места происшествия, выглядело чрезвычайно убедительно. Затем вы столкнули тело Фромли в Гудзон и решили, что нашли идеального козла отпущения для следующего преступления — убийства Сары Уингейт. Вы столько знали о Фромли, что повесить на него всех собак не составило труда. А если принять во внимание и собственноручно написанное Фромли признание, не останется никаких сомнений. Да, вы всё спланировали чрезвычайно умно. Но я уверен, что всё придумал Фред.

— Конечно, нет, — горячо отверг мою мысль Гораций.

— Нет? — притворно удивился я, делая небольшой шаг в направлении Горация. — Тогда скажите мне, кто не заметил такую очевидную прореху в вашем плане? Один из вас не предвидел, что матушка-природа так быстро выбросит на берег тело Фромли. Вы, очевидно, надеялись, что тело пробудет под водой всю зиму, а когда весной его найдут, оно уже будет настолько разложившимся и обезображенным, что даже эксперт на вскрытии не сможет определить время смерти.

— Да ладно вам, — возразил Фред. — План был гениальным, если бы не прихоть природы и ваше непонятное упорство. Большинство детективов, — Фред подчеркнул эти слова, — были бы рады закрыть дело как можно быстрее. Тем более, результат всех удовлетворял. В конце концов, Фромли был мерзавцем. Миру без него будет лучше.

— Может и так, — кивнул я, — но не вам это решать. — А что насчёт Сары Уингейт? И Стеллы Гибсон? Они уж точно не заслуживали смерти.

— Да, это были досадные стечения обстоятельств. Но та девчонка, Уингейт, стала приносить проблемы, ведь так, Гораций?

Я сделал глубокий вдох и приблизился к ним ещё на десяток сантиметров.

— Зачем, Гораций? Зачем вы убили Сару? Я ведь знаю, что это вы. Фред просто не способен на это физически — слишком слаб. К тому же, он был рад прикарманить деньги, но в убийствах участвовать не собирался. Он не разделял вашу отчаянную нуждаемость в деньгах.

Гораций смотрел на меня, кипя от гнева.

— Она не знала, что деньги брал я, — ответил он сдавленным голосом. — По крайней мере, сначала. Её приход ко мне был подарком судьбы. Она заметила несоответствия в

бюджете и различия подписей, неподтверждённые запросы.

Он обошёл сидящую на стуле Изабеллу и приблизился ко мне.

— Представьте только, — его лицо скривилось в усмешке, — она попросила меня о помощи. Я согласился, сказал, что во всём разберусь и поговорю с Алистером. Я обещал проследить, чтобы им приносили нужные формы. Но эта упрямая девчонка не поверила мне на слово и продолжила сама всё проверять. И я до сих пор не понимаю, каким образом ей удалось выяснить, что деньги краду именно я.

Он преувеличенно громко вздохнул:

— И тогда я понял, что буду в безопасности и смогу продолжать то, что начал, только если от неё избавлюсь. Поэтому я решил, что Майкл Фромли должен хоть раз в жизни принести пользу.

— Но, когда тело Фромли вымыло из реки раньше времени, — добавил Фред, — Гораций запаниковал, всё начал портить и устроил полную неразбериху.

Я сдвинулся ещё на пару сантиметров.

— Значит, для вас Стелла — просто часть неразберихи? — спросил я. — Так вы видите это?

— Мне сегодня утром позвонила Изабелла и начала задавать трудные вопросы. Она упомянула, что вы сегодня встречаетесь в парке со Стеллой. Я пошёл за вами и даже частично подслушал ваш разговор. Я не мог рисковать: вдруг Стелла потом вспомнит ещё что-нибудь важное.

— Сомневаюсь в этом. Она приняла вас за другого человека, — ответил я. — Так что этим утром вы зря пролили кровь.

Ещё пару сантиметров.

— Но теперь всё кончено. Вам придётся отпустить Изабеллу. Вы только усложняете ситуацию, продолжая её удерживать.

Гораций рассмеялся.

— Отличная попытка, Зиль. Но... — он вскинул руку, словно пытался меня остановить, и его голос внезапно стал резким и серьёзным. — Стойте, где стоите. Ни шагу ближе.

Он ткнул дулом пистолета в спину Изабеллы, и мы оба отпрянули, когда девушка поморщилась от боли.

— Вы её не застрелите, — сказал я. — В противном случае, вы бы уже это сделали.

— Чепуха, — его лицо скривилось в мерзкой усмешке. — Мне просто пришлось чуть задержаться, пока Фред тащил её сюда в склеп.

Гораций взмахнул пистолетом.

— Глупая девчонка. Она рылась в моём столе и нашла доказательства моих огромных долгов. С того момента, как она сложила два плюс два, её судьба была предрешена. Я сделаю всё, что угодно, что остановить всех вас. Вы меня не уничтожите.

Он был в ярости и говорил очень быстро.

Но смог успокоиться и продолжить.

— Я знаю, чего вы хотите. Вы извратите всё, что я сказал, и превратите это в признание, — сказал он, наставляя дуло пистолета на нас. — Но будет лишь ваше слово против моего.

У меня в голове пронеслась мысль. Оставалось надеяться, что всё получится.

— Я не вижу между тобой, Гораций, и Майклом Фромли никакой разницы. За исключение того, что ты, возможно, превзошёл его: ты убил троих, а он — из того, что мы

можем доказать — лишь одного.

— Возмутительно, — произнёс Гораций. — Думаете, я какое-то животное? Я даже не потратил все украденные деньги на себя, а кое-что пожертвовал на добрые дела.

— Да, — легко согласился я, — на выборы Херста. — Вы довольно ловко отвлекли нас от истины. Мы все считали, что вы расстроены из-за выборов. Вас избili здоровяки Боттлера, но вы придумали великолепную ложь: на вас напали во время выборов, когда вы голосовали не за того человека. А теперь вы пытаетесь нас убедить, что в вашей краже было нечто благородное, потому что часть украденных денег вы отдали политику.

Мои пальцы нащупали собственный револьвер. Надеюсь, незаметно.

— Нет ничего благородного в убийстве или краже. И не важно, какими словами вы пытаетесь это оправдать, — я сделал два шага вперёд.

Он наставил пистолет прямо мне в грудь.

— Вы обвиняете не того человека, — возмутился Гораций. — Вам следует задать себе вопрос: какое моральное право имел он, — Гораций ткнул пальцем в Алистера, — использовать деньги для своих грязных целей — жестоких преступников? Человек вроде Фромли не заслуживает оставаться в живых. Я сделал доброе дело, убив его.

Наступила долгая тишина, во время которой никто не проронил ни слова. Мы даже боялись дышать.

— Можешь сейчас начать с нами сотрудничать, — произнёс наконец Алистер. — Просто отпусти Изабеллу. Может, ты и мало обо мне знаешь, но ты же в курсе, что я могу помочь тебе урегулировать этот вопрос с властями. У меня есть влиятельные друзья в полиции и в суде. Просто отпусти её, и я помогу.

Гораций зашёлся диким, безумным хохотом...

— Ну, конечно, профессор. А потом вы будете меня изучать, как Фромли. И я стану вашей подопытной крысой, — его взгляд стал ледяным. — Я не ваш очередной проект. И никакой помощи мне не надо. Я не обычный преступник, которым вы можете манипулировать по своему усмотрению.

Он начал говорить увереннее.

— Вот как всё будет на самом деле. Вы оба пойдёте туда, — он указал на каменную стену за спиной Изабеллы.

— Вы опуститесь на колени лицом к стене, уберёте руки за голову и будете считать до ста. Быстро! — прикрикнул он, снова тыкая в Изабеллу пистолетом. — Иначе я её убью.

Мы с Алистером переглянулись и поняли друг друга без слов: Гораций убьёт нас всех, и Фред ему вряд ли станет мешать.

Кстати, а где Фред?

Краем глаза я заметил, что он стоит за нашими спинами. Он держал пистолет в левой руке, а трость — в правой. Я припомнил, что Фред правша.

И смертельно опасное оружие он держал не в той руке.

Основную опасность представлял Гораций.

Надо действовать прямо сейчас.

— Покажите руки! — угрожающе scomандовал Гораций.

И в это мгновение Изабелла выпрямилась, бросилась всем телом вперёд и, падая на стуле, выбила оружие из рук Грация. Её поступок был именно тем элементом неожиданности, которого нам не хватало.

Мы с Алистером бросились к Горацию. Алистер схватил его за руки, а я за ноги,

намереваясь прижать к полу.

И тут на меня обрушился сильный удар. Я покотился по цементному полу и ударился о стоящие ряды скамеек. Жгучая боль в правой половине тела практически обездвижила меня.

Несмотря на агонию, я осознал, что Фред ударил меня по спине тростью. Откуда в этом пожилом мужчине сила для подобного удара?

Фред появился из ниоткуда и пригвоздил меня к полу опрокинувшимся стулом. Моя здоровая рука была прижата к туловищу, а свободной оказалась лишь травмированная, бесполезная конечность.

Где Гораций? Я не мог повернуть голову, потому что мои движения ограничивал стул.

Я слышал шаги. Чьи они? И это плачет Изабелла?

Я слышал голос Горация. Он стоял гораздо ближе, чем я ожидал.

— Покончим со всем сейчас.

Он стоял рядом с Изабеллой. Я должен был что-то сделать.

Я зажмурился и сконцентрировал каждую капельку оставшейся во мне силы в правую, травмированную руку.

Я по чуть-чуть, с огромным усилием, поднял руку и изо всех сил толкнул. Боль затопила меня. Стул опрокинулся, но Фред упал на меня сверху.

Это было неважно — моя левая рука оказалась свободна. Быстрым, отработанным за годы практики движением я схватил свой револьвер, просунул руку над Фредом, прицелился в кисть Горация...

...И промахнулся.

Пуля от ricoшетила от стены, и все пригнулись.

Алистер снова бросился вперёд, но Гораций его опередил. Он с лёгкостью уклонился от захвата Алистера и прицелился в голову Изабеллы. Щелчок.

— Нет! — закричали мы с Алистером в один голос.

Я отбросил Фреда с пути, и он с громким стуком ударился о пол головой. Я снова прицелился в Горация.

И на этот раз попал. Пуля попала в его правую ногу, заставив повалиться на землю.

Я подлетел к нему в мгновение ока, каким-то образом умудрившись подмять под себя его плотно сбитую фигуру.

Но я опоздал на долю секунды. Гораций снова нажал на курок. Раздался оглушительный выстрел.

Алистер успел поймать Изабеллу прежде, чем она упала на пол, и я с ужасом наблюдал, как на её груди расплзается красное пятно.

Фред без чувств валялся в углу. Гораций стонал, сжимая ногу, и я связал его верёвкой, которой совсем недавно была связана Изабелла.

Рана Горация была поверхностной. Поэтому я бросился к Алистеру, чтобы помочь остановить текущую откуда-то из-под ребра Изабеллы кровь.

— Вы спасли её, Зиль, — выдохнул Алистер. — Он собирался её убить. Пистолет был нацелен прямо в сердце.

Но меня снедало беспокойство, потому что кровь у Изабеллы продолжала течь.

Я почти не замечал пульсирующую боль в собственной руке, пока рвал на полосы рубашку, чтобы перевязать рану Изабеллы.

Гораций был связан, а Фред — без сознания. Алистер отправился за помощью, а я стал ждать в тревожной тишине, прерываемой лишь хныканьем Горация и частым, прерывистым

дыханием Изабеллы.

Не дай ей умереть.

Я молился, не отдавая себе в этом отчёт.

И продолжал молиться, даже когда пару часов спустя Алистер привёл меня в гостевую спальню в его квартире.

Новости были обнадеживающими.

— Врач сказал, что она справится, но ей нужен сон и спокойная обстановка. Пуля не задела жизненно важные органы, так что опасность миновала.

Я прочёл в глазах Алистера сочувствие, когда он продолжил:

— Зиль, почему бы вам не отдохнуть? Иначе завтра вы будете недееспособны.

У меня не было сил сопротивляться, и я подчинился — и мгновенно провалился в прерывистый сон с тревожащими видениями Изабеллы, Горация, Фреда и безликого Майкла Фромли.

Каким же облегчением было проснуться утром, выпить чашечку кофе и начать собираться в участок, где Горацию Вуду официально будут предъявлены обвинения в трёх убийствах и одном покушении на убийство.

Фред ещё не пришёл в сознание. Сейчас он находился в больнице под охраной офицеров полиции. Ему будет предъявлено обвинение в соучастии в убийстве, как только ему позволит здоровье.

Наверно, мы должны были почувствовать удовлетворение. Правосудие свершилось.

Изабелла поправится, Фред получит по заслугам за свои преступления, а Гораций окажется за решёткой на пожизненный срок — если, конечно, не на электрическом стуле, как сказал мне Джо по телефону. Это будет тем, что он заслужил. Справедливость.

А я подумал о Саре Уингейт, о Стелле Гибсон и даже о Майкле Фромли и почувствовал внутри лишь пустоту. Насколько бессмысленной будет такая справедливость!

Мы усердно работали, чтобы поймать нужного человека. А теперь будем работать ещё усерднее, чтобы привлечь его к ответственности и удостовериться, что он ответит за все преступления, которые совершил. Это было лучшим из того, что мы могли сделать.

Но это не могло вернуть тех, кого мы потеряли.

Возможно, именно поэтому новости, которые мы услышали поздним утром, ничего не изменили.

Как раз перед тем, как покинуть квартиру, нам сообщили, что Гораций Вуд не сможет получить от суда заслуженное наказание.

Это произошло по вине ночного охранника, который забыл снять с заключённого подтяжки.

Гораций был мёртв.

Повесился ночью в собственной камере.

Среда, 15 ноября 1905 года.

Я, возможно, в последний раз, вышел из лифта на восьмом этаже здания «Дакоты» и направился к двери с табличкой 8А.

Я хотел увидеть напоследок Алистера, но подумал, что Изабелла, возможно, уже достаточно поправилась для короткого визита.

Алистер упомянул в телефонном разговоре, что она довольно быстро выздоравливает после огнестрельного ранения.

На мой стук дверь открыла высокая строгая женщина с затянутыми в узел чёрными волосами.

— Кто вы? — смерила она меня неодобрительным взглядом. Скорей всего, это была сиделка, помогающая Изабелле.

Я выдал свою самую располагающую улыбку.

— Детектив Саймон Зиль. Миссис Синклер дома?

Женщина дёрнула головой.

— Миссис Синклер никого не принимает. Полиция уже взяла у неё показания. Причём, несколько раз, несмотря на её состояние.

Сиделка грозно на меня посмотрела.

Я заговорил снова, и на этот раз добавил в голос властных ноток.

— Сообщите ей моё имя, пожалуйста. Я здесь не по служебному делу.

Женщина бросила на меня ещё один взгляд, но позволила войти. Она на минуту исчезла, а потом появилась и жестом показала мне следовать в гостиную, где ожидала Изабелла.

Увидев меня, Изабелла оживилась и тепло улыбнулась.

— Рада вас видеть, Саймон.

Она сидела на небольшом диванчике под пледом и выглядела худой и бледной. Вокруг дивана были разложены книги, журналы и газеты, а в ногах сидел её пёс. Он махнул хвостом, когда я приблизился, но не отошёл от своей хозяйки.

— И я вас.

Я сел на стул напротив неё, стараясь не поморщиться: так стычка в понедельник до сих пор давала о себе знать.

— Вам уже лучше?

— Лучше, — сморщила нос Изабелла. — А станет ещё лучше, когда работа сиделки Кэбот закончится. Нет, она профессионально справляется с обязанностями, но для меня слишком деспотичная.

Изабелла серьёзно заглянула мне в глаза.

— А как вы?

— Хорошо. С делом покончено, и теперь у меня есть пару дней отпуска.

Это был подарок от мэра Фуллера. Его поздравления с окончанием расследования были преувеличенными и неискренними.

«Мэр просто счастлив, что преступление раскрыто, убийца не оказался местным жителем, и мы не провалили дело», — посвятил меня по телефону Джо.

— Вижу, наше расследование попало в газеты, — я взял в руки экземпляр «Геральда».

Основными новостями по-прежнему были выборы, но в нижней части первой страницы я прочёл заголовок: «ПРОБЛЕМЫ ИЗ СВОЕГО МАЛЕНЬКОГО МИРА». На кофейной столике лежала «Таймс» со схожей статьёй: «ЗНАМЕНИТЫЙ ПРОФЕССОР КРИМИНАЛЬНОГО ПРАВА УКРЫВАЕТ УБИЙЦУ В СОБСТВЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ».

От меня не укрылась ирония этого заголовка: он мог относиться как к Майклу Фромли, так и к Горацию Вуду.

Я не виню Алистера за то, что он не рассмотрел представляемую Горацием опасность, но я не мог до сих пор простить ему безрассудное поведение в отношении Фромли.

Алистер привёл Фромли в исследовательский центр, зная, что у того, скорей всего, руки запачканы кровью. Алистер повёл себя лицемерно.

Не важно, что не было твёрдых доказательств. Алистер предпочёл игнорировать происшествие, а не расследовать его. Он думал только о своём собственном исследовании и пошёл на риск — и этим воспользовались Гораций с Фредом.

Я с усмешкой глянул на Изабеллу.

— Как Алистер на всё это реагирует?

— Можете спросить у него сами, — Алистер размашистым шагом вошёл в комнату, широко улыбаясь, и пожал мне руку. А затем склонился над газетой и ткнул в неё пальцем.

— Жалкое подобие журналистики, вот что это такое. История пронизана свободными домыслами и искажениями фактов.

Я просмотрел статью и понял, о чём он говорит. Все даты, имя Фреда и даже причина смерти Горация были перепутаны и написаны с ошибками.

Алистер, несомненно, получит опровержение на эти вопиющие обвинения. Но если его и напишут, то на двенадцатой странице мелким шрифтом. А поможет ли это изменить мнение людей после всего, что будет напечатано в ближайшие дни?

— Исследовательский центр сохраняют? — спросил, пытаюсь определить степень тревоги Алистера.

Он сухо ответил:

— Решение пока не принято. Всё зависит от совета попечителей Колумбийского университета. К сожалению, газеты нашли эту историю очень интересной и с каждым днём описывают её под разными углами.

Алистер сделал глубокий вдох.

— Наверно, их погоня за сенсацией принесёт нам даже меньше вреда, чем я полагал, хотя всё это очень унижительно. В конце концов, они могли копнуть гораздо глубже по поводу Майкла Фромли. Но скандал вокруг денежных средств и самоубийство Горация стали более привлекательной новостью, чем разглашательства на тему: «Есть ли убийство на совести мертвеца».

Алистер даже не стал упоминать про слухи о том, что он подкупил судью, чтобы убийцу выпустили под его ответственность. К счастью для него, эти разговоры тоже заглохли.

Алистер сделал несколько крупных пожертвований на политические нужды влиятельным людям, а те, в свою очередь, позвонили куда надо, и всем редакциям было запрещено печатать о предполагаемом нарушении Алистером этических норм.

Другими словами, ни один репортёр не станет больше тратить своё время на эту историю, если хочет, чтобы его работу оплатили.

— Мы выдержим, — продолжил Алистер. — Это, конечно, неловкая ситуация с профессиональной точки зрения, но подобные писаки, — он снова ткнул пальцем в газету, — не смогут уничтожить наше дело. Через несколько месяцев шумиха утихнет.

— Дай бог, — ответил я. — Что слышно насчёт Фреда?

Алистер качнул головой.

— Ничего нового. Он с понедельника так и не приходил в сознание. Возможно, он никогда и не очнётся, потому что с каждым днём его шансы на выздоровления становятся всё меньше.

Он на мгновение замолчал.

— Может, это и покажется странным, но я не держу на него зла, как на Горация. Возможно, из-за того, что намерения Фреда не были настолько просчитанными. Когда перед ним открылась возможность украсть, он ею воспользовался, но он не искал её.

Я вскинул брови.

— Не уверен, что могу с вами согласиться, — я положил газету обратно на кофейный столик. — Но скажите, что вас раздражает больше: само их предательство или то, что вы его вовремя не разглядели?

Алистер ответил, не раздумывая:

— Сильнее всего меня задело то, что меня застали врасплох. Наверно, это происшествие только напомнило мне, как сложно на самом деле узнать и понять другого человека.

Мы посидели в тишине.

— Изабелла, у меня для вас подарок, — я засунул руку в карман и вытащил золотую серьгу с рубином, которую нашёл в комнате Горация. — Похоже, это ваша, — мягко добавил я.

Изабелла протянула руку и изумлённо на меня взглянула.

— Как вы... То есть, откуда?

— Мы нашли её в квартире Горация. Она и убедила нас, что вы должны быть где-то поблизости.

Пальцы Изабеллы сомкнулись на серьге, и она прошептала что-то себе под нос. Я услышал только слова «на удачу».

— Простите? — переспросил я.

На краткое мгновение её лицо выражало сильную печаль, но потом она улыбнулась и с ностальгией проговорила:

— Когда мы с Тедди только поженились, он мне подарил эти серьги. На удачу, потому что красный — цвет счастья и благополучия.

— Возможно, он был прав, — с лёгкой улыбкой ответил я. — В понедельник вы оказались на волосок от смерти.

Алистер бросил взгляд на часы:

— Нам пора.

— Конечно, — ответил я.

Мы с Алистером планировали сегодня утром присутствовать на панихиде по Стелле Гибсон.

Изабелла протянула руку и легонько сжала мою ладонь.

— Саймон, оставайтесь с нами на связи. Может, навестите нас как-нибудь? Приедете на день Благодарения?

Пока она ждала моего решения, я заметил, что Алистер странно на нас смотрит. Я

смутился, пробормотал какой-то уклончивый ответ и неловко вышел из комнаты.

Она была вдовой неполных два года, к тому же, вдовой сына Алистера. Было бы неподобающим завязывать с ней тесную дружбу.

Но когда я думал о её глубоких карих глазах и заразительном смехе, то ясно осознавал, что был бы не против нашей дружбы.

Небо на улице стало тёмно-серым. Скоро явно пойдёт снег — впервые за это время года.

Пока мы с Алистером шли по Центральному парку, он несколько раз начинал разговор. В первую очередь, его интересовало, присоединюсь ли я к его работе в исследовательском центре.

— У меня появилось несколько вакансий, — с печальной улыбкой заметил он. — А вы бы могли закончить обучение и получить свою учёную степень.

Это было щедрое предложение, и меня несколько мгновений искушали мысли о моих давних мечтах — получить диплом, а затем и степень по юриспруденции.

Но я неожиданно очень ясно понял, что эти мечты давно прошли. И дело не в том, что я для этого уже слишком стар, хотя в тридцать лет я действительно выбивался бы из рядов студентов.

Но опыт и прошедшие годы изменили меня. Я уже не смог бы стать человеком, которым некогда был, даже если бы очень захотел.

Наверно, Алистер меня понял, но всё равно вручил свёрток с тремя книгами.

— Что это? — я не стал разворачивать на ходу, ведь мы продолжали разговаривать.

— Три книги, которые вам стоит прочесть: «Уголовная социология» Энрико Ферри, «Преступления и их причины» Моррисона и «Руководство к расследованию преступлений» профессора Ганса Гросса.

Я вспомнил, что Ганс Гросс был бывшим наставником Алистера.

— Не думаю, что чтение этих книг существенно изменит мои взгляды, — ответил я, принимая книги.

— Я отдаю вам их не для этого, — произнёс Алистер, останавливаясь и пропуская экипаж, прежде чем перейти дорогу.

— У вас есть дар понимать людей и читать их эмоции. Если до этого я сомневался, то тем вечером в понедельник я всё увидел собственными глазами, когда вы разговаривали с Фредом и Горацием. Знаю, вы скажете, что всё дело лишь в базовом понимании мотивов преступления. Но поверьте мне — это нечто большее. Вы должны его развивать, и эти книги вам помогут. К тому же, вам необходимо пополнять знания, чтобы сделать карьеру в Нью-Йорке.

— Если вы забыли, у меня теперь новая карьера в Добсоне, — ответил я.

Алистер усмехнулся.

— Не думаю, что вы созданы для работы в том городке, Зиль. Если не считать последний случай, то вряд ли Добсон предоставит вам дело, благодаря которому вы сможете развиваться.

Мы повернули налево к церкви святого Игнатия, и Алистер продолжил:

— Нам нужно больше офицеров похожих на вас, Зиль. Как и более образованных судей и юристов, социологов и психологов. Наши знания о мышлении преступников катастрофически отстают от должного уровня. Потому что люди считают преступников, а особенно убийц, настолько мерзкими, что не могут преодолеть свои моральные барьеры и

достичь определённого научного прогресса.

— Но вы же не перестанете этим заниматься, — произнёс я.

Алистер посмотрел на меня и рассмеялся:

— Вы правы, Зиль. Абсолютно правы!

Когда я начал подниматься по серым каменным ступеням к часовне, где проводилась панихида по Стелле, меня затопило чувство вины.

Медленно падал негустой снежок; он тонким слоем ложился на траву и деревья, хотя проезжая часть оставалась чистой из-за постоянно снующих машин и экипажей.

Мы с Алистером отряхнули снег со шляп и пальто и заняли места на скамье в задней части зала.

На удивление, на панихиде присутствовало много человек — около сорока. Мы вообще не думали, что панихида состоится, но Кора Черни вместе с пожилой миссис Уингейт занялись всеми приготовлениями и взяли на себя все расходы.

Было странно видеть настолько разнородную группу вместе. В первом ряду между Эбигейл и Корой сидела миссис Уингейт, она выглядела слабой, но спину держала прямо.

Пришли и люди с прошлых работ Стеллы — от Мод, поварахи, домработницы миссис Уингейт, до группки молодых девушек, лениво перешёптывающихся у дальней стены — явно из заведения Мамаи Дюран.

Но у стороннего наблюдателя, тем не менее, не возникло бы никаких вопросов: в чёрной строгой одежде девушки выглядели воплощением добропорядочности.

Служба проходило гладко. Священник говорил обычные фразы: те, кто знал Стеллу, будут очень по ней скучать; какая трагедия, что её жизнь прервалась так внезапно, хотя Стеллы была ещё так молода; но никто из присутствующих не должен отчаиваться, ведь Стелла обрела покой в лучшем мире.

Люди всегда говорят подобные вещи, чтобы живым стало легче, но подобных банальностей было недостаточно, чтобы справиться бурей в душе, которую вызывало жестокое убийство Стеллы Гибсон.

Я оглядел помещение: слова священника действительно помогали окружающим справиться с горем? Или они звучали неискренне и бездушно не только для меня?

Возможно, я был единственным на панихиде, кого вечно преследовали мысли о мёртвых. Меня никогда не покидали мысли о том, какой бы была жизнь умерших, если бы её можно было переписать.

Спустя минут двадцать пришла Мамаи Дюран.

Она была одета во всё чёрное, за исключением торчащего из-под воротника шерстяного пальто красного платка, и не привлекла ничьё внимание.

Женщина тихо села на скамью, дождалась окончания панихиды и явно предпочла бы уйти, не вступая ни с кем в беседу.

Но я быстро попрощался с Алистером и смог задержать Мамаи у выхода.

— Миссис Дюран? Мы можем с вами поговорить?

— Конечно, если вы не будете говорить о работе, — ответила Мамаи. — Я могу уделить вам минуту-другую, но не понимаю, чем смогу вам помочь. Стелла мертва, и из статей в газетах я поняла, что убийца — некто совершенно не тот, кого вы первоначально искали. Жаль, что вы не сообразили быстрее, иначе Стелла могла бы быть жива.

Это оскорбление должно было послужить мне предупреждением — Мамаи Дюран не была настроена на беседу на личные темы.

— Только один вопрос. Ответьте — и всё, — начал я.

— Продолжайте, — сказала она, уводя меня от толпы скорбящих в сторону церковного кладбища, где нас никто не сможет услышать.

— Девушка по имени Мойра Ши. Скорей всего, была убита Майклом Фромли в августе 1902 года. Расследуя собственное дело, я наткнулся на отчёт о её вскрытии, и меня кое-что заинтересовало. Незадолго до того, как тело должно было быть передано на общественное кладбище для бедных, его забрала женщина, назвавшаяся её матерью. И это были вы.

Я остановился, чтобы перевести дыхание, но ненадолго, чтобы Маами не смогла меня прервать.

— Какие отношения связывали вас с Мойрой Ши, раз вы не смогли отдать её для захоронения на кладбище для нищих?

Она не ответила, поэтому я пояснил:

— Я спрашиваю это для себя лично. Ваш ответ не будет записан ни в какие официальные бумаги. Даю вам слово.

Казалось, молчание будет длиться вечно.

— Назовите хоть одну причину, почему мне стоит вам ответить, детектив, — произнесла Маами, с сомнением глядя на меня.

Я улыбнулся, стараясь казаться дружелюбным.

— Желание детектива довести дело до самого конца?

Она фыркнула.

— Думается мне, что у вас есть много неоконченных дел. Спишу это на ваше искреннее любопытство. Вы, детективы, не любите, когда что-то остаётся невыясненным.

Она окинула меня тяжёлым взглядом.

— Всё, что я скажу, останется между нами?

Я кивнул.

Она отошла ещё дальше от собравшихся скорбящих людей, чтобы удостовериться, что никто не услышит наш разговор.

— Мойра была мне дочерью, — произнесла она. — Точнее, самым близким к этому понятием из того, что я смогу познать за всю свою жизнь. Её мать работала на меня, а потом заболела туберкулёзом и умерла. Мойре тогда было всего три годика. Я стала её опекуном, хотя никогда официально не оформляла документы. Наверно, я просто считала, что это ничего не изменит в моих к ней чувствах, — пожала Маами плечами. — Знаете, детектив, все мы создаём семьи. Такими, какими их себе представляем.

У неё спёрло дыхание.

— Пока она была жива, мы жили с ней на противоположном конце города, где меня никто не знал. Я хотела для неё лучшей жизни. Лучшей, чем была у меня, и лучшей, чем была у её матери.

Её голос начал дрожать от ярости, которая, казалось, нисколько не утихла за прошедшие три года.

— Какое право он имел забирать её у меня? У всех? А ваша полиция ничего не сделала; они даже не смогли найти достаточное количество улик, чтобы арестовать его. И в результате стало казаться, что Мойра умерла из-за каких-то пустяков.

Я секунду помолчал.

— А как вы начали подозревать Майкла Фромли? У полиции он никогда не находился под подозрением в убийстве Мойры.

— Неуклюжие идиоты, — буркнула она. — Я наняла частных детективов. Они пришли к тому же выводу, что и полиция в деле той девчонки Смедли: куча подозрений, но ни одной серьёзной улики. Поэтому я продолжила платить детективам, чтобы они наблюдали за ним.

Она глянула на меня и прищурилась.

— Не важно, что сделал или не сделал ваш профессор. Если бы его сотрудник не убил Фромли, я бы сама это сделала через какое-то время. Эта тварь не имела права жить, после того как забрала мою Мойру. Никакого права.

Но Мами помогла Фромли избежать наказания после его нападения на Стеллу. Это она уговорила девушку не выдвигать обвинения, позволяя Фромли снова выйти сухим из воды.

Я спросил её об этом.

— Тогда почему вы...?

Её голос был холоден как лёд.

— Да, я договорилась об этом. Фромли как раз собирался получить по заслугам за попытку убийства Катерины Смедли, когда на горизонте появился ваш профессор со странным желанием заполучить себе это существо для изучения. И тогда я отозвала обвинения.

Она резко, гортанно засмеялась.

— Ваш профессор решил, что Фромли угодил прямо к нему в объятия только благодаря его собственным заслугам. Вы думаете, я сама не могу дать взятку или попросить об услуге? Подкупить судью?

Она выпрямилась. В её голосе звучала ярость. И гордость собой.

— Я заплатила пятьсот долларов, чтобы Фромли попал к Алистеру, свободный от тюрьмы и электрического стула. Знаете, помимо всего я хотела знать, почему... понять, отчего он убил мою Мойру. И я решила, что ваш профессор сможет получить ответы на мои вопросы, если дать ему шанс.

— Я всегда могла убить Фромли чуть позже, — мрачно добавила она, — в этом заключалось моё преимущество. Если бы это случилось прямо после смерти Мойры, на меня могли бы пасть подозрения. Но спустя несколько лет... К тому времени про мои отношения с Мойрой все забудут.

Значит, Алистера одурачили?

Хотя, факт вмешательства Мами Дюран не обязательно снимал с него вину.

И даже если виновна в случившемся исключительно Мами, я точно знал, что никогда не скажу об этом Алистеру — не только из-за данного Мами слова, но и ради его же блага.

Я не хотел, чтобы Алистер почувствовал прощение за то, что произошло. Не хотел, чтобы он почувствовал, что его вины в этом нет. Должно оставаться что-то, что будет тяготить совесть Алистера, иначе он останется слепо предан своим исследованиям.

Обидно, что Алистер не рассказал мне о своих отношениях с Мами.

«Я — открытая книга», — лгал он мне.

— И вы получили от Алистера нужные вам ответы? — спросил я у Мами.

— О да, я довольно часто разговаривала с профессором, — она пренебрежительно сморщила носик. — Должна признать, что ожидала большего результата за свои деньги. Он не узнал ничего существенно нового. Он так и не понял, почему этот человек выбрал Мойру. Он даже не смог толком объяснить, почему Фромли совершал то, что совершал.

Но я понимал, что всё, что может ответить ей по этому поводу Алистер, не удовлетворит Мами. Знание может заполнить почти любую пустоту, но не такую, как после

её потери.

Мама Дюран выпрямилась и повернулась уходить.

— Всего доброго, детектив. Надеюсь, наши пути больше не пересекутся.

И она ушла в своём чёрном пальто и под зонтиком, скрылась за стеной снега и среди толпы гуляющих по Бродвею прохожих.

Пришло время отправляться домой.

После панихиды по Стелле мной завладело мрачное настроение, и я остро ощутил бессмысленность цели.

Снегопад стал сильнее. На земле уже образовался пяти-шестисантиметровый слой снега, а за ночь обещало нападать ещё больше.

Повинуясь внезапному порыву, я зашёл в кофейню, где было тепло, светло и приятно пахло свежесваренным молотым кофе

— Бискотти и двойной эспрессо, пожалуйста.

Я озвучил заказ низкому итальянцу за кассой. Похоже, он не говорил по-английски, но делал просто превосходный эспрессо — по крайней мере, если верить посетителю, стоявшему передо мной.

Затем я уселся за небольшой столик, глянул на улицу и начал читать газету.

Но я не смог сосредоточиться на тексте, поэтому отложил газету в сторону и достал записку, которую получил прошлым вечером.

*«Зиль,
был рад с тобой поработать, парень. Я буду на связи.
— Н.С.»*

Малвани был прав.

«Дьявол захочет забрать своё», — сказал он мне в тот раз.

В тот момент я бросился бы в преисподнюю, чтобы получить незаконное одолжение, которого всегда пытался избегать в работе.

Но, похоже, влияние Нижнего Ист-Сайда затаскивало меня обратно, когда я так хотел выбраться и сбежать.

Хотя... Разве у меня был выбор? Когда Изабелла ушла из исследовательского центра, чтобы задать вопросы Горацию, она забрала с собой доказательства, которые могли привести меня к нему.

Без помощи Никки я бы никогда так быстро не установил личность Горация. И мог не успеть спасти Изабеллу.

У меня не было другого выбора.

Да и Никки не был дьяволом — он просто самый важный игрок в нью-йоркской системе денежных связей и услуг, системе, которая функционирует во всех классах общества.

Алистер тоже делал жертвования и подкупал газетчиков, когда не захотел, чтобы его история была напечатана в газете. Просто он называл это по-другому. *Quid pro quo*, или «услуга за услугу», если говорить юридическими терминами.

И он показал мне её опасность: как лёгкость манипулирования окружающими может завести слишком далеко.

Разве виновность Мамаи во взяточничестве оправдывает Алистера?

Не обязательно. В конце концов, судья, который принял одну взятку, мог принять и вторую. Я не мог сказать точно, так ли это, но это уже было не важно.

А важно было то, что я более непреклонен. По крайней мере, в этом вопросе.

Не бывает простого выбора. Я был гибким, но в подобных случаях проявлял решительность и даже упрямство.

Я смогу справиться с Никки, какие бы трудности не вклинились в наши с ним отношения. Наши пути пересекутся, только если я решу вновь вернуться сюда.

Может, Алистер был прав: я жажду азарта, сложных случаев, которые могут найти меня только в Нью-Йорке?

Может, да. А, может, и нет.

Горячий эспрессо взбудрил меня. Я осушил чашку и заказал ещё одну.

Кто-то поставил на проигрыватель за моей спиной пластинку, и из угла полились звуки скрипки. Я сидел и наслаждался простым присутствием здесь этим снежным ноябрьским вечером. Один из многих. Безликий.

В кофейне я сидел долго.

Когда я засовывал в карман письмо от Никки, мои пальцы нащупали что-то ещё.

Я вытащил клочок бумаги.

Это было предсказание из юэбина, который мы ели с Алистером и Изабеллой тем вечером в кафе. Я положил его в карман и забыл.

Я положил его перед собой и разгладил пальцами. Разум мой заполнился мыслями о Изабелле — потому что тот вечер в Китайском квартале теперь навечно будет у меня ассоциироваться с Изабеллой.

«Первый шаг к лучшему будущему — вообразить себе его».

Я провёл пальцем по листку бумаги.

Он вызывал у меня тёплые воспоминания.

Я положил его к другим бумажкам, которые собирался выбросить. Но потом передумал, аккуратно сложил и поместил в бумажник.

Я снова вышел под снегопад, где мерцали вывески театров и отбрасывали на укрытую снегом землю серебристо-голубые тени.

Призрачные образы, которые исполняли этой ночью рядом со мной свой собственный танец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

«Синий воротничок» — понятие, обозначающее принадлежность к рабочему классу, представители которого, как правило, заняты физическим трудом с почасовой оплатой. Синие воротнички противопоставляются работникам сферы услуг и белым воротничкам, которые не занимаются физическим трудом.

Пинта — единица объёма, составляет 473 мл.

Вудберитипия — фотомеханический процесс, позволяющий тиражировать высококачественные чёрно-белые полутонные изображения, был запатентован в 1865 году.

Желатиносеребряный фотопроеесс — фотографический процесс, основанный на нанесении эмульсии светочувствительных галогенидов серебра на подложку из стекла, бумаги или гибкой плёнки. Технология разработана Ричардом Меддоксом в 1871 году и усовершенствована Чарльзом Беннетом в 1878 году.

Джордж Макклеллан — мэр Нью-Йорка в 1904–1909 годах. Представитель Демократической партии. Был инициатором строительства Манхэттенского и Квинсборо мостов. При Макклеллане введена в эксплуатацию первая линия городского метро, мэр лично управлял первым поездом метрополитена, перевозившим почетных гостей на церемонии открытия

Уильям Рэндольф Херст — американский медиамагнат, основатель холдинга «Hearst Corporation», ведущий газетный издатель. Создал индустрию новостей и придумал делать деньги на сплетнях и скандалах.

Таммани — политическое общество Демократической партии США в Нью-Йорке. К 1860-м годам общество Таммани превратилось в партийную машину боссов Демократической партии, закулисно вершивших ее дела. Её влияние достигло своего пика в конце XIX — начале XX веков, и ослабело в 1930-х годах после реформ Франклина Рузвельта и Фиорелло Ла Гардиа.

Чарльз Френсис Мерфи, также известный под именем «Молчун Чарли» за свою немногословность и продуманность действий. Известный политический деятель, глава общества Таммани в Нью-Йорке с 1902 по 1924 года. Именно благодаря «боссу Мерфи» Таммани перестали считать коррупционным сообществом, и именно он вывел политическое влияние Таммани-холла на государственный уровень.

Миссис Каролина Астор, жена Уильяма Бэкхауза Астора-младшего, считалась одним из главных центров высшего общества Нью-Йорка своего времени.

Эжен Франсуа Видок — французский преступник, ставший впоследствии первым главой Главного Управления Национальной Безопасности (фр. Sûreté Nationale), а потом и одним из первых современных частных детективов и «отцом» уголовного розыска в его современном виде.

Главное Управлѐние Национальной Безопáсности (фр. Sûreté Nationale) — отделение французской полиции, основанное Эженом Франсуа Видоком в 1812 году. Считается одной из первых организаций по борьбе с преступностью в мире, по образу которой были созданы Скотланд-Ярд и ФБР. Видок считал обычную полицию неэффективной в борьбе с преступностью, поэтому создал свою организацию по модели тайной полиции Наполеона. Среди её особенностей можно выделить засекреченность, а также тот факт, что она во многом состояла из бывших преступников, вроде самого Видока (Франсуа руководствовался принципом «Преступника может поймать только преступник»). К 1820 году в её ряды входили 30 человек, а уровень преступности во Франции был снижен на 40 %

Александр Лакассань — основатель французской школы судебной медицины и криминальной антропологии с центром в Лионе, Франция. Был пионером в области исследования образцов крови и огнестрельных ранений, определения видов оружия, которые оставили ранения. Дал научное объяснение образования трупных пятен. Работал в области социологии и психологии, корреляции этих дисциплин с уголовным и девиантным поведением в криминалистике. Считал биологическую предрасположенность индивидуалов и их социальную среду важными факторами в формировании преступного поведения.

Синг-Синг — тюрьма с максимально строгим режимом в городе Оссининг, штат Нью-Йорк, США. Расположена примерно в 48 километрах к северу от города Нью-Йорка на берегу реки Гудзон.

Райкерс — остров-тюрьма в проливе Ист-Ривер, относящийся к городу Нью-Йорк. Расстояние до другого берега — 80 метров. На данный момент является самой крупной исправительной колонией в мире, но во время развёртывающихся в романе событий площадь острова составляла всего 0,36 км².

Леон Франк Чолгош — американский анархист, убийца 25-го президента США Уильяма МакКинли.

4 марта 1901 года МакКинли вступил в должность президента на второй срок, Рузвельт стал вице-президентом. 6 сентября того же года на МакКинли было совершено покушение, а 14 сентября он скончался от полученной раны. В тот же день Рузвельт был приведен к присяге как новый президент. Он стал самым молодым (42 года и 10 месяцев) президентом за всю историю США.

Морнингсайд-Хайтс — квартал в Верхнем Вест-Сайде в боро (единица административного деления города Нью-Йорк) Манхэттен, Нью-Йорк.

«Макким, Мид энд Уайт» (англ. McKim, Mead, and White) — американская архитектурная фирма, одна из крупнейших и наиболее влиятельных в США на рубеже XIX и XX веков. Архитектурный стиль фирмы отличался точным подражанием историческим формам, элегантностью и большим вниманием к интерьерам.

Ганс Густав Адольф Гросс — австрийский юрист и криминолог, основоположник криминалистики.

Банда «Файв Поинтс» — преступная организация ирландско-американского происхождения XIX-начала XX веков. Основатель банды — Пол Келли — многие годы набирал в свои ряды юношей, которые впоследствии стали выдающимися преступниками — Джонни Торрио, Аль Капоне и Лаки Лучано.

Джордж Чепмен — британский серийный убийца. Обосновался в Лондоне между 1887 и 1888 годом. Троих из своих любовниц — Мэри Спинк, Элизабет Тейлор и Мод Марш — он убил. Сделал это Чепмен с помощью специального лекарства, в которое добавлял рвотное. Мотив убийств не определён до сих пор.

День труда — национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

Мод Адамс (урождённая Мод Юинг Кискадден) — американская театральная актриса. Большую популярность в последующие годы ей принесли роли в пьесах «Бал-маскарад», «Бабочки», «Кристофер младший», «Маленький священник», «Орлеанская дева» и «Питер Пэн», роль в которой сделала её главной звездой Бродвея начала XX века.

Барнард-колледж — частный женский гуманитарный колледж на Манхэттене. Основан в 1889 году. С 1900 года аффилирован с Колумбийским университетом.

Принстонский университет — частный исследовательский университет, один из старейших и известнейших университетов в США. Находится в городе Принстон, штат Нью-Джерси. Принстонский университет предоставляет дипломы бакалавра и магистра в областях естественных, гуманитарных, общественных и технических наук.

«Принстон Джанкшен» — железнодорожная станция в 4 км от кампуса Принстонского университета.

Давид Гильберт — немецкий математик-универсал. В 1910—1920-е годы (после смерти Анри Пуанкаре) был признанным мировым лидером математиков.

Нильс Фабиан Хельге фон Кох — шведский математик, брат композитора Сигурда фон Коха. Специалист преимущественно по теории чисел.

Брин-Мор-колледж — частный женский гуманитарный университет в г. Брин-Мор, Пенсильвания, США. Входит в ассоциацию семи старейших и наиболее престижных женских колледжей на восточном побережье США. Брин-Мор занимает одно из передовых мест в исследованиях эгейской культуры (бронзовый век Греции и прилегающих территорий).

Колледж Смит — частный женский гуманитарный колледж, расположенный в Нортгемптоне, штат Массачусетс. Это самый большой колледж ассоциации «Семь сестёр».

Сет Лоу — мэр Нью-Йорка в 1902–1903 годах. Получил популярность на выборах, благодаря поддержке писателя Марка Твена. На посту мэра начал реформирование системы муниципальной государственной службы, был инициатором сокращения штата городской полиции. Создатель и Президент Колумбийского университета.

В начале 1890-х годов Теодор Рузвельт совмещал обязанности уполномоченного государственной службы США и комиссара полиции Нью-Йорка. Будучи полицейским комиссаром, он пытался нарушить нейтралитет в отношениях между муниципалитетом, полицией и преступным миром. А чтобы убедиться в том, что его приказы в этом направлении беспрекословно выполняются, Рузвельт надевал черную кепку и гулял в трущобах по ночам. Так он следил за патрульными. Эта манера приводила в восторг карикатуристов и принесла будущему президенту широкую популярность.

Статус-кво (лат. status quo — «положение, в котором») — текущее или существующее положение дел.

Форд Модель В (Ford Model V) — туристический автомобиль, представленный компанией Ford в 1904 году. В 1906 году был заменен на Model K.

Марди Гра — вторник перед Пепельной средой и началом католического Великого поста. Празднуется во многих странах Европы, в США и в других странах. Из городов США самые массовые и пышные празднования проходят в Новом Орлеане. Аналог восточнославянской Масленицы.

Бауэри — название улицы и прилегающего к ней одноимённого района в Нью-Йорке. В течение XIX века он преобразился в район народных развлечений.

«В тени старой яблони» (оригинальное название — «In the Shade of the Old Apple Tree») — популярная в 1905 году песня, исполненная канадским певцом начала XX века Генри Берром.

Майкл Солтер — известный владелец баров и криминальный авторитет в Нью-Йорке начала XX века. Его клуб «Пелхам» считался неофициальной границей, разделявшей территорию банды Истмена и банды «Файв Поинтс».

Популярные карточные игры XIX-начала XX веков.

Tin Pan Alley (англ.) — «улица жестяных сковородок» (или «жестяных кастрюль») — собирательное название американской коммерческой музыкальной индустрии. Первоначально название относилось к 28-й улице на Манхэттене в Нью-Йорке, на которой с 1900 года были сосредоточены ведущие нотоиздательские фирмы, торговые и рекламные агентства, специализирующиеся на развлекательной музыке.

«Прóзит!» — ранее распространённая, а сейчас почти забытая фраза, означающая «За ваше здоровье!».

Бренди Александр (англ. Brandy Alexander) — коктейль со сливками на основе коньяка и шоколадного ликёра. Своим появлением обязан американскому «Сухому закону», действовавшему в США в начале XX века. Именно «сладкие» составляющие коктейля помогали маскировать алкоголь и таким образом обходить запрет на его продажу.

Апоплексия — в современной медицине заменено понятием «геморрагический инсульт» — кровоизлияние в вещество головного мозга с повреждением ткани мозга и расстройством его функций. У пациента наступает парез/паралич рук и ног (обычно с одной стороны), нарушается речь. Многие больные теряют сознание, не реагируют на окружающее.

Бродвейский мюзикл Джорджа М. Козна 1904 года.

Пол Дрессер — популярный американский певец, композитор и автор песен.

Энрико Карузо — великий итальянский оперный певец. Самая большая слава певца связана с нью-йоркским театром Метрополитен-опера, ведущим солистом которого он был с 1903 по 1921 г.

Стаут — тёмный элевый сорт пива.

Нахлыст — это вид ловли рыбы на искусственную приманку, зачастую — мушку. Как правило, приманка забрасывается с помощью специализированного удилища и шнура.

Лириан Уолд — медсестра, социальный работник, общественный деятель. В 1895 г. известный еврейский миллионер и филантроп Джейкоб Шифф купил дом для Лириан и её медсестёр по адресу Генри-стрит, 265. Этот дом стал центром патронажного обслуживания Нижнего Манхэттена. Там была открыта первая городская детская площадка. Дом на Генри-стрит был открыт для любых больных всех цветов кожи, евреев и христиан. Здесь делали прививки, принимали роды, обучали матерей уходу за младенцами и учили избавляться от глистов.

Богатый квартал Нью-Йорка. Улица известна тем, что в различные времена там проживали многие знаменитые люди: Фрэнк Костелло, Лаки Лучано, Джон Леннон и Йоко Оно, Боно из U2, Деми Мур, Дайан Китон, Стинг, Мадонна

Изображение именно этого фонтана расположено на обложке книги (прим. пер.).

Самый знаменитый американский ресторан в Нью-Йорке; по популярности, возможно, до сих пор опережает все ныне существующие. Прежде всего, «Дельмонико» создал стандарт цивилизованного поведения в ресторане в Нью-Йорке. Ресторан неоднократно переезжал с места на место, менял шеф-поваров, которые обзаводились собственными заведениями, но неизменным оставалось одно: высочайший уровень обслуживания и непревзойденная кухня «Дельмонико», которая и поныне считается эталонной.

Чоп Суи, дословно — китайское рагу. В состав входит нарезанное соломкой мясо (говядина или свинина), птица или креветки, обжаренные в раскаленном масле с сельдереем, а также молодые побеги бамбука и бобов, водяные каштаны, лук, сладкий перец, грибы, специи, соевый соус. Подается с рисом.

Даньхуатан — китайский суп с кусочками яиц, варёных в курином бульоне. Часто в него добавляют чёрный или белый перец, а также тофу и зелёный лук.

«Дж. П. Морган» («JPMorgan») — американский банк, крупнейший по размеру активов.

Юэбин — китайская выпечка, которую традиционно употребляют на Праздник середины осени. Обычно юэбины круглые или квадратные, примерно 10 см в диаметре и 4–5 см в толщину, начинены пастой из сладких бобов или лотоса. Начинка занимает бóльшую часть пряника. Десятисантиметровый юэбин содержит около 1000 килокалорий.

Маджестик (рус. Величественный) — бродвейский театр, расположенный в восточной части 44-й улицы в театральном квартале Манхэттена, Нью-Йорк. Это один самых вместительных театров Бродвея.

«O mio babbino caro» (ит. «О, дорогой мой отец») — ария сопранового репертуара из оперы «Джанни Скикки», написанной итальянским композитором Джакомо Пуччини в 1918 году.

Канноли — традиционный сицилийский десерт, представляющий собой вафельную хрустящую трубочку, наполненную начинкой из сыра маскарпоне, взбитого творога или рикотты с добавлением различных сиропов (чаще со вкусом ванили или шоколада), вина марсалы или розовой воды.

Одно из названий фонтана Бетесда — “Ангел Вод” — по эпизоду из Евангелия от Иоанна, глава 5, где есть описание ангела благословения, являющегося главной скульптурой фонтана

Ботлер — дословно: человек, разливающий по бутылкам (прим. пер.).

Четвёртая поправка к Конституции США запрещает необоснованные обыски и задержания, а также требует, чтобы любые ордера на обыск выдавались лишь судом при наличии достаточных оснований.